

УДК 94(477):314.156.5] "19"

ББК 63.3 (4 УКР) 615-4

К-90

Составитель:
Надежда Тысячная

Дизайн обложки: Мирослав Корпусенко

В обложке использованы мотивы картины
Николая Червоткина «Никто не хотел умирать»

«День» и автор благодарят ОАО «Укрнафта»
за финансовое содействие в издании книги

- © Л. Ившина, общая редакция, слово к читателям, 2007
© Газета «День», тексты, фотографии, 2007
© Издательство ЗАО «Украинская пресс-группа», макет, 2007

ISBN 978-966-8152-11-5

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Беспримерная в истории трагедия украинского Голодомора с каждым годом все в большей мере оказывается в центре внимания мировой общественности. Так, в ноябре 2003 года Генеральная Ассамблея ООН приняла Совместное заявление 36-ти стран, в котором высказывалось сочувствие гражданам Украины в связи с 70-й годовщиной голода 1932—1933 годов. В этом заявлении, однако, не указывалось на то, что Голодомор следует квалифицировать как геноцид украинского народа. Перед учеными встала задача убедить международную общественность в том, что эта трагедия подпадает под действие Конвенции ООН о геноциде. И среди украинских историков мало найдется столь компетентных специалистов, владеющих всеми аспектами указанной проблемы, как автор этой книги.

Профессор Станислав Кульчицкий — один из постоянных экспертов нашей газеты. Со времени первого выступления (22 апреля 1997 г.) он опубликовал в «Дне» десятки статей по актуальным темам отечественной истории XX столетия. Иногда мы заказывали ему статьи на темы, которые интересовали читателей, чаще же он делился с нами собственными открытиями в ходе исследовательской работы.

С. Кульчицкий исследует проблему голода 1932—1933 годов более двух десятилетий. Первые его статьи на эту тему появились в январе

1988 года, то есть практически одновременно со снятием запрета на публикации о голоде в открытой печати. В 1991 году вышла в свет его первая книга о голоде — «Ціна “великого перелому”».

К теме Голодомора ученый вновь обратился после скорбной даты — 70-й годовщины трагедии. Теперь его интересовала не столько фактическая сторона дела, сколько возможность использования ее для доказательства реальности преступления — акта геноцида в соответствии с международным законодательством. Работая над новой книгой о Голодоморе, С. Кульчицкий убедился в том, что доказательная база существует. Своими аргументами он поделился с читателями газеты «День» в цикле статей «Почему Сталин нас уничтожал?». Никогда ранее газета не печатала материал такой протяженности — более 4-х печатных листов. Но мы пошли на это, учитывая исключительную важность такой темы для Украины, нашего национального сознания.

В статьях, вошедших в эту книгу, имеются логические повторы, поскольку они создавались на протяжении трех лет. В каждом своем выступлении ученый обращал внимание на ту или иную существенную сторону проблемы. В частности, полемизируя с теми, кто утверждал, что тоталитарный режим репрессировал украинцев в силу их национальной принадлежности, он в цикле статей, давшем название всей книге, доказал: Голодомор — это акция в террористической политике, обусловленная конкретными обстоятельствами места и времени. Только если мы примем это во внимание, крупнейшая в истории украинского народа трагедия перестает быть иррациональной и приобретает дьявольскую осмысленность.

Цель статьи «Был ли Голодомор геноцидом?» видна из ее названия. Здесь ученый сосредоточил внимание читателей газеты «День» на том, как рассматривался голод 1932—1933 годов в Украине и в мире в различные исторические периоды, какие обстоятельства мешали воспринимать миллионные потери населения вследствие созданной властями ситуации голода как геноцид.

В статье «Голодомор 1932—1933 годов как геноцид: пробелы в доказательной базе» С. Кульчицкий обратил внимание сторонников концепции геноцида на слабо аргументированные пункты в их системе доказательств. Статья «Смертельный водоворот» посвящена обстоятельствам гибели украинской Кубани посредством распространения на этот регион Российской Федерации репрессивных действий сталинских сатрапов, которые осуществлялись в УССР.

Наконец, в статье «Украинский Голодомор на фоне общесоюзного голода» авторская концепция событий 1932—1933 годов излагается под углом зрения общесоюзной картины голода. Эта статья адресована прежде всего тем, кто не отделяет голода в других регионах СССР от украинского Голодомора. С. Кульчицкий соглашается со своими оппонентами в том, что социально-экономический кризис охватил тогда весь Советский Союз, население которого голодало вследствие избыточных хлебозаготовок (в хлебопроизводящей полосе) либо полного или частичного прекращения централизованного снабжения (в хлебопотребляющей полосе). И население Украины до последних месяцев 1932 года голодало именно по этим причинам. Но принципиальное отличие именно украинской ситуации заключалось в том, что в ноябре-декабре 1932 года в селах, поставленных на «черную доску», а в январе 1933 года — по всей территории Украины была произведена с целью предупреждения социального взрыва карательная акция, не имевшая никакого отношения к хлебозаготовкам. Используя заготовки как дымовую завесу, Кремль осуществил конфискацию всего имевшегося в крестьянских усадьбах продовольствия, и эта репрессивная акция превратила голод в Голодомор. С февраля 1933 года сталинское правительство поспешило к крестьянам УССР и Кубани с широко разрекламированной продовольственной помощью, но она была оказана не всем и не везде. Следствием этой тщательно спланированной и замаскированной под хлебозаготовки акции стала гибель миллионов людей.

Статьи С. Кульчицкого показывают не только то, как голодало украинское село, но и то, почему оно голодало. Ученый доказывает, что Голодомор был следствием политики узкой группы кремлевского руководства, которое в ситуации тяжелого кризиса, вызванного его же авантюристической экономической политикой, не останавливалось ни перед чем, чтобы террором сбить накал народного недовольства. Объектом целенаправленного террора голодом стала Украина — расположенная у границ Европы крупнейшая национальная республика с большими традициями освободительной борьбы.

Читатели газеты «День» на протяжении трех лет были свидетелями того, как создавалась авторская концепция голода-геноцида. Ведь элементы этой концепции впервые увидели свет именно в публикациях газеты «День». Наша газета послужила для автора трибуной, с которой он обращался к широкой общественности с суждениями, имеющими большое научное значение и политическое звучание.

Над проблемами Голодомора ломают копья ученые и политики. Думаю, что всем участникам дискуссии, которая давно приобрела международный характер, следует прислушаться к аргументам ученого, за плечами которого десятки книг, сотни статей, большая научная школа. Его аргументы должны быть убедительны для тех, кто отстаивает научную истину, а не политическую позицию в споре.

Читатели, знакомые с изданиями серии «Библиотека газеты «День — «Украина Incognita», без сомнения, хорошо помнят книгу «День і вічність Джеймса Мейса», посвященную памяти, научному, публицистическому наследию и яркой, уникальной жизни Джеймса Мейса — нашего журналиста, человека, одним из первых в мировой исторической мысли и журналистике проанализировавшего скрытые механизмы сталинского «террора голодом». Заметим, кстати, что Станислав Кульчицкий хорошо знал Джеймса. Пройдя непростой путь внутренней эволюции, он продолжает поиск научной истины. Но обе книги, идущие, безусловно, в одном русле — духовного очищения общества и преследующие общую цель, не повторяют одна другую, а демонстрируют многообразие подходов к изучению страшной трагедии украинского Голодомора.

Мы публикуем книгу «Почему он нас уничтожал?» на русском языке, чтобы она стала доступной в первую очередь для русскоязычной аудитории в Украине и в России. У С. Кульчицкого есть публикации на эту тему в Германии, Канаде, США, Италии и других странах Запада, но их нет в России (за исключением публикаций конца 80-х — начала 90-х годов, когда не стоял вопрос о геноциде).

Надеюсь, эта книга поможет более глубоко осознать страницы прошлого и когда-нибудь украинцы и на русском языке услышат слова понимания и официального признания Голодомора геноцидом.

Эта книга — вклад в преодоление комплекса жертвы и укрепление духовной суверенности украинцев. Наш народ, который пережил ТАКОЕ и устоял, не может не иметь амбиций. Помнить больно. Но боль — это реакция живого организма.

Лариса ИВШИНА,
главный редактор газеты «День»
17 августа 2007 года

Почему ОН НАС уничтожал?

Сталин и украинский Голодомор

I. Почему Сталин нас уничтожал?

У этой серии статей, напечатанной в газете «День», может быть и другое название, которое найдется в научной и политико-правовой плоскости: «Голодомор 1932—1933 годов в Украине как геноцид». Задачей историков должно стать доказательство научного, а юристов и государственных служащих — правового и политического выводов о том, что Голодомор представлял собой геноцид. Мы все вместе обязаны добиться от международного содружества правовой оценки голода 1932—1933 годов в Украине как действия, предусмотренного Конвенцией ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него». Это — наш моральный долг перед памятью миллионов погибших от террора голодом наших соотечественников. Погибших не от голода, а от террора голодом!

ГЕНОЦИД КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

1. СУТЬ ВОПРОСА

12 октября в этом году в Институте Грамши (Рим) состоялся научный семинар на тему: «Сталин, советский голод 1931—1933 годов и украинский Голодомор». Директор института профессор Сильвио Понс и декан Неаполитанского университета профессор Андреа Грацио-зи, которые были инициаторами семинара, поставили на рассмотрение итальянских русистов и украинистов лишь один вопрос: чем отличался украинский Голодомор 1932—1933 годов от голода, вызванного хлебозаготовками с урожая 1931 года по всему Советскому Союзу (включая и Украину), а также от голода, вызванного хлебозаготовками с урожая 1932 года в советских республиках, за исключением Украины? Такая постановка вопроса позволяла выяснить, есть ли убедительные научные аргументы для того, чтобы рассматривать Голодомор как геноцид украинского народа.

Состав иностранных участников семинара в Риме был ограничен: я представлял Украину, а Олег Хлевнюк — Россию. Нужно отметить, что представитель российской стороны более известен на Западе, чем в России или в Украине, потому что его основные монографии опубликованы только на английском языке. Он работает в Государственном архиве Российской Федерации, имеет научную степень доктора наук и по праву считается непревзойденным знатоком первоисточников сталинского периода в истории СССР.

Следует поблагодарить тех историков на Западе, которые приняли близко к сердцу проблему, касающуюся только нас. 10 ноября 2003 года было опубликовано Совместное заявление 36 государств в связи с 70-й годовщиной Голодомора 1932—1933 годов в Украине как офици-

альный документ 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В нем нет определения украинской трагедии как геноцида, хотя в представленном МИД Украины проекте документа оно содержалось. 25 ноября этого года газета «День» опубликовала интервью с Постоянным представителем Украины в ООН Валерием Кучинским относительно работы над этим документом. Но в нем нет ответа на то, почему дипломаты многих стран четко дали понять украинским коллегам, что они не готовы включить в документ слово «геноцид». Ответ прозвучал только на семинаре в Институте Грамши: украинская сторона тогда не предоставила Третьему комитету ООН доказательств того, что советский режим уничтожал украинцев. Представленные документы свидетельствовали о том, что в 1932—1933 годах в Украине погибли от голода миллионы людей. Но это было известно и раньше.

По авторитетному утверждению О. Хлевнюка, документы советских архивов не содержат в себе прямого ответа на вопрос о том, почему были уничтожены миллионы украинских крестьян. Я также утверждал, что у нас есть исчерпывающая документальная база для ответа на вопрос, КАК крестьян уничтожали, но нет документов о том, ПОЧЕМУ их уничтожали. Исполнители страшного преступления Кремля нуждались в инструкциях, и они сохранились в архивах. Но Сталин никому не должен был докладывать, ПОЧЕМУ он применил террор голодом, если употреблять термин, впервые использованный английским исследователем Робертом Конквестом.

Убедительный ответ на вопрос о мотивах преступления возможен только в ходе комплексного анализа многих документов. В 2005 году «Украинский исторический журнал» опубликовал статьи одного из авторитетных на Западе знатоков национальной политики КПСС профессора Кельнского университета Герхарда Зимона и уже упомянутого выше Андреа Грациози, в которых анализируется сталинский террор голодом. Используя выводы своих зарубежных и отечественных коллег, а также собственный почти 20-летний опыт работы над проблемой украинского Голодомора, я хочу сделать попытку ответить на вопрос о том, почему Сталин нас уничтожал. Обоснование ответа нуждается в отдельной монографии, и эту книгу еще придется писать. Но я спешу опубликовать газетный вариант работы. Газета «День» выходит на трех языках и представлена во всемирной сети, то есть имеет прямой выход на широкую общественность. Это особенно важно, потому что Голодомор только в последнюю очередь — историческая проблема.

В первую очередь — это глубокая незаживающая рана на теле народа. Рана не заживет, пока мы не поймем, какими были до Голодомора и какими стали после него.

Мое выступление адресуется и власти. Нельзя сказать, что Институт истории Украины НАН Украины устранен от принятия решений на соответствующую тематику, реализующихся в форме указов президента Украины. В подобных случаях в НАН Украины обращаются, но рекомендации научного сообщества не всегда учитываются. В частности, по указу президента Украины от 11 июля 2005 года Кабинет Министров должен представить на рассмотрение парламента до 1 ноября законопроект «относительно политико-правовой оценки голодоморов в истории украинского народа». Однако текст законопроекта мне неизвестен. Кроме того, я убежден, что в истории украинского народа был только один голодный мор, которого хватит на все времена.

Данный указ предусматривает ко Дню памяти жертв Голодомора и политических репрессий, который в 2005 году выпадает на 26 ноября, решить вопрос о создании Украинского института национальной памяти (УИНП). Такое учреждение действительно нужно, чтобы транслировать приобретенные академической и вузовской наукой знания на все слои общества. Но указ президента Украины не предусматривает механизма создания УИНП. Израильский и польский опыт работы идентичных учреждений свидетельствует о том, что придется решить серьезные вопросы, связанные с материальным и кадровым обеспечением создаваемого УИНП, определением его функций и подготовкой законодательной базы для «вписывания» такого учреждения в систему существующих организаций и ведомств. Нецелесообразно ограничиваться только одним пунктом президентского указа, в котором продекларировано образование УИНП.

В Секретариате президента Украины уже прорабатывают мероприятия в связи с 75-й годовщиной Голодомора в 2008 году. Следует надеяться, что такие мероприятия сломают устоявшуюся тенденцию заниматься на государственном уровне темой Голодомора от одной «круглой даты» к другой. Чтобы придать этой работе систематичность и результативность, нужно, в первую очередь, развить Институт национальной памяти. Нужно также, чтобы общественность Украины и мировое сообщество убедились в том, что Голодомор 1932—1933 годов был не случайным явлением непонятного происхождения, а следствием примененного тоталитарной властью террора голодом, то есть геноцидом.

2. ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГОЛОДОМОРА КАК ГЕНОЦИДА

Отождествление Голодомора 1932—1933 годов в Украине с геноцидом наталкивается, в первую очередь, на терминологическую трудность. Поэтому рассмотрение поставленной проблемы следует начинать с терминологии.

Термин «геноцид» (народоубийство) применил впервые польский адвокат Рафаэль Лемкин в книге «Правители стран Оси в оккупированной Европе» (*Axis Rulers in Occupied Europe*), вышедшей в 1944 году. Этим словом Лемкин назвал сплошное истребление евреев и ромов на подконтрольной нацистам территории. Подразумевая именно такое значение термина, Генеральная Ассамблея ООН в одобренной 11 декабря 1946 года резолюции определила: «Соответственно с нормами международного права геноцид является преступлением, которое осуждает цивилизованный мир и за совершение которого главные виновники должны быть наказаны».

Поскольку массовые истребления людей были распространенным в истории явлением и угроза их повторения оставалась актуальной, Организация Объединенных Наций признала необходимым внести понятие геноцида в международное право. Это создавало юридическую базу для налаживания международного сотрудничества в борьбе с подобными преступлениями, в том числе со стороны лиц, наделенных по конституции высшей властью. 9 декабря 1948 года Генеральная Ассамблея ООН единогласно приняла конвенцию «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него». В статье I Конвенции провозглашалось: «Договаривающиеся стороны подтверждают, что геноцид, независимо от того, совершен ли он в мирное или военное время, является преступлением, нарушающим нормы международного права, и против которого они обязуются принимать предупредительные меры и карать за его осуществление». Статья II давала определение геноцида: «Действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично любую национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». Под уничтожением понималось: «а) убийство членов группы; б) нанесение телесных или психических повреждений членов группы; в) умышленное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение ее; г) совершение мероприятий, рассчитанных на предупреждение деторождения в среде такой группы и, наконец, д) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую».

Конвенция была принята 56-тью голосами имеющихся в наличии тогда членов Генеральной Ассамблеи ООН и предложена для ратификации или присоединения к ней. Она вступила в силу с 12 января 1951 года, то есть на 90-й день после того, как у Генерального секретаря ООН были задекларированы первые 20 актов о ратификации или присоединении. С тех пор эта Конвенция стала инструментом предупреждения геноцида, действенность которого существенно выросла после завершения «холодной войны».

Сформулированные в этом документе юридические нормы не давали 100-процентной гарантии на идентификацию всех случаев массового уничтожения людей как геноцида. Абсолютно отвечал им только Холокост времен Второй мировой войны: нацисты или уничтожали евреев там и тогда, где и когда их находили, или создавали им физически невозможные условия для жизни. Собственно, Конвенция и была разработана по свежим следам Холокоста. Случаи массового уничтожения людей, которые имели место до Холокоста, не всегда идентифицировались как геноцид и по другой причине. Специалисты правовой науки не желали делать исключений при применении ключевой нормы юриспруденции: закон не имеет обратной силы.

Голод 1932—1933 годов был в СССР запретной темой. Руководители государственной партии осмелились рассказать на XX съезде КПСС (1956 год) о сталинском терроре, направленном прежде всего против компартийно-советской номенклатуры и интеллигенции, но скрывали до последней возможности террор голодом в коллективизированном селе. Только после того, как украинская диаспора добилась создания в Конгрессе США временной комиссии по расследованию событий 1932—1933 годов в Украине, сталинское табу на упоминание голода было упразднено.

Возглавляемая Джеймсом Мейсом комиссия Конгресса США не имела доступа к советским архивам и работала по большей части с эмигрантами, которые пережили коллективизацию и голод, а после Второй мировой войны оказались в Северной Америке. Конечно, очевидцы Голодомора не могли разобрататься в хитросплетениях сталинской политики, но инстинкт жертвы подсказывал им, что советская власть намеревалась физически их уничтожить. Комиссия Дж. Мейса воспроизвела на основании сотен свидетельств реальную картину событий и в апреле 1988 года представила Конгрессу США окончательный отчет.

Проводимые в Украине с 1988 года опросы подтверждали зафиксированную Дж. Мейсом тенденцию: вспоминая события более чем полувековой давности, свидетели Голодомора ощущали намерение власти наказать голодной смертью «саботажников» хлебозаготовок. Отдельные документы, случайно сохранившиеся в архивах, подтверждают наличие такого ощущения у людей, переживших голод. Анонимное письмо, пришедшее в августе 1933 года в редакцию газеты «Коммунист» из Полтавы и принадлежащее, судя по содержанию и стилю, человеку с высшим образованием, даже претендовало на определенное обобщение сталинской национальной политики: «Физическое уничтожение украинской нации, истощение ее материальных и духовных ресурсов является одним из важнейших пунктов нелегальной программы большевистского централизма».

Комиссия Конгресса США назвала голод 1932—1933 годов в Украине геноцидом. Но это определение основывалось не на документах, а на субъективных суждениях свидетелей Голодомора. Кроме того, эта комиссия призвана была установить факты (с чем она блестяще справилась), а не давать им правовую оценку. Поэтому после завершения ее работы украинские организации Северной Америки решили обратиться к юристам. По инициативе Всемирного конгресса свободных украинцев была создана Международная комиссия по расследованию голода 1932—1933 годов в Украине под руководством профессора Джейкоба Сандберга. Представители североамериканской диаспоры обратились к наиболее выдающимся правоведам, общественным и научным статус которых служил в глазах мировой общественности достаточным основанием объективности их суждений.

В ноябре 1989 года комиссия Дж. Сандберга опубликовала свой вердикт. Непосредственной причиной массового голода в Украине она назвала чрезмерные хлебозаготовки, а его предпосылками — принудительную коллективизацию, раскулачивание и желание центрального правительства дать отпор «традиционному украинскому национализму». Следовательно, юристы увидели в Голодоморе не только стремление Кремля с помощью террора голодом навязать крестьянству несвойственный ему образ жизни, но и выделить в терроре национальную составляющую. Голодомор в Украине был квалифицирован как геноцид.

Комиссия Сандберга определила, что принцип неприменения обратной силы законов может быть распространен на Конвенцию ООН

от 9 декабря 1948 года только формально. Они отметили, что этот принцип относится к уголовному праву, а Конвенция находится вне его рамок, потому что не выносит приговоров. Она только побуждает государства к сотрудничеству в предупреждении совершения геноцида.

Обращаясь к тем, кто отрицал идентификацию Голодомора с преступлением геноцида только на основании отсутствия термина «геноцид» до Второй мировой войны, Международная комиссия юристов поставила вопрос: возможно ли было в довоенные времена свободно уничтожать, в целом или частично, национальную, этническую, расовую или религиозную группу? Ответ очевиден. Из всей приведенной аргументации следовал вердикт: «Комиссия считает оправданным свое мнение о том, что геноцид украинского народа имел место и противоречил действующим в то время нормам международного права».

Этот вердикт основывался на доступных комиссии фактах. Однако юристы со свойственной им дотошностью заявили, что исследование Голодомора должно быть продолжено, чтобы подтвердить вывод о геноциде другими фактами, то есть укрепить его первоисточниками.

3. ПОЛИТИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ГОЛОДОМОРА

Мы помним, насколько важной была тема голода 1932—1933 годов на стыке 80-х и 90-х годов. Она помогала людям избавляться от стереотипов и переосмысливать историю советского периода. Эта тема стала острым оружием в руках тех, кто боролся за независимость республики. Смертные приговоры для миллионов граждан Украины приходили из-за ее пределов.

Казалось, что после обретения независимости проблема Голодомора целиком перейдет в распоряжение историков. Действительно, историки начали изучать ее системно и разносторонне. Но эта проблема стала популярной и на политической арене. Каждая из противоборствующих сторон изымала из научных трудов о голоде 1932—1933 годов нужные факты, игнорируя содержание в целом. Ни одна из них не смогла убедить другую в своей правоте, потому что никого не интересовала истина. А результат соревнований между политиками всех направлений и учеными нетрудно было предвидеть. Первые всегда пользовались средствами массовой информации, формируя общественное мнение, а голос вторых не доходил до общества, затухая в мизерных тиражах книг и брошюр.

Давайте внимательно прислушаемся к тому, что сказал долголетний политзаклученный, народный депутат Украины и глава Ассоциации исследователей голодоморов Левко Лукьяненко на научной конференции 15 ноября 2002 года: «Сегодня членами Ассоциации исследователей голодоморов в Украине и другими учеными собрано большое количество документов, которые доказывают: Москва преднамеренно спланировала и осуществила голодомор в Украине, чтобы укротить национально-освободительное движение, уменьшить количество украинцев, разбавить украинский этнос москвитами, и этим предотвратить в будущем борьбу украинцев за выход из-под власти Москвы».

Казалось бы, эти слова повторяют процитированный выше вывод анонимного письма в редакцию газеты «Коммунист», который сегодня мы уже можем обосновать документально. На самом деле, однако, между ними качественное различие. Аноним из 1933 года вполне справедливо и обоснованно возлагал вину за украинский Голодомор на вождей большевистской партии. Л. Лукьяненко, имея на руках все документы, предоставленные современной исторической наукой, неправомерно расширяет занятый вождями большевиков Кремль до размеров Москвы, а российский народ презрительно именует «москвитами».

«Осаждение» господствующей в СССР нации в национальных республиках (особенно в республиках Балтии и в Украине) не было изобретением одного Сталина. Эта политика действительно преследовала цель уничтожить под корень национально-освободительное движение. Но русские переселенцы (военнослужащие, техническая и гуманитарная интеллигенция, квалифицированные рабочие) не задумывались над стратегическими планами Кремля. Не задумывались над ними и русифицированные украинцы, которые подвергались ассимиляции (порой стихийной, порой сознательно направляемой) на протяжении веков, а не десятилетий. Как же могли реагировать миллионы так называемых москвитов непосредственно в Украине на Голодомор в интерпретации Л. Лукьяненко? В результате безответственных действий людей, которые заботились только о собственной политической карьере, трагичное прошлое начало разъединять, а не объединять граждан Украины. Мы в полной мере почувствовали это во время президентских выборов 2004 года.

Свой вклад в раздувание межнациональных противоречий сделала и противоположная сторона. На парламентских слушаниях, созван-

ных в связи с 70-й годовщиной Голодомора 12 февраля 2003 года, подал голос руководитель Компартии Украины Петр Симоненко. Он уже не мог отрицать голода 1932—1933 годов, потому что этот факт подтвердил В. Щербицкий в 1987 году. Однако, как и его предшественники, П. Симоненко назвал первой причиной голода засуху, а второй — искривления в хлебозаготовках на местах — в районах и областях. Политбюро ЦК ВКП(б) и советское правительство, по версии Симоненко, осудили искривления и потребовали привлечения виновных к уголовной ответственности. Так нагло врать можно было до открытия архивов во времена горбачевской «перестройки». В 70-ю годовщину Голодомора подобные заявления выглядят откровенным кощунством.

Возникает закономерный вопрос: почему представители крайних политических сил правого и левого направлений политизируют проблему Голодомора, то есть обмениваются противоположными по содержанию заявлениями, нисколько не веря в них и вообще не беспокоясь об истине? Ответить на это просто: подобная ситуация сложилась и с некоторыми другими историческими проблемами. Никто не ломает копья вокруг революции 1905—1907 годов, и ее столетний юбилей проходит незамеченным. Другое дело — Голодомор или проблема ОУН-УПА, которые входят в жизненный опыт современного поколения граждан Украины — непосредственных участников событий или их детей. У людей различные мнения о событиях недавнего прошлого, а политики, как всегда, играют на публику. Итак, посмотрим на людей.

В обществе одновременно представлены люди трех поколений — дедушки с бабушками, их дети и дети их детей. Вместе с ними живет и небольшое количество представителей прилегающих поколений, то есть прадеды и правнуки. Оценим жизненный опыт каждого из них.

Начну с прадедов, которые родились до 1920 года. Это поколение ровесников XX века, изведавшее в своей жизни бесчисленное множество страданий и превратностей. На его жизнь пришлось Великая война 1914—1918 годов, гражданские и межнациональные войны после падения Российской империи, голод 1921—1923 годов, индустриализация, коллективизация и Голодомор 1932—1933 годов, Большой террор 1937—1938 годов, Вторая мировая война 1939—1945 годов, послевоенная разруха вместе с голодом 1946—1947 годов. Это поколение я хорошо знаю как по непосредственному общению с ним, так и благодаря

профессии историка. С наиболее молодыми его представителями я и сейчас общаюсь, особенно плодотворно — с последним командармом УПА Василием Куком, самым пожилым из активно действующих журналистов Европы, берлинским профессором Богданом Осадчуком, бывшим вице-премьер-министром УССР по гуманитарным вопросам в течение 17 лет Петром Тронько.

Представители этого поколения, за исключением тех, кто до 1939—1940 годов жил за пределами Советского Союза, были «строителями социализма». Большевики, которых В. И. Ленин называл «каплей в народном море», строили свою «государство-коммуну» (по определению, опять же, Ленина) вместе с народом. Единство действий партии и народа достигалось с помощью двух крылатых фраз: «Кто не с нами — тот против нас!» и «Если враг не сдается, его уничтожают!»

Массовые репрессии были основным методом построения «государства-коммуны». Они продолжались даже после того, как это государство было построено и выдержало испытание на прочность в ходе советско-немецкой войны, — вплоть до смерти И. В. Сталина. При помощи репрессий политическая активность общества была сведена почти к нулю. Только тогда кремлевские вожди поставили на первый план другие методы управления — пропаганду и воспитание.

Я принадлежу к поколению тех, кто родился в период с 1921 по 1950 год. Это — воспитанники советской школы, которых не коснулись массовые репрессии. Старшие представители моего поколения являются ветеранами Великой Отечественной войны и сейчас заслуженно пользуются уважением общества. Как правило, их представления о прошлом отличны от представлений последующих поколений, и это объясняется не только понятной идеализацией своей молодости.

Когда из ГУЛАГа возвращались домой сотни тысяч «реабилитированных» преемниками Сталина политических узников, Лидия Чуковская сказала свою знаменитую фразу: встретились две России — та, что сидела, и та, что сажала. Была, однако, и третья Россия (а также — Украина, Казахстан и т.д.), которая не принимала участия в репрессиях и не переживала их. Среди людей, относящихся к третьей России, в те годы уже становились наиболее многочисленными представители моего поколения.

Возвращаясь из ГУЛАГа, наши родители, как правило, молчали. Молчали, наверное, не только потому, что давали при освобождении «подписку о неразглашении». Они боялись усложнить жизнь детям,

если бы те начали по неопытности говорить что-то нехорошее о советской власти. В конце концов, они боялись и за себя, потому что в этой стране родители отвечали за детей, а дети — за родителей. Такая ответственность воспринималась как норма не только представителями государства, но и обществом. Мы жили в королевстве кривых зеркал, но не понимали этого. Нас уже не нужно было репрессировать, потому что мы уважали или даже любили советскую власть. Мы точно знали, о чем можно говорить на людях, и нам казалось нормальным, что существуют такие вещи, которые каждый должен держать в себе. Прекрасной иллюстрацией к этому утверждению является голод 1932—1933 годов. Все от мала до велика знали, что он таки был, но знали и то, что о нем говорить нельзя. Нельзя, и точка! Мои зарубежные коллеги, изучающие Голодомор (а таких становится все больше), этого не понимают. Они находят объяснение в загадочной русской душе или утверждают о тотальной запуганности населения агентами КГБ. Чтобы понять поведение и образ мышления советских людей, им нужно было бы родиться и жить в этой стране.

Зависимость граждан от советской власти закреплялась не только и даже не столько стандартными репрессиями — уничтожением или арестами. Власть была работодателем, и почти каждому человеку в случае необходимости могла «перекрыть кислород», то есть лишить его работы. Почти каждый в случае непослушания мог оказаться в положении рыбы, выброшенной на песок.

Надо принять во внимание и то, что наиболее активную часть населения чекистские селекционеры арестовывали или уничтожали на протяжении десятков лет. Общество становилось конформистским вследствие двух основных причин: во-первых, в нем постоянно уменьшалась доля протестующих, во-вторых, увеличивалась в результате естественных причин доля воспитанников советской школы.

Воспитание и пропаганда срабатывали после прекращения массовых репрессий потому, что советский строй мог продемонстрировать людям многие весомые преимущества перед дореволюционным. Он поработал человека политически, но заботился о минимальном уровне его материального и культурного благосостояния — желал он того или нет. В советские времена алкоголики «перевоспитывались» в ЛТП, а бомжей практически не существовало.

Забота о человеке, чего не понимают антикоммунисты, была не моральным долгом власти, а предпосылкой ее существования. Чтобы

возникнуть, коммунистический строй должен был уничтожить частное предпринимательство во всех его проявлениях, то есть возложить на самого себя долг кормить, лечить, учить и развлекать все население. «Государство-коммуна» настолько радикально отличалось от государств, где граждане политически свободны, что его нужно считать цивилизационно иным. Это государство даже не скрывало отсутствия у себя политической и национальной свободы в общепринятом значении. Но оно клеймило эти свободы как «буржуазную демократию» и «буржуазный национализм», а своих граждан убеждало в том, что в нем и только в нем существуют высшие ценности — «социалистическая демократия» и «социалистический интернационализм».

Свои «весомые достижения» коммунизм демонстрировал не только в человеческом измерении, но и на уровне республик. Он дал Украине признанную международным сообществом советскую государственность (член-учредитель ООН!), многократно увеличил дореволюционные достижения в промышленном развитии, превратил ее в культурно развитую республику и осуществил мечту многих поколений украинского народа о воссоединении этнических земель.

Очень непросто убеждать представителей моего поколения в том, что цивилизация, в которой они прожили большую часть своей жизни, построена на крови и костях предыдущего поколения. Многие мои ровесники не верят а priori, что советская власть могла целеустремленно уничтожать людей. Много и таких, которые до сих пор верят в то, что «враги народа» действительно существовали. Постгеноцидное общество (определение Джеймса Мейса) — это больное общество.

Те, кто родился между 1950 и 1980 годами, принадлежат к третьему поколению граждан Украины. Это поколение давно уже превышает другие по численности, а после оранжевой революции оно почти отеснило своих родителей от управления государственными и общественными делами. Между ним и предыдущим поколением не существовало барьера в виде «подписки о неразглашении». Поэтому оно нередко разделяет стереотипы и предрассудки своих родителей. Тем более, что оно живет во времена перемен, то есть нестабильности жизненных основ.

Когда под влиянием растущих внутренних и внешних нагрузок «государство-коммуна» распалось и исчезло, его заменило не социальное государство западноевропейского образца, а первоначальный капитализм. Вполне естественно, что многие представители третьего

поколения, подобно поколению его родителей, испытывают ностальгию по советскому прошлому. Гражданам трудно принять на веру утверждение историков о том, что советский строй в ленинско-сталинские времена мог быть построен только железом и кровью. Большой кровью...

Все это мы должны принимать во внимание, если хотим убедить общество в том, что террор голодом был таким же орудием «социалистического строительства», как и другие формы террора. Не нужно обвинять Верховную Раду за то, что она до 2002 года вообще не интересовалась Голодомором. Парламент — это зеркало общества. Нужно радоваться уже сделанному. На специальном заседании 14 мая 2003 года Верховная Рада Украины приняла Обращение к украинскому народу в связи с голодом 1932—1933 годов. Голодомор определялся в нем как геноцид украинского народа. В присутствии 410 избранников народа документ был принят голосами лишь 226 депутатов, то есть минимально необходимым количеством.

В четвертую субботу ноября 2003 года, которая была Днем памяти жертв Голодомора, только государственный канал УТ-1 посвятил 70-й годовщине этого события 30-минутную программу «Дзвони народної пам'яті». Частные телеканалы в мемориальную субботу транслировали, как всегда, развлекательные шоу, кинокомедии, эротику.

Ничто не изменилось и сегодня. Комментируя проект засаживания днепровских склонов в Киеве калиновыми кустами в память жертв Голодомора, журналистка газеты «Сегодня» в номере от 17 августа 2005 года задала себе и своим читателям вопрос, вынесенный в аршинный заголовок: «А не много ли скорби для Киева?»

Историкам надо хорошо потрудиться, чтобы убедить общество в необходимости повернуться лицом к проблемам Голодомора. Только тогда, когда это будет сделано, маргинальные политики выпустят эту тему из рук.

20 октября 2005 года

КАК ОСМЫСЛИВАЛИ ГОЛОДОМОР

Голодомор — явление, которое трудно осмыслить. Ведь нужно найти рациональное объяснение действиям его организаторов, обнаружить их логику и политический интерес. Во всех других сопоставимых по масштабам трагедиях этого ряда логика абсолютно прозрачная. Турецкие правительства и нацисты уничтожали греков, армян и евреев именно за то, что они были греками, армянами и евреями. Неужели коммунисты всегда уничтожали украинцев за то, что они были украинцами? Даже если мы заявим, что рядовые коммунисты были игрушкой в руках руководителей ВКП(б), а последние, в свою очередь, — игрушкой в руках генсека (что более или менее соответствует истине), то остается открытым вопрос: почему Сталин нас уничтожал именно в 1933 году?

Отсутствие убедительного ответа на этот вопрос не означает, что его вообще не может быть. Не случайно группы авторитетных специалистов — комиссия Конгресса США в апреле 1988 года и Международная комиссия юристов в ноябре 1989 года сделали вывод о том, что Голодомор был геноцидом. Обоснование этого вывода обе комиссии оставили специалистам. Следует посмотреть, как специалисты использовали имевшееся в их распоряжении время — полтора десятилетия.

1. МОЛЧАЛИВЫЙ ТЕРРОР

Не так давно в Институте истории Украины НАН Украины был создан фундаментальный труд о терроре и терроризме на территории нашей страны в XIX—XX веках. Мы в нем постарались разобраться в сути государственного террора и индивидуального терроризма. Конкретного материала о терроре и терроризме в отечественной истории последних двух веков вполне достаточно, чтобы досконально изучить этот вопрос.

Одна особенность террора и терроризма осталась вне внимания наших исследователей, в том числе вне моего личного внимания. Исходя из названия (в переводе с французского — ужас), террор и терроризм направлены на демонстративность, показательность. Кто-то уничтожается, что-

бы показать другим, что будет с ними, если они не изменят своего поведения в определенном вопросе.

Типичным примером такого террора было раскулачивание, то есть репрессирование определенной части крестьян (от 2 до 5 процентов по разнарядке), чтобы запугиванием заставить всех других подать заявления в колхоз. Критерий отбора в «кулаки» был один — уровень зажиточности. Зажиточные крестьяне больше, чем другие, хотели сохранить частную собственность, которая давала им средства к существованию. Однако статус бедняка не служил охранной грамотой для тех, кто сопротивлялся коллективизации. Таких бедняков репрессировали как «подкулачников».

Раскулачивание как форма репрессии не может быть отнесено к категории преступлений, предусмотренных Конвенцией ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него». Оно не направлено на уничтожение «полностью или частично национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой».

Надо сказать, что уже раздаются предложения дополнить Конвенцию ООН от 9 декабря 1948 года понятием социального геноцида. Социальные группы также подвергаются жестоким преследованиям, направленным на их уничтожение. Однако до сих пор понятия социогеноцида и классогеноцида не являются юридическими, а потому не относятся к рассматриваемой нами теме.

На первый взгляд, террор голодом не имеет показательности. Это — стрельба на поражение по площади. Жертвами ее становятся не индивиды, опасность которых для инициатора репрессии установлена, и не вслепую выбранные «мальчики для битья», а вся совокупность людей на определенной территории, включая детей и беременных женщин. Технологическая ненужность демонстрационных признаков в терроре голодом и его, говоря на языке советских газет, «идеологическая необеспеченность» (чем можно объяснить необходимость уничтожения детей и беременных женщин?) обусловили осуществление этой репрессии в молчании. Террор голодом — молчаливый террор.

В чем тогда его смысл? Как найти скрытую, но абсолютно необходимую для любого террора показательность в действиях власти, направленных на изъятие у крестьян не хлеба, а всего имеющегося в хозяйстве продовольствия? Ответ на этот вопрос позволит понять, почему Сталин уничтожал украинских крестьян не всегда и не везде (как уничтожали греков, армян, евреев и цыган), а только: а) в 1932—1933 годах и б) в

двух административно-политических образованиях, где украинское население составляло большинство — УССР и Кубанском округе Северо-Кавказского края.

Немедленный ответ на этот вопрос явился бы изложением моей личной позиции, и только. Сколько уже основанных на эмоциях личных позиций высказывалось относительно проблемы Голодомора! Своего читателя я хочу подвести к самостоятельному ответу, предоставляя в его распоряжение необходимую сумму неоспоримых фактов.

Начинать такую подводку нужно с анализа истории вопроса. Следует разобраться в том, как во времени и пространстве осмысливался украинский Голодомор.

Естественно, по-видимому, что безошибочно и немедленно в ситуации разобрались сами крестьяне, которых уничтожали при помощи голода. Очевидцы Голодомора рассказывали сотрудникам Дж. Мейса, что власть целеустремленно уничтожала их. Они не могли доказать это документально, но чувствовали зловещие намерения советской власти всем своим естеством. Не удивительно, что комиссия Конгресса США заявила, опираясь именно на эти утверждения, что голод 1932—1933 годов в Украине является геноцидом.

О гибели людей от голода знали только там, где они погибали. Средства массовой информации молчали. Даже в служебной документации компартийно-советских учреждений, которая имела гриф «совершенно секретно», слово «голод» употреблять не разрешалось. Ниже будет показано на одном примере, что этого правила придерживались и на вершине властной пирамиды — в политическом бюро ЦК ВКП(б). Когда для власти возникала необходимость вмешательства — хотя бы для того, чтобы похоронить мертвых, соответствующие инструкции подчиненным давались через «особые папки». Это делалось не для того, чтобы скрыть информацию. В любом регионе голод был «секретом Полишинеля». Кто-то, а сами голодающие о нем знали. «Особые папки» были нужны, чтобы сделать невозможными официальные и неофициальные разговоры о голоде в среде компартийно-советских работников. Такие разговоры между нормальными людьми привели бы к естественному вопросу: как помочь? А помощь как раз и не предусматривалась. Следовательно, можно сказать, что замалчивание голода — один из механизмов геноцида.

Замалчивание приводило к тому, что в регионах, где террор голодом не применялся, представления о характере и масштабах голода в Украине бы-

ли размытыми даже у людей очень высокого ранга. Вот как вспоминал о Голодоморе Никита Хрущев, который в начале 30-х годов был вторым секретарем Московского городского и областного комитетов ВКП(б): «Я просто не представлял себе, как может быть в 1932 году голод в Украине? Сколько же тогда погибло людей? Теперь я не могу сказать. Сведения об этом просочились в буржуазную прессу, и вплоть до последнего времени моей деятельности иногда проскальзывали статьи относительно коллективизации и цены этой коллективизации в жизни советских людей. Но это сейчас я так говорю, а тогда я ничего такого, во-первых, не знал, а, во-вторых, если бы и знал о чем-то, то нашлись бы свои объяснения: саботаж, контрреволюция, кулацкие выходки, с которыми нужно бороться, и др.»

Этот отрывок из воспоминаний можно прокомментировать только относительно даты Голодомора. Пребывая уже на пенсии и надиктовывая на магнитофон свои мысли о пережитом, Хрущев ошибся с датой, что очень показательно. В первой половине 1932 года в Украине вспыхнул голод с десятками тысяч смертных случаев и даже со случаями людоедства как следствие хлебозаготовок из урожая 1931 года. Однако Голодомора не произошло. Прелюдией к Голодомору была полная конфискация хлеба из урожая 1932 года, а сам он стал следствием изъятия всех других продовольственных запасов. Смертные случаи от Голодомора начались поздней осенью 1932 года и достигли апогея в июне 1933 года.

Следует добавить, что читатели зря будут искать приведенную цитату в известном четырехтомнике воспоминаний Н. Хрущева. Этот текст взят из другого варианта диктовки, который был опубликован в мартовском номере журнала «Вопросы истории» за 1990 год.

Как мы теперь знаем, значительно более точные сведения о том, что происходило в Советском Союзе, имели спецслужбы и дипломатические представители стран Запада. В частности, британское министерство иностранных дел (Форин офис) и правительство Великобритании пользовались разнообразной и широкой информацией из различных источников, как это доказывает опубликованное в 1988 году в Кингстоне (штат Онтарио, Канада) собрание документов «Форин офис и голод: британские документы об Украине и Большом голоде 1932—1933 годов». Составителями этого сборника были Богдан Кордан, Любомир Луцук и Марк Царинник.

О Голодоморе был хорошо осведомлен Бенито Муссолини. Из Харькова ему поступали детальные и точные рапорты генерального консула Сер-

джио Градениго. Рапорты сложились в целую книгу, составленную А. Грациози и изданную в Турине в 1991 году (теперь составитель намеревается перевести ее на украинский язык).

Хорошо ориентировался в том, что происходило в Советском Союзе, и новоизбранный президент США Франклин Делано Рузвельт. Однако, как и все другие лидеры великих держав, он руководствовался в отношениях с Кремлем исключительно собственными национальными интересами. В 1933 году Сталин начал искать пути сближения с западными демократиями, потому что не надеялся ужиться с Адольфом Гитлером, который пришел к власти в Германии. Западные демократии приветствовали такое изменение курса. Осенью 1933 года Соединенные Штаты Америки признали Советский Союз.

Таким образом, трагедия Голодомора происходила на глазах лидеров и вождей, которые молчали... Об этом стоит помнить современным лидерам великих держав, когда в ООН будет рассматриваться в очередной раз вопрос о признании украинского Голодомора 1933 года геноцидом.

2. ПРОРЫВ МОЛЧАНИЯ

В отличие от политических деятелей, которые молчали, западные журналисты чаще всего выполняли свой профессиональный долг, если им удавалось побывать в регионах, пораженных голодом. Одесская государственная научная библиотека им. М. Горького за счет частично собственных средств, а главное — денег украинской диаспоры, собранных В. Мотыкой (Австралия) и М. Коцем (США), собрала и издала библиографию украинского Голодомора. Составители этой книги Лариса Бурьян и Инна Рикун нашли более 6 тыс. публикаций (до 1999 года включительно). В частности, в зарубежной прессе они зафиксировали в 1932 году 33, а в 1933 году — 180 публикаций.

Как можно убедиться, изучая этот библиографический указатель, особенно активно тему голода отслеживала украиноязычная газета «Свобода», которая издавалась в Джерси-Сити (штат Нью-Джерси, США). Характерным является заголовочное ее корреспонденции от 15 февраля 1932 года: «Москва хочет голодом выморить украинских крестьян». Он подтверждает, что оценка голода, который стал следствием хлебозаготовок из урожая 1931 года, была эмоциональной. На самом деле этот голод не подпадает под категорию геноцида (так, как она сформулирована). Государство отняло весь хлеб, вследствие чего крестьяне погибали (за 1932 год погибли голодной смертью 144 тыс. человек). Однако признаков тер-

рора голодом в первой половине 1932 года мы не видим. Наоборот, когда факт голода был официально установлен, голодающее население получило семенную и продовольственную помощь в размере 13,5 млн. пудов зерна. Совнарком УССР постановлением от 21 мая определил районы, которые больше всего пострадали от голода. Они получили и дополнительную помощь пищевым зерном, рыбой и консервами.

Как правило, корреспонденции о голоде в СССР в 1933 году в газетах стран Запада существенно опаздывали. Исключением из этого правила также была «Свобода», которая печатала свои сообщения очень оперативно. Вот их названия за начало 1933 года: «Большевики высылают в Сибирь население кубанских станиц» (21 января), «Голод охватил Советскую Украину» (28 января), «После массовой высылки украинцев с Кубани большевики начали выселять крестьян с Украины» (11 февраля), «На Украине нет зерна для посева» (13 февраля). Теперь мы понимаем, кто вызвал появление раздраженной записки Сталина членам политбюро ЦК ВКП(б) Молотову и Кагановичу, которая датируется 19 февраля 1933 года: «Не знаете ли, кто разрешил американским корреспондентам в Москве поехать на Кубань? Они состряпали гнусность о положении на Кубани (см. их корреспонденции). Надо положить этому конец и воспретить этим господам разъезжать по СССР. Шпионов и так много в СССР».

Корреспонденции «Свободы» были репортерскими и распространялись в сравнительно узком кругу представителей украинской диаспоры. Первые аналитические сообщения о советском голоде принадлежали журналисту Малькольму Маггериджу. Он успел осуществить поездку по Северному Кавказу и Украине до появления 23 февраля 1933 года запрещающего постановления политбюро ЦК ВКП(б) «О поездках по СССР иностранных корреспондентов» и в марте опубликовал свои впечатления в английской газете «Манчестер гардиан». Три насыщенных конкретными фактами статьи не оставляли сомнений относительно голода, который начал распространяться в основной хлебопроизводящей полосе СССР.

Вслед за материалом М. Маггериджа эта газета опубликовала статью «Голод в России», подготовленную по личным впечатлениям Гаретом Джонсом, бывшим секретарем британского премьер-министра Ллойда Джорджа. В ней утверждалось, что Россия охвачена таким же катастрофическим голодом, как в 1921 году.

Сенсационные сообщения «Манчестер гардиан» попробовал опровергнуть корреспондент американской газеты «Нью-Йорк таймс», анг-

личанин по происхождению и гражданству Уолтер Дюранти. Суть его заметки, напечатанной в номере от 31 марта 1933 года, была отображена в названии: «Русские голодают, но не умирают от голода». Стоит отметить, что Дюранти — один из немногих западных журналистов, которому удалось взять интервью у Сталина. Он всегда пытался писать так, чтобы не вызывать недовольства Кремля. (Подробно об этой истории — в публикации «Дня» «Повесть о двух журналистах», от 16 июля 2003 года. — Прим. ред.)

Данные о голоде ужасающих масштабов в России продолжали прорываться сквозь «железный занавес». 21 августа 1933 года газета «Нью Йорк геральд трибюн» опубликовала материал Ральфа Барнса с первой оценкой количества жертв — миллион человек. Факт голода подтвердил и Дюранти в «Нью Йорк таймс». Из его короткой заметки, опубликованной 24 августа 1933 года, следовало (хотя прямо об этом не говорилось), что количество погибших составляет по меньшей мере 2 млн. человек. Через день в этой же газете появилось сообщение Фредерика Берчелла, где указывалась другая цифра — 4 млн. человек.

Советская власть не жалела усилий и средств, чтобы скрыть последствия голода от иностранцев. 6 декабря 1932 года декретом ВУЦВК и СНК УССР (кстати, опубликованным, — чтобы другие боялись) на «черную доску» было занесено пять сел, которые длительное время не могли рассчитаться с государством по хлебозаготовкам. Изобретенный Лазарем Кагановичем статус «черной доски» означал, что крестьяне лишались права на выезд за пределы села, прекращался подвоз любых промтоваров, шли непрерывные обыски в домах «должников» с изъятием всего продовольствия. Село Гавриловка Межевского района на Днепропетровщине вымерло полностью. Об этой трагедии стало известно за границей, и американские журналисты попросили разрешения поехать в Днепропетровскую область. Разрешение они получили на удивление легко. В книге «Russia Today: What we can learn from it», изданной в 1934 году в Нью-Йорке, Э. Шервуд писал: «Группа иностранных визитеров узнала о слухах, что в с. Гавриловка все люди, кроме одного, мол, умерли от голода. Они решили немедленно проверить, посетили сельский ЗАГС, священника, местный совет, судью, учителя... Оказалось, что трое из 1100 жителей умерли от тифа, были приняты меры, чтобы прекратить эпидемию, не было смертей от голода». Можно не сомневаться: американский журналист добросовестно рассказал о том, что увидел собственными глазами. Но можно не сомневаться и в том, что прежние жители Гавриловки умерли от голода.

Еще больших забот работникам ГПУ принесла поездка по СССР известного французского политического деятеля Эдуарда Эррио — председателя комитета по иностранным делам Палаты депутатов, а в прошлом — премьер-министра. Программу визита составили с учетом пожеланий высокого гостя побывать в Украине и на Северном Кавказе, которые больше всего, как он слышал, пострадали от голода.

За день до прибытия Э. Эррио в Советский Союз Сталин написал с курорта на Северном Кавказе, где он отдыхал, В. Молотову, Л. Кагановичу и фактическому руководителю ОГПУ Г. Ягоде: «По сведениям Евдокимова (полномочный представитель ОГПУ на Северном Кавказе. — С.К.), белогвардейцы готовят теракт против Эррио в Одессе или других пунктах СССР. По-моему, предположения Евдокимова имеют основание. Надо немедленно поручить Балицкому (полпред ОГПУ по УССР и глава ГПУ УССР. — С.К.) самому побывать в местах пребывания Эррио и принять все предупредительные меры против возможных эксцессов». Как видим, указание уберечь гостя от картин голода Сталин давал в эзоповой форме даже своим соратникам. Это поражает...

26 августа 1933 года Э. Эррио прибыл пароходом в Одессу, через день оказался в Киеве, потом в Харькове и на Днепрострое. Он везде осматривал то, что хотел, встречался с сотнями людей. 31 августа из Ростова-на-Дону Эррио поехал в Москву, не заметив никаких признаков того, что осматриваемая местность пережила Голодомор. Затраты, связанные с организацией такой поездки, для Сталина обернулись немалым политическим капиталом. 13 сентября газета «Правда» напечатала сделанное в Риге заявление Эррио. В заголовок корреспонденции были вынесены его слова: «Виденное в СССР — прекрасно».

Во второй половине 30-х годов тема голода в СССР утратила на Западе актуальность. В памяти людей отложились противоречивые газетные сообщения. Как водится, больше верили известным политикам, таким, как Э. Эррио, а не журналистам. События Второй мировой войны окончательно вытеснили всяческие упоминания о Голодоморе.

3. УСИЛИЯ УКРАИНСКОЙ ДИАСПОРЫ

Среди эмигрантов, которые оказались в странах Запада после Второй мировой войны, было немало свидетелей Голодомора. Некоторые из них молчали, потому что боялись репрессий родственников в СССР. Однако находились и такие, кто хотел рассказать о пережитом. Есть немало книг, составленных из их рассказов и изданных украинскими об-

пешественными организациями к годовщинам Голодомора. Своей основательностью выделяются две: двухтомный англоязычный справочник под своеобразным названием «Черные дела Кремля: Белая книга» (Детройт, Торонто, 1953—1955), а также изданный на украинском языке сборник под редакцией Ю. Семенко «Голод 1933 года в Украине: свидетельства об истреблении Москвой украинского крестьянства» (Нью-Йорк, 1963).

Украинская диаспора использовала каждую годовщину Голодомора для того, чтобы правда о сталинских преступлениях стала достоянием широкой общественности. Особенно много было сделано в 50-ю годовщину. В это время уже функционировал при Университете провинции Альберта в Эдмонтоне Канадский институт украиноведческих студий, а в Гарвардском университете — Украинский исследовательский институт, основанный Омеляном Прицаком. За изучение голода 1932—1933 годов в Украине взялись дипломированные специалисты. В 1983 году в Университете Квебека (Монреаль) была проведена научная конференция, посвященная ключевым проблемам Голодомора. Результаты ее работы нашли отражение в книге, изданной через три года в Эдмонтоне. С наиболее основательными исследованиями выступили Богдан Кравченко, Максудов (псевдоним бывшего московского диссидента Александра Бабенышева, который тоже боялся за родственников), Джеймс Мейс, Роман Сербин.

50-я годовщина Голодомора во многих отношениях стала переломной. События 1932—1933 годов в Украине начали привлекать внимание историков, политиков, журналистов. Ситуация обострялась в связи с тем, что в СССР не признавали голода 1933 года. Когда журналисты обращались к украинским дипломатам в ООН с вопросами на эту тему, те или уклонялись от ответа, или отрицали наличие голода. В конце концов, они вынуждены были обратиться за инструкциями: что делать с проблемой пятидесятилетней давности? Политбюро ЦК Компартии Украины поручило изучить этот вопрос секретарю ЦК по идеологии и главе КГБ УССР. 11 февраля 1983 года последние обратились к В. Щербицкому с докладной запиской, суть которой отражена в названии: «О пропагандистских и контрпропагандистских мерах относительно противодействия развязанной реакционными центрами украинской эмиграции антисоветской кампании в связи с продовольственными трудностями на Украине, которые имели место в начале 30-х гг.»

Глава организации «Американцы в охране человеческих прав в Украине» Игорь Ольшанивский изучил архивы комиссии Конгресса США по

Холокосту и предложил создать идентичную комиссию по расследованию украинского голода. Конгрессмен от штата Нью-Джерси Дж. Флорио и сенатор от этого же штата Б. Бредли поддержали идею, с которой к ним обратился Ольшанивский, потому что в штате проживало много украинских избирателей. В ноябре 1983 года Дж. Флорио внес в Палату представителей законопроект об образовании комиссии Конгресса, под которым стояли подписи 59 конгрессменов, по большей части его коллег по Демократической партии.

Хотя через год под этим законопроектом стояли подписи уже 123 конгрессменов, руководители демократов в Палате представителей отнеслись к нему пассивно. «Зачем расходовать деньги американских налогоплательщиков на то, что произошло где-то 50 лет назад?» — спрашивали они. Тогда по всем штатам, где проживали украинцы, была организована акция под девизом «Корни травы». К конгрессменам, председателям комиссий и подкомиссий Конгресса, главе Палаты представителей О'Ниллу и президенту США Р. Рейгану пришли десятки тысяч индивидуальных и коллективных петиций. Ни раньше, ни позже такой исполинской по масштабам акции американские украинцы не устраивали.

Сенатор Б. Бредли внес аналогичный законопроект 21 марта 1984 года в Сенат. Вице-президент Украинского народного союза Мирон Куропас пользовался большим влиянием среди многочисленных украинских общин Иллинойса. В свое время он активно содействовал победе на выборах сенатора от Иллинойса Ч. Перси, который стал председателем комиссии по иностранным делам. Поэтому прохождение законопроекта в сенатской комиссии не натолкнулось на искусственные преграды. Первые слушания прошли в августе с позитивными результатами. Выступая перед сенаторами, И. Ольшанивский заявил, что время не ждет: уцелевшие жертвы украинского голода уже стары и немощны, свидетельства от них нужно получить так быстро, как только можно. 19 сентября комиссия по иностранным делам одобрила текст законопроекта и передала его полному составу Сената. Через два дня Сенат принял его единогласно.

Наоборот, в Палате представителей законопроект проходил с осложнениями. Члены комиссии по иностранным делам не желали лишний раз «гневить Москву», в чем их поддерживали чиновники из Государственного департамента. Слушания, которые состоялись 3 октября 1984 года (это был предпоследний день работы 98-й сессии Конгресса), обнаружили разноречивость в мыслях. Р. Палмер, который выступал от администрации (президента США и Государственного департамента), заявил о ненужности

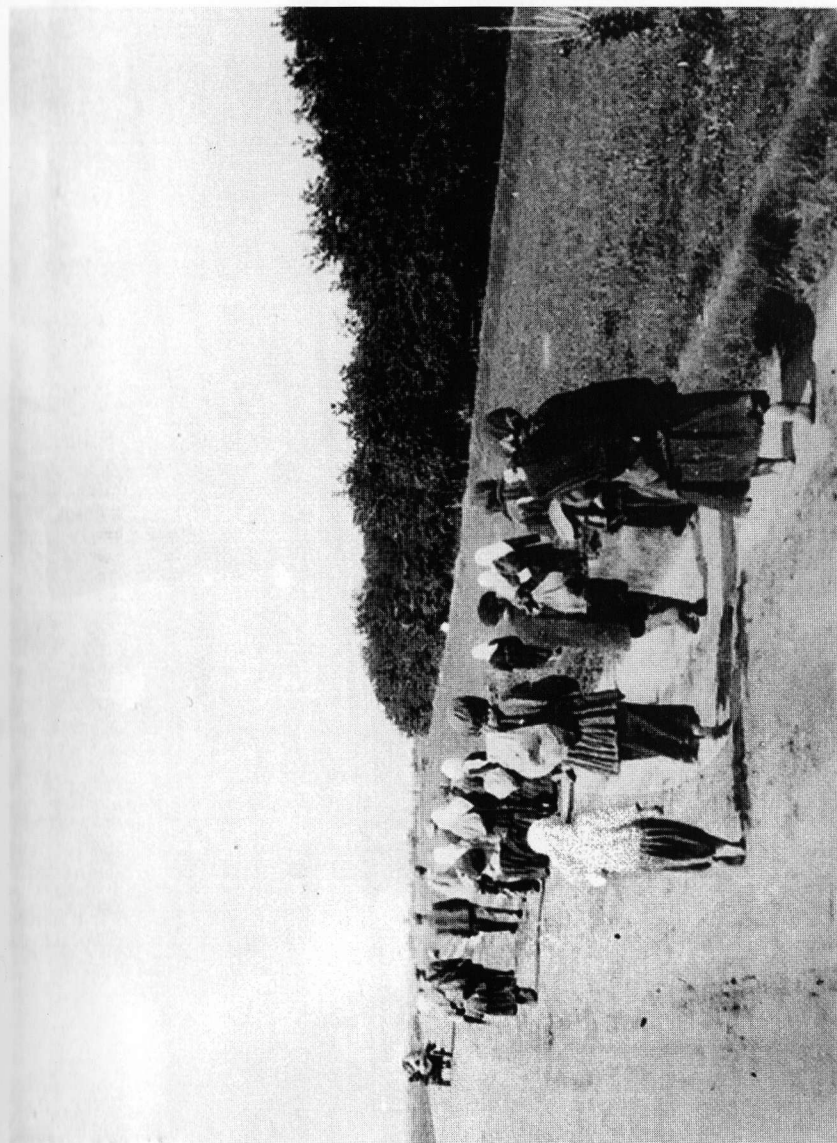
сти еще одной бюрократической комиссии, за которой «лавиной покатыся» подобные домогательства других этнических групп». Конгрессмен Д. Рот, который представлял интересы Американского еврейского конгресса, напомнил о деятельности в Конгрессе США комиссии по Холокосту евреев и подчеркнул: «Оба народа уничтожались по политическим причинам и только за то, что они были теми, кем были. Поэтому Конгресс США должен уделить им одинаковое внимание, чтобы весь мир узнал об этих отвратительных и ужасных преступлениях, чтобы они никогда не повторились».

Комиссия по иностранным делам Палаты представителей так и не представила законопроект, который лоббировали украинские организации. Положение спас Билл Бредли. Пользуясь правом сенатора вносить поправки в бюджет, он в последний день работы Конгресса, 4 октября 1984 года «пристегнул» к Финансовой резолюции расходы на деятельность временной комиссии по украинскому голоду. Палата представителей, которая имела право отметить внесенные сенаторами поправки, с этой поправкой все-таки согласилась, потому что законопроект по украинскому голоду был одобрен Сенатом, а времени на дискуссии уже не оставалось. Финансовую резолюцию, то есть 470-миллиардный бюджет на 1985-й бюджетный год с «пристегнутой» поправкой в сумме 400 тыс. долларов, следовало одобрить немедленно, иначе правительство осталось бы без денег.

Р. Рейган подписал Финансовую резолюцию 12 октября 1984 года. Так в Конгрессе США родилась комиссия, призванная, как указывалось в законе, «осуществить изучение украинского голода 1932—1933 годов, чтобы распространить по всему миру знание о голоде и обеспечить лучшее понимание американской общественностью советской системы путем выявления в ней роли Советов».

В комиссии Конгресса США по украинскому голоду были представлены два сенатора, четыре конгрессмена, три представителя исполнительной власти и шесть представителей украинской общественности. На должность исполнительного директора, по просьбе организации «Американцы в охране человеческих прав в Украине», был назначен сотрудник Украинского исследовательского института в Гарварде, один из немногочисленных американских специалистов по истории советской Украины Джеймс Мейс.

В Гарварде Дж. Мейс помогал английскому историку Роберту Конквесту собирать и обрабатывать исторический материал для книги о Голодоморе. Конквест прославился книгой о массовых репрессиях в Советском

Голодные люди оставляют села в поисках еды. Харьковщина, 1933 год. Фото инж. А. Винербергера

Очереди за хлебом в магазины сети «Торгсин» в Харькове, 1933 год. Фото инж. А. Винербергера

Очереди за хлебом в магазины сети «Торгсин» в Харькове, 1933 год. Фото инж. А. Винербергера

Лошади голодного лихолетья. Харьков, 1933 год. Фото инж. А. Винербергера

Голодные крестьяне на окраине Харькова, 1933 год. Фото инж. А. Винербергера

Девочка-нищенка на улице Харькова, 1933 год. Фото инж. А. Винербергера

Продажа зерна на рынке Харькова, 1933 год. Фото инж. А. Винербергера

Жертвы голода на улицах Харькова, 1933 год. Фото инж. А. Винербергера

Умерший от голода на улице Харькова, 1933 год. Фото инж. А. Винербергера

Жертвы голода. Харьков, 1933 год. Фото инж. А. Винербергера

Очередная жертва на улицах Харькова, 1933 год. Фото инж. А. Винербергера

Объявление на окраине Харькова, 1933 год. Фото инж. А. Винербергера

Союзе в 1937—1938 годах. По просьбе Краевого комитета памяти о жертвах Голодомора в Украине в 1933 году он взялся за разработку новой для него темы. В конце 1986 года книга «Жатва скорби: советская коллективизация и террор голодом» появилась в Оксфордском университетском издательстве и сразу же стала сенсационной. На украинском языке она была напечатана издательством «Либідь» на средства американской диаспоры в 1993 году.

Никто не ожидал, что исследовательская группа из шести украинистов во главе с Дж. Мейсом сможет за короткий срок найти убедительные доказательства крупнейшего преступления Сталина. Но Мейс совершил научный и гражданский подвиг. Комиссия Конгресса США по украинскому голоду не стала, как побаивался Р. Палмер, бюрократическим образованием. Разработанная Дж. Мейсом совместно с молодым исследователем Леонидом Герецем методика опросов позволила объективизировать рассказы свидетелей Голодомора. Накладываясь одно на другое, свидетельства корректировали свойственный индивидуальным воспоминаниям субъективизм, то есть становились полноценным источником.

Как только стало возможно, Дж. Мейс приехал в Украину, а в 1993 году поселился у нас навсегда и на протяжении многих лет работал в газете «День» и Киево-Могилянской академии. «Ваши мертвые выбрали меня», — написал он в одной из многочисленных корреспонденций в газете «День» (от 12 февраля 2003 года). 2 мая 2004 года его не стало. Через год в «Библиотеке газеты «День» вышла посвященная ему книга «День и вечность Джеймса Мейса». Она является объективным свидетельством весомого места этого сына Америки в новейшей истории Украины.

27 октября 2005 года

4. ПОЗИЦИЯ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

После отмены сталинского табу советские историки начали изучать голод 1933 года с нарастающей интенсивностью. Было бы ошибкой утверждать, что только с открытием этого «ящика Пандоры» началась агония тоталитарного режима и созданной им империи. И все же тема голода, перераставшая в тему Голодомора-геноцида, мощно зазвучала в украинском обществе.

От своей диаспоры мы были отделены «железным занавесом», поэтому ее задел в исследовании Голодомора почти не влиял на советских историков. «Железный занавес» был не только на границах СССР, но и в наших головах.

Менее всего я хотел бы перечислять здесь количественные достижения советских историков по тематике украинского голода. Направление изложения детерминировано общей постановкой вопроса: почему Сталин нас уничтожал? Поэтому речь идет не об обнаруженных фактах, а о влиянии их на сознание исследователей. Влияние это состояло в приобретении исследователями способности отказаться от стереотипов советской эпохи, чтобы обнаружить истинные причинно-следственные связи в проблеме Голодомора. Выбранное направление заставляет меня обратить особое внимание на собственное сознание и собственный жизненный опыт. В этой деликатной сфере трудно найти другой материал для нужных обобщений.

11 лет я работал в Институте экономики АН УССР, где исследовал историю народного хозяйства, переходя от одного хронологического периода к другому. Напротив, структура Института истории АН УССР определялась хронологией отечественной истории, и я перешел сюда, чтобы подготовить докторскую работу в рамках так называемого межвоенного периода — с 1921 по 1941 год. Став доктором наук и заведующим отделом истории межвоенного периода, должен был, по научной специализации и должности, заняться темой голода 1933 года, когда эта тема стала актуальной.

Историей доколхозного и колхозного крестьянства в отделе занимались другие люди, сам я специализировался на проблемах индустриализации и истории рабочего класса. О голоде знал, как и все другие. Более того, имея доступ к закрытым спецхранилищам демографической информации, я знал, что украинское село потеряло миллионы людей, и потерю нельзя объяснить урбанизацией. Но не понимал причин голода. Даже в кошмарном сне мне не могло присниться, что советская власть способна уничтожать не только врагов народа (это понятие тогда существовало для меня без кавычек), но и детей и беременных женщин. Однако после нескольких лет работы над тематикой голода я выбрал самую многотиражную в своей республике газету, чтобы выступить с острой статьей «Нужна ли нам советская власть?». Главный редактор «Сільських вістей» Иван Сподаренко, я благодарен ему, опубликовал статью без купюр (7 июня 1991 года), но название изменил на такое: «Яка влада нам

потрібна?» К сожалению, пиетет перед советской властью еще и до сих пор распространен среди многих людей моего поколения.

До мировоззренческого переворота, обусловленного исследованиями Голодомора, я был таким же, как и все другие, советским ученым. То есть на историю смотрел под классовым углом зрения, рассматривал капитализм и социализм как общественно-экономические формации, считал неколлективизированное крестьянство мелкой буржуазией, верил в то, что коллективная собственность на средства производства может существовать, а колхозы являются коллективной собственностью крестьян. Спецхранилища в библиотеках и архивах, то есть разделение информации на открытую и закрытую, я считал нормальным явлением. Но именно поэтому не мог понять, почему голод 1933 года был запрещенной темой. В Украине не существовало человека, который бы не знал о нем, так зачем же эту информацию закрывать? Мой старший коллега, который также заведовал отделом в Институте истории АН УССР, в минуту откровенности сказал, что в его селе все знали, кто кого съел. Так и жили с этим знанием всю жизнь...

Когда хорошо известные мне ответственные работники в аппарате ЦК Компартии Украины услышали об образовании комиссии Конгресса США по украинскому голоду, они впали в состояние постоянного стресса. В упомянутой выше докладной записке секретаря ЦК по идеологии и главы КГБ УССР от 11 февраля 1983 года содержалась, адресованная нашим специалистам за границей, рекомендация: в полемику по поводу голода не вступать. Было понятно, что полемика является проигрышной при всех обстоятельствах. Теперь, однако, прятать голову в песок не получалось.

Осенью 1986 года ЦК КПУ создал так называемую антикомиссию. Оказался в ней и я. От ученых ждали исследований, способных «разоблачить фальсификации украинских буржуазных националистов».

В спецхранилищах я работал и раньше, но «особые папки» компартийных комитетов стали доступны только сейчас. У советских архивов была одна особенность: исследователь мог иметь доступ к 99,9% дел, но все существенное для истории тоталитарного государства содержалось в недоступных для него 0,01% дел.

За полгода работы в архивах я изучил положение в сельском хозяйстве в начале 30-х годов. После этого в моем сознании некоторые привычные со школьной скамьи причины поменялись местами со следствиями. Новые причинно-следственные связи часто совпадали с тем, что приходилось читать в «антисоветской» литературе.

Пока работал в архивах, работа комиссии свелась к нулю. Наверное, в верхах поняли, что перед учеными поставлена нереальная задача. Уже от себя лично обратился в ЦК с аналитической запиской, в которой предложил признать факт голода.

Сейчас понимаю, что требовал от цекистов невозможного. Действительно, почему столь долго длилось сталинское табу на признание факта голода? Преемники Сталина после XX съезда КПСС легко пошли на осуждение политического террора 1937—1938 годов, потому что от него пострадала, в первую очередь, правящая партия. В отличие от индивидуального террора, проводившегося органами государственной безопасности, террор голодом в 1932—1933 годах осуществлялся партийными комитетами, комсомолом, профсоюзами, комнезами. Как можно было признать, что Сталину удалось использовать систему власти, которую все называли «народовластием», для уничтожения народа, то есть геноцида? Разоблачая голод, нельзя было разговорами о сталинизме прятать органические изъяны советской власти за широкую спину вождя.

Записку писал, еще не избавившись от многих стереотипов официальной исторической концепции. Это помогало, как сейчас понимаю, так выстраивать аргументацию, чтобы она не казалась слишком взрывной для тех, кто должен был принимать политическое решение о признании факта голода.

Речь шла только о признании факта голода. Если я, специалист в области истории межвоенного периода, в 1987 году еще не мог интерпретировать этот загадочный голод как геноцид, то наши начальники в компартийных комитетах еще дальше стояли от подобной интерпретации. Да, были известны вышедшие на Западе книги, в которых жертвы голода 1933 года рассказывали, что власть намеревалась уничтожить их. Но такие рассказы всегда воспринимались в СССР как антисоветская пропаганда и отбрасывались.

Перечитывая сказанное здесь о способности или неспособности наших тогдашних власть имущих признать факт голода, поймал себя на противоречии: утверждаю, что требовал от цекистов невозможного и одновременно настаиваю на том, что они не могли отождествлять голод с геноцидом. На самом-то деле здесь нет противоречия. Я читаю курс методологии истории будущим магистрам и всегда акцентирую их внимание на явлении презентизма: человек наделяет прошлое чертами современности, которых там на самом деле нет, и не замечает в том прошлом черт, отсутствующих в его собственной жизни. Чтобы прошлое

заиграло присущими только ему красками, нужно подходить к нему, имея профессиональные знания.

Думаю, однако, что люди с определенным жизненным опытом, даже не будучи специалистами-историками, могут вспомнить, что именно они думали о голоде 1933 года полтора десятилетия тому назад, и как изменились их взгляды сейчас, когда опубликованы тысячи ужасающих документов.

Те, кто был у власти в конце 80-х годов, имели и тогда доступ к этим документам. Однако осмелюсь утверждать, что они не могли их должным образом оценить, потому что не были современниками Сталина и не участвовали в его преступлениях. Они были такими же воспитанниками советской школы, как и я. А я продемонстрирую далее на конкретных примерах, что осмысление голода как геноцида требовало от людей моего поколения и времени, и большой умственной работы. Люди предыдущего поколения, выжившие после голода, не понимали, а только ощущали, что их намеревались уничтожить. Но понимание и ощущение — это разные вещи. Судья заслушивает свидетелей преступления (в этом случае — геноцида), но выносит приговор лишь тогда, когда устанавливает всю последовательность событий, обуславливавших состав преступления. Апеллируя к международной общественности с просьбой признать украинский Голодомор геноцидом, нужно отказаться играть на эмоциях, что мы делали до сих пор, и предоставить в ее распоряжение аргументированные доказательства преступления.

Я убежден, что никто из руководителей Компартии Украины не осознал подлинной сути событий 1933 года, но все они понимали, что тогда происходило что-то страшное и отвратительное. С другой стороны, они ощущали, что сталинскому табу на упоминание о голоде уже невозможно следовать.

Несколько месяцев моя записка блуждала по кабинетам Центрального комитета. В итоге мне было разрешено передать ее как научную статью «Украинскому историческому журналу», но только после обнародования политического решения о признании голода. Обнародование назначили на 25 декабря 1987 года, когда первый секретарь ЦК Компартии Украины В. Щербицкий должен был выступить с докладом, посвященным 70-летию образования УССР.

Тем временем либерализация политического режима, начавшаяся после провозглашения М. Горбачевым курса на «перестройку», становилась все ощутимее. Заговор молчания вокруг проблемы голода начал разру-

шаться сам по себе. В газете «Литературная Украина» 16 июля 1987 года были опубликованы две статьи, в которых голод упоминался между прочим, как общеизвестный факт. О голоде заговорили и в Москве. 11 октября 1987 года один из ведущих ученых Института истории СССР АН СССР Виктор Данилов, у которого уже было немало неприятностей в партийных органах за «искривленное» освещение аграрной истории советского периода, выступил в газете «Советская Россия» с утверждением, что зимой и весной 1933 года голод забрал огромное количество жертв. Московский демограф Марк Тольц в небольшой заметке «Сколько же нас тогда было?», напечатанной в декабре в журнале «Огонек», впервые рассказал о репрессированной Всесоюзной переписи населения 1937 года. Вместе с переписью были репрессированы ее организаторы, которых обвинили во вредительском недоучете населения. Причиной «недоучета» Тольц назвал голод 1933 года.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев выступил 2 ноября 1987 года в Кремле с докладом, посвященным 70-й годовщине Октябрьской революции. Александр Яковлев вспоминал, что существовало несколько вариантов доклада, который готовили консерваторы и либералы в окружении генсека. Победила консервативная версия оценки исторического пути, и о голоде Горбачев не вспомнил.

Владимир Щербицкий не мог следовать примеру патрона, ведь в Украине свирепствовал не голод, а Голодомор! К тому же комиссия Конгресса США готовилась обнародовать первые результаты своего расследования. Поэтому в юбилейном докладе Щербицкого содержалось 6—7 строк о голоде, вызванном якобы засухой. Впервые за 55 лет член политбюро ЦК КПСС нарушил сталинское табу и вымолвил это слово — голод. Историки получили возможность изучать и публиковать документы о Голодоморе.

Моя статья «К оценке положения в сельском хозяйстве УССР в 1931—1933 годах» была опубликована в мартовском номере «Украинского исторического журнала» за 1988 год. В сокращенном варианте статью напечатали еще в январе 1988 года обе советские газеты для украинской эмиграции — «Вісті з України» и «News from Ukraine». В мае этого же года МИД УССР передал Институту истории АН УССР полученные от советского посольства в США материалы комиссии Конгресса. В них англоязычная версия моей статьи почти вся была процитирована и проанализирована. Общий вывод Дж. Мейса был таков: «Масштабы голода минимизированы, Коммунистическая партия изображена так, как будто она

делала все возможное, чтобы улучшить положение, а действия Коммунистической партии и Советского государства, обострившие голод, игнорируются».

Вывод объективный, ведь я преднамеренно не включил в статью, которая на самом деле была докладной запиской в ЦК Компартии Украины, материалы, уже найденные в партийных архивах. Нельзя было усложнять Щербицкому принятие решения, которое назревало в ситуации возрастающей гласности и подталкивалось организованным в Конгрессе США расследованием.

Тем временем на авансцену общественно-политической жизни с темой о голоде вышли украинские писатели. 18 февраля 1988 года «Литературная Украина» опубликовала доклад Олексы Мусиенко на партийном собрании Киевской организации СПУ. Приветствуя курс нового руководства КПСС на десталинизацию, О. Мусиенко обвинил Сталина в осуществлении в республике жестокой кампании хлебозаготовок, следствием которой стал голодомор 1933 года. Использованное в этом докладе слово «голодомор» было изобретено другим писателем — Иваном Драчом.

В начале июля 1988 года на XIX конференции КПСС в Москве выступил Борис Олійник. Остановившись на сталинском терроре 1937 года, он неожиданно для присутствующих завершил эту тему так: «А поскольку в нашей республике гонения начались задолго до 1937-го, нужно выяснить еще и причины голода 1933-го, забравшего жизни миллионов украинцев, назвать поименно тех, по чьей вине произошла эта трагедия».

В ноябре 1988 года основатель движения зеленых в Украине, писатель Юрий Щербак дал интервью московскому еженедельнику «Собеседник», в котором много внимания уделил проблеме голода. Он не сомневался, что голод 1933 года был таким же методом терроризирования несогласных с колхозным рабством крестьян, как и раскулачивание. В то же время он первым высказал предположение, что репрессивная сталинская политика в Украине преследовала и другую цель: предупредить опасность широкого национально-освободительного движения. Крестьянство всегда было носителем национальных традиций, утверждал он, и голод 1933 года именно поэтому стал ударом, направленным против него.

Дж. Мейс опубликовал в американском ежеквартальнике «The Ukrainian quarterly» (лето 1993 года) аналитическую статью «Как Украина позволили вспомнить». Освещая процесс осмысления проблемы Голодомора, я в известной степени и в отдельных сюжетах иду за этой ра-

ботой, хотя делаю самостоятельные оценки. С одним его утверждением согласиться не могу.

В июле 1988 года Союз писателей Украины поручил Владимиру Маняку подготовить книгу-мемориал на основании свидетельств тех, кто пережил трагедию Голодомора. В. Маняку, как писал Мейс, не позволили обратиться через прессу к свидетелям голода, и эта миссия была поручена Кульчицкому. Последний в декабре 1988 года обратился к читателям газеты «Сільські вісті» и опубликовал анкету для опроса.

На самом же деле ни Маняку, ни мне никто не поручал работать над книгой-мемориалом. Руководителей республики эта проблема не волновала. Инициатором был Маняк. Заручившись поддержкой Союза писателей, он пришел к нам в Институт истории АН УССР с предложением объединить усилия. Мы в это время активно выявляли документы о голоде, сохранившиеся в архивах советских органов власти. Собранного сенсационного материала оказалось так много, что работа над ним пошла по параллельным дорогам: отдельно — воспоминания, отдельно — документы. Опубликовать подготовленные рукописи сразу не удалось. Лишь в 1991 году издательство «Радянський письменник» выпустило составленный Владимиром Маняком и его женой Лидией Коваленко колоссальный сборник воспоминаний «33-й голод. Народна книга-меморіал». В издательстве «Наукова думка» в 1992 и 1993 годах вышел в свет сборник документов из Центрального государственного архива высших органов власти и управления. Его составителями были Анна Михайличенко и Евгения Шаталина.

Тем временем содержание и даже лексика моей статьи в «Украинском историческом журнале» сразу после ее появления в марте 1988 года стали предметом острой критики в прессе. Прошел только год после ее написания, а общество уже по-другому рассматривало фундаментальные вопросы советского бытия.

В 1988 году я написал брошюру для Общества «Знания» УССР. Пока брошюра готовилась к печати, я, с разрешения общества, передал текст для публикации в газету «Литературная Украина». Тогда эта газета пользовалась особенно большой популярностью в кругах радикальной интеллигенции и в диаспоре. Текст, опубликованный в четырех номерах газеты в январе-феврале 1989 года, был результатом полуторагодичной работы в архивах. Показанная в «картинках с натуры» работа чрезвычайной хлебозаготовительной комиссии В. М. Молотова вызвала в обществе шок.

В июне 1989 года Общество «Знания» напечатало в количестве 62 тыс. экземпляров эту мою брошюру — «1933: трагедія голоду». Как ни удивительно, она печаталась в серии «Теория и практика КПСС». Художественный редактор сделал своеобразную обложку: паутина, в центре которой — название брошюры белой и красной красками. Перечитывая ее сейчас, я вижу, что в ней хорошо раскрыты социально-экономические последствия принудительной коллективизации сельского хозяйства и главное из них — голод во многих регионах СССР. Но специфики украинского голода я еще не понимал. В частности, в брошюре перечислялись все пункты постановлений ЦК КП(б)У от 18 ноября и СНК УССР от 20 ноября 1932 года, принятые под диктовку Молотова. Эти постановления — детонатор Голодомора. Наиболее зловеющий пункт постановлений тоже приводился в брошюре — о внедрении натурального штрафования (мясом, картофелем). Однако у меня еще не было фактов о том, какие последствия этот пункт вызвал. Поэтому голод в Украине рассматривался как результат ошибочного экономического курса, а не сознательно проводимой конфискации продовольствия под прикрытием кампании по хлебозаготовкам. «Гласность в борьбе с голодом означала бы признание факта экономической катастрофы, которой завершился сталинский эксперимент по форсированию темпов индустриализации, — писал я тогда. — И Сталин выбрал другой путь — путь трусливого и преступного замалчивания положения в сельской местности». Из этих слов следует, что я не видел в замалчивании голода признаков геноцида.

Детальный анализ собственной брошюры оказался нужен, чтобы создать фон для рассказа о главном достижении советского времени, уже стремительно уходившего в прошлое. Речь идет о книге «Голод 1932—1933 годов в Украине: глазами историков, языком документов». Книга появилась в сентябре 1990 года в «Политиздате Украины» под грифом Института истории партии при ЦК Компартии Украины. В ней напечатаны четыре статьи, среди них и моя, но речь идет о документах из архивных фондов ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У. Составителями документальной части были Р. Пирог (руководитель), А. Кентий, И. Комарова, В. Лозицкий, А. Соловьева. Объявленный тираж составлял 25 тыс. экземпляров, фактический оказался в десять раз меньше. Когда стало понятно, что книга будет напечатана, кто-то решил сразу же сделать ее библиографическим раритетом...

Документы, обнаруженные в партийных архивах Москвы и Киева командой Руслана Пирого, я видел за год до их публикации. На основании

нескольких из них можно обвинять Сталина в преступлении геноцида, и я их использую в следующих статьях. Однако сейчас задача состоит в выявлении того, как осмысливался Голодомор. Скажу, что подлинного смысла этих нескольких документов тогда никто не уразумел, и слава Богу! Если бы поняли, то их могли бы изъять из рукописи сборника. Ничего странного в недооценке их содержания нет. Я тоже не мог оценить значения натуральных штрафов в брошюре 1989 года.

Вокруг рукописи этого сборника развернулась борьба на самой высокой в республике ступени — в политбюро ЦК Компартии Украины. На заседании политбюро ЦК в январе 1990 года (меня пригласили как эксперта) дискуссия относительно целесообразности публикации шла долго. Создалось впечатление, что присутствующие вздохнули с облегчением, когда первый секретарь ЦК Владимир Ивашко взял на себя ответственность и предложил напечатать документы.

Почему политбюро ЦК приняло решение опубликовать документы большой взрывной силы? Есть, по меньшей мере, две причины. Во-первых, в 1988—1989 годах бюрократическая «перестройка» уже превращалась в народное движение. Конституционная реформа лишила правящую партию власти над обществом. Чтобы удержаться на гребне революционной волны, руководители партии должны были публично отказаться от сталинского наследия. Во-вторых, комиссия Конгресса США уже закончила работу и опубликовала заключительный рапорт, в котором содержалось много поразительных деталей. С конкретными результатами работы комиссии Дж. Мейса члены политбюро ЦК Компартии Украины были знакомы. Я уверенно свидетельствую об этом, потому что в моей библиотеке есть этот том объемом в 524 стр., напечатанный в 1988 году в Вашингтоне. На обложке книги — красный штамп общего отдела ЦК КПУ с датой поступления — 5 сентября 1988 года. Ко мне она попала во время передачи документов ЦК в государственный архив после запрещения партии (как инородный для фондообразователя материал).

На упомянутом заседании политбюро ЦК Компартии Украины 26 января 1990 года было принято постановление «О голоде 1932—1933 годов в Украине и публикации связанных с ним архивных материалов». Непосредственной причиной этого голода признавалась губительная для крестьянства хлебозаготовительная политика. Это так же не отвечало истине, как и утверждение В. Щербицкого о засухе.

В январе 1990 года в Украину впервые приехал Дж. Мейс. Мне он привез компьютерную распечатку свидетельств о голоде, собранных ко-

миссией Конгресса США. Трехтомник свидетельств объемом 1734 страницы вышел в свет в Вашингтоне только в декабре 1990 года. Тогда же, в первой половине декабря, я напечатал в журнале «Под знаменем ленинизма» статью «Как это было (читая документы созданной при Конгрессе США Комиссии по голоду 1932—1933 годов в Украине)». Собственный опыт анализа архивных документов и собранные американскими исследователями свидетельства дали возможность сделать такой вывод: «Наряду с хлебозаготовками и под видом их было организовано репрессивное изъятие любых запасов продовольствия, то есть террор голодом». Вывод о геноциде опирался уже не только на эмоциональные свидетельства очевидцев голода, но и на анализ архивной документации.

В марте 1991 года появилась моя итоговая книга «Цена “великого перелома”». Окончательный вывод формулировался вполне определенно: «голод и геноцид в селе были запрограммированы заблаговременно» (стр. 302). В последующие годы я недоумевал, почему книга неизвестна многим исследователям проблемы Голодомора. Оказалось, что объявленный тираж (4 тыс. экземпляров) был так же уменьшен в десять раз, как и сборник документов из партийных архивов. Хотя издательство уже называлось «Україна», это был все тот же «Политиздат Украины»...

Перечитывая книгу через полтора десятилетия, я по-новому оцениваю ее преимущества и недостатки. Преимуществом был детальный анализ социально-экономической политики Кремля, которая привела к экономическому кризису, способному нарушить политическое равновесие. Это объясняло, почему Сталин применил террор голодом против Украины в один вполне определенный период — период максимальной глубины экономического кризиса. Недостатком монографии было отсутствие анализа национальной политики Кремля. Без такого анализа вывод о геноциде повисал в воздухе.

В те далекие годы мы с Дж. Мейсом полемизировали в достаточно острой форме. Однако полемика была отстраненной, то есть касалась проблем, а не личностей. Я критиковал его за недостаточное внимание к социально-экономическому курсу Кремля, он меня — за игнорирование национальной политики. Время показало, что обоснование Голодомора как геноцида требует одинакового внимания к социально-экономической и национальной политике.

Однако в этой полемике у Дж. Мейса было преимущество. Ему не приходилось, как мне, менять на ходу под давлением неопровержимых фактов мировоззренческие позиции, привитые школой, университетом,

всей жизнью в советском обществе. Он видел во мне официального историка, которым я и был. Но в цитированной выше статье «Как Украине позволили вспомнить» Мейс закончил раздел об эволюции моих взглядов такими словами: «Он подошел к разработке темы (о голоде. — С.К.) как советский историк, работы которого были столь же политическими, сколь и научными. Когда возможности в изучении архивов расширились, он перестал быть советским историком и стал просто историком».

Тот мир, в котором мы живем сейчас, не лучше и не хуже, чем коммунизм брежневских времен, он другой. Не нужно сожалеть или радоваться, что он пришел, нужно понимать, что коммунистический строй исчерпал свой жизненный ресурс, и его дальнейшее существование обязательно было бы связано с силовым давлением государства на общество, свойственным для первых двух десятилетий советской власти. То есть мог повториться и Голодомор. Не могу не вспомнить добрым словом Александра Яковлева, который в октябре этого года ушел от нас. Он нашел оптимальный путь быстрого и управляемого распада коммунистического строя.

Советский коммунизм давно разложился как империя и как строй. Сейчас нужно быстрее преодолевать в себе его мировоззренческое наследие. К сожалению, спустя полтора десятилетия после исчезновения коммунизма эта проблема все еще актуальна. Решить ее поможет знание подлинной истории Украины в советскую эпоху, в том числе знание действительных причин Голодомора. Это я могу утверждать, исходя из собственного жизненного опыта.

3 ноября 2005 года

5. КОНФЛИКТ ВНУТРИ ПОКОЛЕНИЯ

Уже говорилось о том, что тема Голодомора политизируется неразборчивыми политическими деятелями правого и левого направления. Они приспособляются к своему электорату, что вполне естественно для политиков. Почему же эта игра на теме голода становится возможной? Почему наши соотечественники по-разному относятся к Голодомору? Чтобы понять это, следует снова воспользоваться более-менее абстрактной категорией — поколением.

В прошлом я думал, что для такого анализа больше подходит другая категория — территория. Сколько уже говорилось о разделении Украины на восток и запад, об особом менталитете населения западных обла-

стей, поглощенных Россией в виде Советского Союза (или воссоединенных с СССР — что тоже верно) только в 1939—1940 годах! Теперь думаю, что решающую роль в формировании различий между восточными и западными областями современной соборной Украины сыграло наличие или отсутствие массовых репрессий во время формирования поколения.

Массовые репрессии Кремль применял в ходе построения «государства-коммуны» в 1918—1938 годах и в ходе сталинской советизации западных областей Украины в 1939—1952 годах. Нетрудно заметить, что во втором случае репрессии пришлось уже на следующее поколение. То есть население западных и восточных областей, которое принадлежит к старейшему теперь поколению, имеет различный жизненный опыт и соответственно по-разному относится к недавнему прошлому.

Жители западных областей яростно ненавидят коммунизм и на дух не переносят компартийно-советскую номенклатуру, которая осуществляла репрессии во время «первых советов», то есть с 1939 года, и во время «вторых советов», то есть с 1944 года. Жители восточных областей являются воспитанниками советской школы. Они были лояльны к власти (в отличие от родителей), и сталинские репрессии их не коснулись. Хотя репрессии в СССР оставались массовыми вплоть до смерти Сталина, они стали выборочными, направляясь против определенной территории (республики Балтии, западные области Украины) или определенной национальности (кампания борьбы с космополитизмом, «дело врачей»). Манипулируя поработанным населением, Сталин использовал людские и материальные ресурсы восточных областей Украины для борьбы с антисоветским партизанским движением в западных областях.

Антикоммунизм населения западных областей проявляется везде и всегда. Запад и украинская диаспора, которая имеет преимущественно галицкое происхождение, близко к сердцу приняли трагедию Голодомора, хотя не переживали ее. Вклад хорошо организованной североамериканской диаспоры в раскрытие самого ужасающего преступления Кремля был решающим.

Для антикоммунистически настроенных представителей старшего поколения в западных областях голод 1932—1933 годов был преступлением Кремля а priori. Они не нуждались в документальной базе и верили на слово свидетелям Голодомора. Оказалось, что верили правильно. Наоборот, представители этого поколения на востоке прошли (если прошли) долгий и болезненный путь десоветизации, то есть осознанно

го отказа от навязанных в детстве советской школой стереотипов мышления и поведения.

Ветеранам Великой Отечественной войны и ветеранам Украинской повстанческой армии трудно поладить не потому, что они воевали друг против друга. Другие противники в Европе давно уже поладили. У наших ветеранов — различный жизненный опыт, а от убеждений далекой юности нелегко отказываться. Возможно, реальная картина Голодомора будет способствовать болезненной переоценке ценностей. Осознание того, что ты стал таким, какой ты есть, благодаря манипуляциям власти — неприятно, это я признаю. Но еще неприятнее — оставаться таким до своего смертного часа! Как можно быть сталинской марионеткой через полстолетия после смерти Сталина?

Моя собственная переоценка ценностей произошла как раз под влиянием исследования Голодомора. В 1981 году я напечатал книгу «Партия Ленина — сила народная», предназначенную для учеников советской школы. Я был искренен с ними, потому что верил в то, о чем писал. Верил не только благодаря воспитанию в этой вере. Построенное силовыми средствами ленинское «государство-коммуна» стало по-своему гармоничным, когда необходимость в применении силы отпала. Тогда на первом плане оказались пропагандируемые советской властью вечные ценности. Я видел, конечно, двойные стандарты, но списывал их на несовершенство человеческой природы. Я ощущал несвободу, но оправдывал ее необходимостью выживать в «капиталистическом окружении». Собственно, что может рассказать о небе рожденная в клетке птица?

После нескольких лет исследования Голодомора я понял, что советская власть была способна истреблять людей. Миллионы людей... Такой оказалась власть, которую породила привлекательная внешне коммунистическая идея. Как можно было относиться к такой власти и такой идее после осознания того, чем был Голодомор?

В 1991 году я со своими двумя младшими коллегами издал книгу «Сталинизм на Украине». Само ее название свидетельствует, что я еще цеплялся за такой популярный и теперь на Западе термин «Сталинизм», спасая им идею социального равенства. Мол, во всем виноват Сталин. Только позже пришло понимание, что миллионы потерянных жизней являются следствием внедрения в жизнь ленинской идеи «государства-коммуны». Если коммунистическую идею персонифицировать, то ее следует назвать ленинизмом, если партизировать — то большевизмом.

«Цена «великого перелома»» — так я назвал вторую свою книгу из изданных в 1991 году. Название навеяно размышлениями Н. Хрущева о цене коллективизации в жизни советских людей. Они тогда меня поразили, потому что это говорил вождь КПСС. На 432 страницах книги — сотни документов, которые составляют вместе рельефную картину Голодомора. Оказала ли она влияние на тех людей моего поколения, которые нуждаются в переоценке ценностей?

Сомневаюсь в этом. Не последнюю роль в осмыслении реальной картины Голодомора обществом играет государство. Именно оно через свои специализированные органы должно донести до сознания граждан добытое учеными знание о недавнем прошлом и тем самым предупредить конфликт среди людей, порожденный различным жизненным опытом. Не подкрепленные повседневной просветительской работой призывы нынешнего президента Украины к примирению ничего не дадут.

После 1987 года украинская компартийно-советская номенклатура относилась к научно-исследовательской и просветительской работе по тематике голода с заметным энтузиазмом. В сентябре 1990 года меня включили в состав идеологической комиссии ЦК Компартии Украины, хотя я никогда не занимал должностей в аппарате. После того, как Верховная Рада провозгласила независимость Украины, информация о Голодоморе была использована «суверен-коммунистами» во главе с Л. Кравчуком для убеждения избирателей в правильности такого решения. Дж. Мейс вспоминал, что фильм режиссера Олеса Янчука «Голод-33», который он консультировал, не получил ни копейки государственных средств, пока создавался, но был показан по телевидению перед референдумом 1 декабря 1991 года. Первые президенты Украины ограничивались преимущественно символическими мерами (памятный знак на Михайловской площади в Киеве, установление Дня памяти жертв Голодомора в четвертую субботу ноября). Большинство книг на тему Голодомора изданы за спонсорские, а не государственные средства. За полтора десятилетия у руководителей Украины не нашлось воли и желания переиздать трехтомник свидетельств очевидцев трагических событий в украинском селе после 1928 года перед комиссией Дж. Мейса. В этом трехтомнике — голос поколения, которое родилось перед 1920 годом. Уникальность его обусловлена тем, что этого поколения советских людей уже нет.

Из-за отсутствия прямого желания органов власти заниматься темой Голодомора эту функцию взяли на себя оппозиционные силы.

Следует признать, что они сделали немало полезного. Вместе с тем произошла политизация темы. После оранжевой революции, которая устранила от власти старую номенклатуру, некоторым бывшим оппозиционерам начало казаться, что теперь все можно. Начали они с «малого» — попытки перенести установленный Л. Кучмой в 1998 году День памяти жертв Голодомора с осени на весну. Мол, пусть не мешают годовщине оранжевой революции!

6. ДИСКУССИИ С РОССИЙСКИМИ УЧЕНЫМИ

Отношение общественности и власти в России к событиям 1932—1933 годов — это отдельная важная тема в рассматриваемой проблеме. Даже если мы докажем фактами, что голод 1932—1933 годов в Украине был геноцидом, нам придется на международном уровне встретиться с другой трактовкой совместного с Россией прошлого.

Дискутировать с российскими учеными следует максимально открыто, убеждая в правоте своей позиции не только противоположную сторону, но и собственную общественность. Этого требует современное состояние осмысления Голодомора гражданами Украины.

Немало наших соотечественников считают, что причины голода 1932—1933 годов не ясны. Другие думают, что голод вызван засухой или/и хлебозаготовками. Именно такими были причины голода 1946—1947 годов, который люди еще помнят. Те, кто считает Голодомор геноцидом, по большей части не углубляются в политико-правовую сущность понятия «геноцид». Они уверены, что вызванная действиями властей массовая гибель населения всегда является геноцидом. Этому противоречит казахская трагедия. Силловые попытки со стороны безграмотных компартийных чиновников «посадить» кочевников-казахов на землю привели к голоду, относительные размеры которого (применительно к общей численности этноса) превышают украинский Голодомор. Однако трагедия казахов не была следствием террора голодом.

Анализировать голод 1932—1933 годов в Украине нужно в контексте политико-правового содержания термина «геноцид». На протяжении сравнительно короткого времени Сталин целеустремленно уничтожал сельское население двух административно-политических образований, в которых численно преобладали украинцы (УССР и Кубанского округа Северо-Кавказского края РСФСР). Сразу хочу отмежеваться от тех своих единомышленников, которые формулируют цель геноцида по-другому:

Сталин уничтожал украинцев! Понятно, что конечный результат был именно таким: Сталин уничтожал украинцев. Но мы никого не убедим в справедливости утверждения о геноциде в такой упрощенной, сугубо эмоциональной формулировке.

Много лет я общаюсь с небольшим кругом ученых в России и странах Запада, которые исследуют украинский Голодомор, знаю их образ мыслей. Поэтому приходится продуманно и четко формулировать позицию в вопросе о геноциде.

Социально-экономические причины голода 1932—1933 годов мне были понятны и в начале 90-х годов. Потом в отделе истории межвоенного периода Института истории Украины мы занялись исследованиями компартийно-советской разновидности тоталитаризма как целостной политико-экономической системы, включая и национальную политику Кремля. Теперь есть аргументация, которая касается национальной составляющей в репрессивной политике советской власти.

Все приведенные здесь замечания были необходимы, чтобы придать надлежащую тональность изложению дискуссий с российскими учеными о природе голода 1932—1933 годов в Советском Союзе.

Начало этим дискуссиям положила организованная в мае 1993 года посольством Украины в Москве информационно-аналитическая конференция «Голодомор 1932—1933 годов: трагедия и предостережение». С обеих сторон тогда присутствовали ученые, политики и журналисты. Мы говорили о терроре голодом, примененном Кремлем против Украины, они утверждали, что сталинские репрессии были лишены национальной окраски. Только бывший диссидент, а в 1993 году — председатель комиссии по правам человека Верховного Совета РФ Сергей Ковалев нашел в себе мужество сказать, обращаясь к украинской стороне: «Простите нас!»

Потом в московской газете «Известия» появилась статья журналиста Л. Капелюшного, написанная после его ознакомления с книгой В. Маняка и Л. Коваленко «33-й: голод: народная книга-мемориал». В книге журналист увидел «имеющие юридическую силу свидетельские показания, свидетельства очевидцев геноцида».

И ковалевское «Простите нас!», и вывод Л. Капелюшного были усилены выступлениями на международной научной конференции «Голодомор 1932—1933 годов в Украине: причины и последствия», которая состоялась в Киеве 9—10 сентября 1993 года в присутствии президента Украины. Если Леонид Кравчук обвинил в трагедии укра-

инского народа сталинское правительство, то Иван Драч, который выступил вслед за ним, поставил проблему в другую плоскость. «Наступило время до конца осознать раз и навсегда, — сказал он, — что это был только один из ближайших к нам, уцелевшим и сейчас живущим украинцам, этап планомерного искоренения украинской нации, неприятие существования которой глубоко заложено у потомков северных племен, которым наш народ дал свою веру, культуру, цивилизацию и даже имя».

Российские специалисты по проблеме коллективизации и голода Илья Зеленин, Николай Ивницкий, Виктор Кондрашин и Евгений Осколков в коллективном письме в редакцию одного из исторических журналов Российской академии наук высказали тревогу в связи с тем, что большинство участников конференции настаивали на «некоей исключительности Украины, особом характере и содержании этих событий в республике, в отличие от других республик и регионов страны». Они утверждали, что голод в Украине не отличался от голода в других регионах, а противокрестьянская политика сталинского руководства не имела ярко выраженной национальной направленности («Отечественная история», 1994, №6, с. 256).

Обосновывая свою позицию, наши коллеги делали ударение (со ссылкой и на содержание моего доклада на этой конференции) на социально-экономические аспекты голода 1932—1933 годов. Безусловно, экономическая политика Кремля не различала границ национальных республик, в этом отношении их аргументация была безупречна. Однако отрицание украинской специфики голода подводило российских коллег, хотели они того или нет, к утверждению об отсутствии у Кремля национальной политики, в том числе ее репрессивной составляющей. То же самое утверждение: «Сталинские жертвы не имеют национальности!» — довелось мне услышать уже от другой по составу российской делегации на Международном симпозиуме в Торонто на тему «Население СССР 20—30-х годов в свете новых документальных свидетельств» (февраль 1995 года). Но история СССР включает в себе немало примеров репрессий по национальному признаку. Стоит ли их перечислять?

В последние годы Институт истории Украины наладил сотрудничество с Институтом всеобщей истории РАН, а через него — со специалистами других учреждений РФ в рамках Украинско-российской комиссии историков (сопредседатели — академик НАН Украины Валерий Смолий и

академик РАН Александр Чубарьян). 29 марта 2004 года в Москве состоялось заседание комиссии с участием многих известных российских специалистов по аграрной истории. Обсуждалась книга «Голод 1932—1933 годов в Украине: причины и последствия», изданная в 2003 году Институтом истории Украины к 70-й годовщине Голодомора. 30 авторов создали том крупного формата — 888 страниц, плюс тетрадь иллюстративных материалов в 48 страниц.

Несколько экземпляров книги были переправлены в Москву задолго до заседания комиссии. Но она не убедила российских историков. Вскоре после этой встречи В. Данилов и И. Зеленин изложили свою точку зрения относительно данной проблемы в статье, опубликованной журналом «Отечественная история» (2004, №5). Суть их позиции отражена в самом названии статьи: «Организованный голод. К 70-летию общекрестьянской трагедии».

Фамилии авторов статьи журнал взял в траурную рамку. Наши оппоненты вскоре после встречи не стало. Это большая потеря для российской исторической науки, для всех нас. Тем более, что перспективные российские ученые последующих поколений не спешат браться за разработку «трудных проблем».

В последнее время в научный оборот введены новые архивные документы по аграрной истории советского периода. Они являются, в первую очередь, результатом подвижнического труда Виктора Петровича Данилова. Это пополнение базы первоисточников существенно укрепляет позицию украинской стороны в ее попытках убедить мир в том, что Голодомор был геноцидом.

Подытоживая результаты нашей встречи 29 марта 2004 года в упомянутой выше статье, В. Данилов и И. Зеленин пришли к такому заключению: «Если уж характеризовать голодомор 1932—1933 годов как «целенаправленный геноцид украинского крестьянства», на чем настаивали некоторые историки Украины, то надо иметь в виду, что это был геноцид в равной мере и российского крестьянства». С таким итоговым выводом украинская сторона может согласиться. Ведь мы не утверждаем, что сталинскими жертвами были исключительно украинцы. Скажу даже больше. Специфика «социалистического строительства» и характер политического устройства были такими, что в наибольшей степени (в процентах к численности) пострадали в 1918—1938 годах непосредственные исполнители сталинских преступлений — чекисты, на втором месте оказались члены государственной партии, особенно — компар-

тийно-советская номенклатура, далее — граждане национальных республик и, наконец, — русские.

Чем объяснить сдержанность российских ученых в вопросе о геноциде? Тем, по-видимому, что международное сообщество все активнее использует в повседневной жизни «Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» от 9 декабря 1948 года. В частности, на международном форуме «Предотвращение геноцида: угрозы и ответственность», состоявшемся в Стокгольме в январе 2004 года, принимали участие руководители многих государств. Ключевыми были такие вопросы: политические, идеологические, экономические и социальные корни насилия, связанного с геноцидом; механизмы предупреждения и реагирования на международном уровне на угрозу геноцида; использование дипломатических, гуманитарных, экономических и силовых механизмов предотвращения геноцида.

В украинском обществе только маргинальные политики правого направления настаивают на ответственности современной России за украинский Голодомор и требуют моральной или даже материальной компенсации. Официальное признание России правопреемницей Советского Союза не может обременять ее ответственностью за преступления большевистских, белогвардейских или любых других режимов, которые контролировали в прошлом российскую территорию. Даже попытки руководителей Кремля «привязаться» к некоторым атрибутам бывшего Союза (свидетельством этого является, например, мелодия государственного гимна РФ) не дают оснований для таких претензий. В конечном счете, ностальгия по советскому прошлому одинаково свойственна определенным кругам украинского и российского общества, главным образом, старшему поколению.

В России вполне свободно издаются документальные сборники, в которых отражены государственные преступления сталинской эпохи. Собственно, построить концепцию украинского Голодомора как геноцида оказалось возможным только на основании обнародованных в Москве документов. Вместе с тем попытка унаследовать достижения советской эпохи (в первую очередь, победу во Второй мировой войне), вынуждает российских чиновников, насколько это возможно в условиях отсутствия диктатуры, затенять сталинские преступления. В наибольшей степени это касается преступления геноцида, хотя Конвенция от 9 декабря 1948 года не обременяет ответственностью правопреемников преступных режимов.

Конечно, если Россия хочет унаследовать все достижения советской эпохи, она должна в какой-то степени унаследовать и негатив, то есть произнести ковалевское: «Простите нас!» Намек на такую «повинность» сделал в 2004 году Европейский парламент, когда признал актом геноцида депортацию чеченцев. Однако кому приятно обременять себя моральной ответственностью за преступления предыдущих режимов?

Вот почему Россия является решительным противником признания украинского Голодомора геноцидом. В августе 2003 года в интервью украинской редакции BBC посол РФ в Украине Виктор Черномырдин заявил: «Голодомор затронул все советское государство. Не меньше трагедий и боли было на Кубани, Урале, Поволжье и в Казахстане. Не было таких изъятий только на Чукотке и в северных районах, потому что там нечего было конфисковывать». Официальные представители России в ООН сделали все возможное, чтобы в Совместном заявлении 36 государств в связи с 70-й годовщиной украинского Голодомора не оказалось определения этой трагедии как геноцида.

Нам остается убедить россиян в том, что украинский голод был следствием не только репрессивных хлебозаготовок, но и хорошо организованной конфискации всех продовольственных запасов у крестьян. Доказательная база существует, и если голос украинских ученых усилится голосами западных историков, эта задача станет осуществимой.

7. ПОЗИЦИЯ ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Во времена «холодной войны» на Западе сформировалась густая сеть научно-исследовательских учреждений, которые занимались так называемой советологией. Но никто из советологов не интересовался тем, что происходило в Украине в 1932—1933 годах.

Английский литературовед, ровесник Русской революции Роберт Конквест после переезда в США начал работать в Институте изучения СССР при Колумбийском университете. Именно ему принадлежит первая в неукраинской историографии книга о Большом голоде в СССР, опубликованная в 1986 году. Автор знаменитого «Большого террора» не ошибся, определяя сталинскую политику в Украине как особую разновидность террора — террор голодом. Книга Р. Конквеста «Жатва скорби» основывалась на литературных источниках (подобренных в основном Дж. Мейсом) и была оценена широкой общественностью как сенсационная. Наоборот, в кругах советологов ее приняли неодобри-

тельно: автора обвинили в политической заангажированности, поскольку он принял заказ на книгу от украинской диаспоры.

В конце 80-х годов в среде советологов возникло течение «ревизионистов». Его представители считали, что историографию времен «холодной войны» нужно пересмотреть, поскольку она идеологически противостояла коммунизму, то есть выходила за рамки научных знаний. Труды комиссии Конгресса США по украинскому голоду «ревизионисты» приняли в штыки. Самого Дж. Мейса, как он писал, обвинили в фальсификации истории («День», 18 ноября 2003 года). Не имея перспектив постоянной работы в США, Мейс приехал в Киев и сначала устроился на работу в институте, организованном Иваном Курасом на базе бывшего Института истории партии при ЦК Компартии Украины.

В советские времена, как и в первые постсоветские годы, украинская историческая наука не имела самостоятельного международного статуса. Наоборот, российским историкам приходилось только укреплять давно существующие связи. Международный статус российской науки резко возрос после открытия архивов сталинской эпохи.

В 1992 году начал свою работу организованный В. Даниловым теоретический семинар «Современные концепции аграрного развития» при Междисциплинарном академическом центре социальных наук (Интерцентре). На заседание 24 июня 1997 года был вынесен доклад Стефена Виткрофта (Австралия) и Роберта Девиса (Великобритания) «Кризис в советском сельском хозяйстве (1931—1933 годов)». В журнале «Отечественная история» (1998, №6) отчет об этом семинаре приводится на десятках страниц. Трудно рассказать о нем в нескольких абзацах, но попробую.

С. Виткрофт во вступительном слове осудил тезис о том, что это был «организованный голод» и что Сталин преднамеренно изымал хлеб, чтобы крестьяне гибли. В докладе большое внимание уделялось Украине. Утверждалось, что Кремль ничего не знал, а когда информация о голоде начала поступать, «перед политбюро ЦК ВКП(б) все острее вставала проблема отпуска (крестьянам. — С.К.) дополнительного хлеба». С февраля до июля 1933 года было принято 35 постановлений политбюро ЦК ВКП(б) и декретов Совнаркома СССР о выдаче продовольственного зерна.

Таким был доклад... И что интересно: приведенные факты соответствовали истине! Неизвестно только, почему от голода погибали миллионы людей. Своим цинизмом исследователей поразил только один

документ — резолюция ЦК КП(б)У о разделении крестьян, попавших в больницу с диагнозом «дистрофия», на больных и выздоравливающих. Требовалось улучшить питание последних в пределах имевшихся в наличии ресурсов, чтобы как можно быстрее отправить их на посевную.

Конечно же, Сталин не применял террор голодом, чтобы уничтожить всех крестьян подряд неизвестно для чего. Кому повезло выжить, того отправляли на колхозные работы и кормили в поле, во время работы. Кормили тем продовольствием, которое отпускалось по специальным постановлениям высших органов власти. Так демонстрировалась забота государства о сохранении жизни своих граждан. Так крестьяне приучались работать в общественном хозяйстве колхозов.

Роберта Маннинг (Гарвардский университет), опираясь на расчеты авторов, отметила: накануне урожая 1933 года государственный продовольственный резерв составлял от 1,4 до 2,0 млн. тонн зерна. Этого хватало, чтобы предупредить массовый голод. «Что заставило советское правительство, — спрашивала она после этого, — изымать и экспортировать столь значительную часть крайне низкого урожая и удерживать большой продовольственный запас, чем во времена прежних хлебных кризисов? Эти вопросы требуют ответов!» Понятно, что поставленные в такой форме вопросы являлись вежливым отрицанием основного содержания доклада. Наоборот, Линн Виола (Торонтский университет) одобрила предложенный докладчиками взгляд на трагедию 1932—1933 годов именно потому, что он был «ревизионистским», то есть отличался от предыдущих взглядов относительно голода, организованного властью, или даже геноцида со стороны сталинского руководства. Ю. Мошков согласился с тем, что крестьянам предоставляли продовольственную помощь в первой половине 1933 года, но к этому очевидному факту добавил: «Отрицать яростное стремление именно Сталина осенью 1932 года наказать непокорных крестьян, не желающих отдавать все до зернышка, по-моему, невозможно». М. Вылцан воспользовался положениями доклада, чтобы атаковать авторов «концепции рукотворного голода» М. Ивницкого, В. Кондрашина и Е. Осолкова. Последние с фактами в руках отразили атаку.

Вот таким получился этот теоретический семинар в Интерцентре — с комплиментами в адрес «ревизионистов» и с нападками на тех российских ученых, которые под давлением неопровержимых фактов назвали голод 1932—1933 годов рукотворным. Не удивительно, что по-

следние не осмелились предпринять еще один шаг и назвать голод в Украине геноцидом.

Ситуация с осмыслением Голодомора на Западе в конце 90-х годов была такой, как показал этот семинар. Теперь положение улучшилось. Переломным пунктом, кажется, стала международная конференция, организованная Институтом исследования истории и религии в городе Виченца (Италия) в октябре 2003 года. Не буду останавливаться на ее работе, поскольку Дж. Мейс об этом написал («День», 21 октября 2003 года). Важным оказался результат: в принятой резолюции ученые из Италии, Германии, Польши, Украины, США и Канады (М. Ивницкий и В. Кондрашин — воздержались) призывали премьер-министра Италии, президента Евросоюза Сильвио Берлускони и главу Еврокомиссии Романо Проди приложить усилия для международного признания украинского голода 1932—1933 годов актом геноцида.

Конференция в Виченце имела продолжение. 5 сентября 2005 года в Киево-Могилянской академии в присутствии посла Италии Фабио Фаббри и директора Итальянского института в Украине Никола Баллони состоялась презентация книги «Смерть земли. Голодомор в Украине 1932—1933 годов», подготовленной по материалам конференции в Виченце. Репортаж Надежды Тысячной об этой встрече («День», 7 сентября 2005 года) имел такой же заголовок, какой дал Дж. Мейс своей корреспонденции из Виченцы — «Интеллектуальная Европа об украинском геноциде». В этом есть определенная символика: Мейса уже нет, а его слово с нами.

Участник конференции в Виченце, профессор Кельнского университета Герхард Зимон организовал на VII Всемирном конгрессе историков в Берлине (июль 2005 года) стенд под названием «Был ли голод 1932—1933 годов в Украине геноцидом?». Обсуждение этого вопроса состоялось в форме острой дискуссии. Благодарен г-ну Зимону за то, что он отказался зачитать собственный доклад, чтобы дать мне дополнительное время для обоснования своей позиции. Благодарен ему также за содействие в переводе моей статьи на немецкий язык и опубликовании ее в авторитетном журнале «Ост-Европа». Весь коллектив Института истории Украины благодарен этому авторитетному специалисту по истории Центрально-Восточной Европы за его интерес к Голодомору и опубликованную в «Украинском историческом журнале» статью, которая является новым словом в немецкой историографии проблемы.

8. ЗАГЛЯНУТЬ В БЕЗДНУ

Мы видим, что проблема осмысления Голодомора отечественными и зарубежными учеными, украинским обществом и международным сообществом оказалась совсем непростой. Знаем ли мы все, что происходило в нашей Украине семь—восемь десятилетий тому назад? Освободились ли мы от стереотипов, заложенных в сознание нескольких поколений?

Иногда приходится под грузом новых или переосмысленных фактов отказываться от установившихся представлений о тех или иных аспектах прошлого. Это — нормально для профессионального историка, в этом — смысл научного поиска. Когда началась горбачевская десталинизация, одна импульсивная женщина не выдержала и на весь Советский Союз заорала: «Не могу поступиться принципами!». Она не нашла в себе мужества заглянуть в бездну и увидеть, насколько ленинская идеология отличалась от ленинско-сталинской практики.

Фальшь советской эпохи нужно выдавливать из себя по капле. Чем скорее наше общество освободится от стереотипов прошедшей эпохи, тем легче будет жить. Мощным рычагом в этом может стать правда о Голодоморе.

Какова она, эта правда? Я предлагаю в следующих статьях свою версию событий 1932—1933 годов в Украине. Читатели, уже подготовленные историографическим вступлением в виде этих четырех статей, должны вынести собственное суждение о фактах, которыми теперь обладает историческая наука. Следовательно, впереди статьи о сущности коммунистической «революции сверху», национальной политике Кремля, механизмы геноцида и другие темы, которые в совокупности дают ответ на вопрос, почему Сталин нас уничтожал.

10 ноября 2005 года

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЕНОЦИДА

В предыдущей статье я отметил, что теперь не пользуюсь популярным у нас и на Западе термином «сталинизм». Перечитывая ее, подумал, что неприятие термина надо обосновать. Одновременно еще раз перечитал статью профессора Неаполитанского университета Андреа Грацио-зи в «Украинском историческом журнале» (2005, №3) и остановился на такой мысли: «С. Кульчицкий аргументировал предпосылки геноцида с другой точки зрения, представляя голод (как на общесоветском, так и на украинском уровнях) как идеологически обусловленный геноцид, следствие решений 1929 года».

Объединив обе мысли, я понял, что нельзя ограничиться выявлением социально-экономического и национального измерений геноцида, как это было запланировано. Нужно выделить и третье измерение — идеологическое. Начинать его анализ следует не с 1929 года, когда развернулась сплошная коллективизация сельского хозяйства, а с 1917-го, когда В. Ленин вбросил в российское общество идею о построении «государства-коммуны».

В данном случае речь идет не о новых нюансах в концепции Голодомора как геноцида, а только о совершенствовании ее структурного построения. Необходимо так изложить причинно-следственные связи между Голодомором и всей картиной «социалистического строительства», чтобы концепция приобрела логическую стройность и стала прозрачной для читателей. Это значит, что начинать непосредственное изложение концепции следует с идеологического измерения геноцида.

1. О ПРИРОДЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В 2003 году я подготовил книгу «Русская революция 1917 года: новый взгляд». Она была издана в Институте истории Украины, под одной обложкой было два идентичных текста на украинском и русском языках. Небольшой тираж разошелся среди специалистов, в том числе

среди членов научного совета по истории революций при Российской академии наук.

Я находил только одну революцию в 1917 году — не Февральскую и Октябрьскую, а Русскую со специфическими ответвлениями последней в национальных окраинах империи — Украинской и другими. Но не в этом состоял новый взгляд на события. Наиболее авторитетный на Западе специалист по истории России Ричард Пайпс еще в 1990 году издал в Нью-Йорке двухтомник «The Russian revolution», в котором революционный процесс в целом закономерно рассматривался как целостный. Ассоциация «Российская политическая энциклопедия» (РОС-СПЭН) в 1994 году перевела и издала этот двухтомник в Москве под аутентичным названием («Русская революция»). Но после публикации этой книги от двух революций в одном году мало кто отказался и в России, и в Украине. Изменилась лишь терминология: Великую Октябрьскую социалистическую революцию теперь называют октябрьским переворотом.

Новизна моего подхода (также никем не признанного) заключается в анализе исторического феномена, всем известного как советская власть. Я думаю, что именно политический режим с этим неточным названием обеспечил русскому коммунизму запас прочности на три поколения. Суть ленинского изобретения заключалась в разделении завоеванной власти — целостной и централизованной — на две части, из которых только одна была повернута лицом к народу, создавая видимость народовластия. Советы с их исполнительными комитетами формировались населением согласно нормам демократических конституций, но под строгим контролем парткомов, которые рекомендовали своих кандидатов в депутаты от «блока коммунистов и беспартийных». Партийные комитеты, которые были вторым лицом власти, выбирались только членами государственной партии. Благодаря принципу «демократического централизма», на котором базировалась партия и все общественно-политические структуры страны, персональный состав руководящих органов монополично существующей партии сначала определялся более высоким по иерархии звеном, и лишь потом формально утверждался на «выборах».

Исполкомы советов имели вполне реальную управленческую власть. Парткомы не вмешивались в управление, если считали это ненужным, но имели монополию на политические и кадровые решения. Следовательно, советская власть была двуединой, то есть конструиро-

валась как симбиоз отдельно существующих властных систем — парткомов, вплоть до Центрального комитета ленинской партии, и исполнительных комитетов советов, вплоть до Совнаркома СССР. Коммунистическая диктатура была коллективной по определению, потому что «демократический централизм» мог ее фокусировать только до уровня политбюро ЦК ВКП(б).

Отношения между членами политбюро ЦК, то есть партийными вождями, не могли определяться конституцией, потому что партия стояла над советами и обществом. Не определялись они и партийным уставом с его лицемерным демократизмом — принципом «демократического централизма». Эти вожди, однако, не имели власти, освященной происхождением и религией, как в традиционных монархических обществах. В результате отношения между ними определялись, как в львином прайде, борьбой до определения победителя. В руках у победителя концентрировалась вся власть над партией и обществом. Никто не мог помешать ему в реализации решений, направленных на истребление миллионов людей во имя сохранения абсолютной личной власти. Такой была власть, завоеванная Сталиным в ходе жестокой шестилетней (1923—1928) борьбы внутри политбюро ЦК ВКП(б). Советская власть...

Почему глубинное содержание некоторых сталинских документов, которые непосредственно связаны с Голодомором, не воспринимается нашим сознанием? В предыдущих статьях я приводил один такой пример, в следующих будет повод привести еще один. А ответ таков: история СССР в советских учебниках была далекой от реальной действительности. В отличие от нас, Сталин не был воспитанником советской школы. Он стоял у истоков власти, которую называли советской, и хорошо знал ее уязвимые места и болевые точки. Наоборот, для нас суть советской власти более или менее совпадала с ее пропагандистским имиджем. Те же, кто ненавидел ее, ненавидели слепо.

Когда я говорю о «нас», то разумею под этим свое поколение. В том числе генерального секретаря ЦК КПСС, членов ЦК КПСС и депутатов Верховного Совета СССР. Всех тех, кто в 1988 году под лозунгом «полновластия Советов» легкомысленно разрушил созданную Лениным конструкцию власти. Они получили результат, которого не могли предвидеть: тоталитарное государство развалилось, и общество восстановило над государством суверенитет, завоеванный в марте и утраченный в ноябре 1917 года.

Природа советской власти стала окончательно понятной для меня только после конституционной реформы М. Горбачева, то есть тогда, когда эта власть избавилась от диктатуры парткомов и стала принципиально другой. Только после этого я смог внести ясность в проблему ее генезиса. Чтобы понять, почему стал возможным Голодомор, необходимо выявить, как эта власть возникла и какие задачи ставила перед собой.

2. ЛОЗУНГИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Термин «сталинизм» стал у нас популярным после первой, еще хрущевской десталинизации, то есть со второй половины 50-х годов. Официальная историография настаивала на том, что большевистская революция — это и есть народная революция 1917 года. Мол, Кремль воплощал в жизнь ее требования, проводил либеральную политику в сфере экономики (нэп) и национальных отношений (коренизация), а потом пришел Сталин и все испортил.

Действительность выглядит по-другому. Историю СССР написали победители, и правде она не соответствует. Сосредоточившись на изучении «белых пятен» (в том числе Голодомора), историки сделали очень много. Однако в некоторых ключевых моментах мы (имею в виду и историков Запада) еще находимся в плену стереотипов советской историографии.

Правда заключается в том, что непрерывная цепь кризисных событий, которая развернулась в мире с 1914 года, то есть с начала Первой мировой войны, привела к мутации исторического процесса в контролируемых большевиками России (с весны 1918 года) и Украине (с начала 1919 года). Дальнейшие события в странах, которые перешли под контроль коммунистов, происходили не так, как в цивилизованном (мы уже привыкли так говорить) мире. Нельзя отрицать, что история СССР и стран Центрально-Восточной Европы была по-своему насыщенной. В ней находилось место для героизма и террора, для эпохальных достижений и так называемых белых пятен, которые скрывали ужасающие преступления политических режимов. Но советский строй — это специфическая и, к тому же, мутантная цивилизация, лишенная стержня, на котором держится человечество от самых начал своей истории — частного предпринимательства. Несмотря на сеть советологических учреждений, западный мир не очень понимал, что у нас происходило. Никто, однако, не мог отказать коммуни-

стической империи в праве на существование. Напротив, именно она утверждала, что человечество будет развиваться по советскому образцу. Некоторые политологи у нас и на Западе даже считали, что оба мира претерпят конвергенцию, то есть сольются в будущем путем объединения положительных черт капитализма и социализма. Однако созданное В. Лениным и И. Сталиным «государство-коммуна» внезапно развалилось.

Не могу понять, как это в общественном сознании могут сосуществовать два противоположных представления: о большевизме как порождении революции 1917 года и о коммунистическом эксперименте, осуществленном в бывшей Российской империи большевиками. Соглашаюсь лишь со вторым утверждением. Надо только добавить, что эксперимент не имел ничего общего ни с марксизмом, ни с представлениями о марксизме, распространенными среди русских социал-демократов меньшевистского и большевистского направлений. Густо насыщенная марксистскими терминами концепция «государства-коммуны» родилась в одной только голове — ленинской. На протяжении 20 лет она воплощалась в жизнь силовыми средствами с упорством, достойным лучшего применения. Коммунистическое строительство, которое из тактических соображений после 1921 года называли социалистическим, было по глубине преобразований подлинной революцией («революцией сверху», как отмечал Сталин). Большевистские экспериментаторы действительно изменили лицо страны, создав альтернативу существующей цивилизации. Однако их мутантная цивилизация не имела ничего общего с лозунгами Русской революции.

Революция, которая началась в Петрограде 8 марта 1917 года, не была похожа на известные истории социальные катаклизмы. В ней сформировался демократический лагерь в виде либерального и социалистического партийных блоков. Термин «социализм» здесь нужно понимать в его первоначальном значении, которое не имеет ничего общего с последующими интерпретациями — ленинской (социализм как первая фаза коммунизма) и гитлеровской (национал-социализм). Либеральный блок был менее радикален, социалистический — более радикальный, но оба соглашались с тем, что страну надо вести к Учредительному собранию. Однако рядом с политическими партиями появился еще один участник революционных действий — лагерь народных низов в виде советов.

На пятый день революционных событий в резиденцию Государственной Думы — Таврический дворец — пришли прямо из тюрьмы руководители рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете. Они не забыли опыт революции 1905 года, когда рабочие без подсказки со стороны партий образовывали советы — организации для руководства политической забастовкой в масштабе района или целого города. Поэтому они обратились к бастующим коллективам с предложением немедленно послать во дворец своих депутатов в городской совет. Вечером того же дня, 12 марта, был создан орган революции — исполком Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, который контролировал действия десятков тысяч бастующих рабочих и вооруженных солдат на улицах Петрограда. Вскоре начали образовываться советы (на фронтах — солдатские комитеты) во всей империи. Каждый из них функционировал сам по себе, иерархически построенной советской организации не возникло. Состав советов был непостоянным, потому что военные и рабочие комитеты могли в любой момент отозвать своего депутата и послать другого.

Политические партии отличались степенью радикализма, но действовали в одной системе координат — демократической. В отличие от них, советы требовали немедленной экспроприации частной собственности помещиков и буржуазии. Речь шла не только о ликвидации институтов предыдущей власти, как во всех известных историкам революциях, но и об уничтожении общественных классов. Экстремистские требования советов были следствием свойственной России острой социальной конфронтации, умноженной на тяжесть невиданной по масштабам войны.

Советский лагерь показал свою силу с первых дней революции. Кто заставил Николая II 15 марта 1917 года отречься от престола? Царь принял совет лидеров основных партий Государственной Думы, командующих фронтами, и начальника штаба Верховного главнокомандующего (Верховным был он сам) генерала М. Алексева. Но кто аставил ближайшее окружение царя рекомендовать ему отойти от власти?

В советские времена на первое место в революционных событиях 1917 года ставили промышленный пролетариат. Сплоченный в крупные коллективы условиями производства, он мог действовать слаженно и доказал это в 1905 году. Правда, царизм тоже доказал тогда, что может справиться с пролетарской революцией. Наоборот, условия производ-

ва на селе не содействовали согласованным действиям крестьянства. Ненависть к помещикам у крестьян вызревала веками, но они были распылены и не представляли особой угрозы для помещичьего в своей основе политического строя во главе с царем-самодержцем. Но вдруг с 1914 года сама империя начала объединять распыленных крестьян поротно и побатальонно, вкладывая им в руки оружие. В крупных городах образовались тыловые гарнизоны. В каждом из них инструкторы из действующей армии готовили десятки тысяч мобилизованных крестьян для отправки на передовую. Когда начались беспорядки в Петрограде, перед его тыловым гарнизоном возникла дилемма: отправляться на фронт или повернуть оружие против начальников. Всюду, где были сконцентрированы мобилизованные крестьяне (рабочие большей частью работали на оборонных предприятиях), они мгновенно сделали свой выбор. Как раз после этого командующие фронтами поняли, что царя нужно устранить.

По инерции, которая идет от неправомерного разделения революции 1917 года на две, — Февральскую революцию называют буржуазно-демократической. Однако буржуазию в революции представляла только либеральная демократия, прежде всего кадеты. Основная масса рабочих и крестьян (в том числе одетых в солдатские шинели) находилась под влиянием партий социалистической демократии, которые после выхода из подполья действовали солидарно с либералами. Подавляющее большинство российского рабочего класса (в том числе и в украинских губерниях) поддерживало партию меньшевиков, которая стояла во главе профсоюзного движения и разделяла позицию европейской социал-демократии, направленную на согласование интересов труда и капитала путем переговоров. Среди крестьянско-солдатских масс особым влиянием пользовались эсеры, которые также желали выйти из революции на основе законов, проработанных легитимным путем, то есть через Учредительное собрание. Эти партии оказывали решающее влияние и на советы, тем самым умирив советский лагерь — анархический и деструктивный. Обе партии рассматривали советы как временные организации, призванные помешать мобилизации контрреволюционных сил.

16 апреля в Петроград из Швейцарии прибыл В. Ленин и на следующий день выступил перед участниками всероссийского совещания советов рабочих и солдатских депутатов. Десять тезисов, которые содержались в докладе, газета «Правда» напечатала 20 апреля

под названием «О задачах пролетариата в данной революции». Этот документ, известный под названием «Апрельские тезисы», исключал большевиков из демократического лагеря, в котором объединялись либералы и социалисты, и ставил их в революции на отдельное место.

Ленин выдвигал лозунг «Вся власть — Советам!». Его стратегия заключалась в том, чтобы завладеть советами изнутри, сбросить правительство либеральной демократии и поставить на его место собственное правительство в советской оболочке. Идея созыва Учредительного собрания прямо не отвергалась, потому что была популярной в народе. Но она отвергалась в замаскированной форме: отрицая суверенное право народа формировать органы власти, Ленин требовал образования советской республики вместо парламентской. Он понимал, что на свободных выборах большевики не имели шансов завоевать большинство мандатов в Учредительном собрании. Завоевать большинство в советах было более реальным делом. Доктринальный экстремизм большевиков, которые стояли за ликвидацию частной собственности на средства производства, частично совпадал со стихийным экстремизмом советов, которые требовали экспроприации собственности у помещиков и буржуазии. За утверждениями о преимуществах советской республики перед парламентской скрывалось желание большевиков прорваться к власти и не делить ее с другими политическими силами.

На практике лозунг «Вся власть — Советам!» значил установление однопартийной диктатуры. Партия большевиков должна была, во-первых, вычистить из советов все другие партии и, во-вторых, слиться с советами, которые становились властью на всех уровнях государственного управления и местного самоуправления. Сливаясь с партией Ленина, советы теряли самостоятельность, но формально оставались отдельной организационной структурой. Сохраняя в себе оболочку советов и называя собственную диктаторскую власть Советской (обязательно — с большой буквы!), большевики получали возможность контролировать народные низы.

Первые пять апрельских тезисов Ленина были нацелены на завоевание власти. Они были точны и конкретны. Вторая половина тезисов формулировалась в замаскированных выражениях. В этой части излагался тот план действий, который должен быть реализован после установления диктатуры. Речь шла о переименовании партии в коммунистическую, принятии коммунистической программы и построении государства-ком-

муны. Следовательно, призрак коммунистической революции навис над страной уже в апреле 1917 года, однако никто не мог его четко рассмотреть. Даже в партии большевиков не было тех, кто мог бы представить себе долгосрочные последствия ликвидации рынка и частной собственности на средства производства.

В первые послереволюционные месяцы успехи большевиков были более чем скромными. Выступая под собственными лозунгами, они не могли добиться популярности среди населения. Поэтому в августе 1917 года Ленин временно отказался от коммунистических лозунгов и взял на вооружение советские. В частности, вместо лозунга превращения войны империалистической в войну гражданскую большевики поддерживали всенародное требование заключения сепаратного мира. Вместо требования превращения помещичьих имений в советские хозяйства (совхозы) — крестьянский лозунг «черного передела», то есть уравнительного разделения всех земель. Высказываясь всегда за централизованное государство, они поддерживали требование федерализации России.

Мощный пропагандистский аппарат большевиков закреплял в сознании масс образ оппозиционной партии, которая с приходом к власти немедленно реализует советские лозунги. В сентябре Петроградский, Московский и Киевский советы впервые приняли предложенные ею резолюции. Председателем Петроградского совета стал Лев Троцкий. Опираясь на этот совет, большевики подготовили всероссийский съезд советов и во время его созыва захватили власть в столице. Во время переворота они не имели большинства в советах. Однако неконтролируемые ими советы были просто проигнорированы.

Подлинный уровень популярности большевиков показали выборы в Учредительное собрание. За них проголосовали в России, как известно, 25%, а в Украине — 10% избирателей. Но это уже не имело никакого значения, ведь власть находилась в руках Ленина. В декабре 1917 года была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Всех, кто был не с ними, большевики объявили контрреволюционерами. Избиратели теперь должны были дисциплинированно голосовать за кандидатов в советские органы власти, которых им рекомендовали большевистские парткомы.

Октябрьский переворот большевиков осуществлялся под советскими, а не под коммунистическими лозунгами. Фактически ленинская партия прокралась к власти в чужой одежде. Укрепившись при влас-

ти и распространяя ее из столицы на периферию, большевики начали с весны 1918 года свою собственную революцию — коммунистическую. Поставленную задачу Ленин в мае 1918 года сформулировал так: «Нам нужно совсем по-новому организовать глубочайшие основы жизни сотен миллионов людей». Речь шла об объявлении крупного производства общенародной (а фактически — государственной) собственностью, о коллективизации (а на самом деле — огосударствлении) мелкого производства, о ликвидации товарно-денежных отношений и создании на руинах рыночной экономики централизованного планового хозяйства. Подобных революций мир не видел, но по методам исполнения это была типичная для России с петровских времен «реформа сверху».

3. «ИЗБАВИТЬСЯ ОТ КРЕСТЬЯНСТВА!»

В Русской революции бурлило множество политических сил, но все они разделились на два резко отличных друг от друга течения — демократическое и советское. Последнее только с большой натяжкой можно было назвать рабоче-крестьянским, потому что советы объединяли сравнительно небольшую часть рабочих и крестьян — озлобленные народные низы, готовые все экспроприировать и разделить. В революции победило стихийное и неорганизованное советское течение. Причина одна: в этом течении растворилась закаленная в подпольной борьбе, дисциплинированная и централизованная партия большевиков.

Победа советов обернулась для них немедленным поражением. На самом деле победила партия большевиков. Ее «растворение» в народных низах было только средством овладения советами. Сразу же после октябрьского переворота большевики начали сочетать в политике демагогию и популизм с государственным террором. Направленные против политических партий репрессии оказались репрессиями против всех депутатов советов, которые не относились к ленинской партии. В результате советы перестали быть самостоятельным фактором политической жизни. Практически одновременно, в январе 1918 года, правительство В. Ленина разогнало Учредительное собрание. Разгон символизировал поражение демократического течения в Русской революции.

После того как революция 1917 года исчерпала свой потенциал и вошла на нет, поле боя осталось за большевиками. Они немедленно на-

чали свою революцию, направленную против собственников и частной собственности. При помощи народных низов, которые легкомысленно считали, что продолжают свою революцию, партии Ленина удалось во время гражданской войны преодолеть сопротивление крупных собственников. Помощь крестьянства она получила, потому что расплатилась по векселям, выданным Лениным в августе 1917 года: помещичья собственность была распределена в России на уравнилельных основаниях. Но «государство-коммуна», построение которого большевики начали с весны 1918 года, было несовместимо с существованием десятков миллионов мелких собственников. И у большевиков сразу начались проблемы с крестьянами.

Не переводя дыхания, Ленин поставил в повестку дня вопрос об изменении социального статуса тех, кого пренебрежительно называл «мелкой буржуазией» — мелких производителей и земледельцев. Он вполне откровенно подчеркнул: «Главный вопрос революции состоит теперь в борьбе против этих двух последних классов. Чтобы освободиться от них, нужно применить другие методы, чем в борьбе против крупных землевладельцев и капиталистов» (Полное собрание сочинений, том 44, стр. 38). Следовательно, надо было найти другие методы, но все-таки «освободиться от них»...

В программе, которую одобрил партийный съезд в марте 1919 года, подчеркивалось, что большевики рассматривают организацию советских хозяйств и поддержку всяческих обществ для общественной обработки земли, вплоть до коммуны, как единственно возможный путь к абсолютно необходимому повышению производительности земледельческого труда. Однако «производительность труда» была элементом маскировки. На самом деле речь шла об установлении контроля государства над сельскохозяйственным производством.

Еще до принятия программы в январе 1919 года в Москве состоялся съезд земельных отделов, комитетов бедноты и коммун, который принял резолюцию «О коллективизации земледелия». Комментируя ее, газета «Правда» выразила надежду, что новые формы в своем развитии «неизбежно приведут к единой коммунистической организации всего сельского хозяйства».

Новый курс земельной политики Кремль начал осуществлять в только что завоеванной Украине, где еще сохранилось помещичье землевладение. Значительную часть помещичьих земель большевики передали не крестьянам, а сахарным и винокурным заводам и под организацию

совхозов, или желающим создавать коммуны. В ответ крестьяне поднялись на вооруженную борьбу с советской властью. Красная армия, которая в это время состояла преимущественно из крестьянских отрядов, утратила боеспособность. Белогвардейцы быстро оккупировали Украину, и А. Деникин пошел на Москву.

Преодолев впоследствии белогвардейскую угрозу, Ленин больше не возвращался к лозунгу немедленной коллективизации села. Чтобы накормить армию и города, советской власти приходилось осуществлять реквизиции продовольствия (продразверстку). Крестьяне отказывались сеять при таких условиях, и урожай следующего года ставился под угрозу. Отводя угрозу, Ленин решил довести до каждого крестьянского двора посевной план. VIII Всероссийский съезд советов в декабре 1920 года одобрил закон о создании сети посевных комитетов. «Уроками» на посев село возвращалось к временам крепостного права. Разница заключалась только в том, что место помещика-крепостника заняла «рабоче-крестьянская» власть.

Крестьянство не желало выдерживать груз продразверстки. В зимние месяцы 1920—1921 годов Украина и Центральная черноземная область России, где давление на крестьян со стороны государства было наибольшим, превратились в арену массовых восстаний. X съезд коммунистической партии, по предложению Ленина, вынужден был заменить реквизиционный принцип в отношениях между городом и селом налоговым. Этот первый шаг в отступлении от ускоренного строительства коммунизма вызвал за собой и другие. Государство отказалось от отмены денег, возобновило свободную торговлю сельскохозяйственной продукцией после уплаты продналога, разрешило частное предпринимательство. Крупная промышленность осталась в собственности государства, но между государственным бюджетом и бюджетом государственного предприятия вводилась искусственная перегородка — хозрасчет. Так за несколько месяцев созрела новая экономическая политика (нэп).

Переходя к нэпу, Ленин признал, что курс на ускоренное построение коммунистического строя оказался неоправданным. Не желая пятнать доктрину, он в марте 1921 года, то есть уже после перехода к нэпу, назвал коммунистические преобразования 1918—1920 годов «военным коммунизмом». Вынужденное осуждение коммунистического штурма, который принес населению столько невзгод, вождь подменил утверждением о том, что сам штурм вызван условиями войны. Вслед-

ствие этого военный коммунизм во всех советских энциклопедиях начали характеризовать как систему вызванных условиями гражданской войны и иностранной интервенции чрезвычайных социально-экономических мер временного характера.

Нэп не стоит переоценивать. Рынок, в котором оказались хозяйственные субъекты, был отрезан от мирового, то есть он был искусственным. Действительно рыночными были только отношения государства с крестьянскими хозяйствами, где сохранялась частная собственность на средства производства (кроме земли).

После разгрома оппозиции в политбюро ЦК ВКП(б) Сталин возобновил прекращенный Лениным в 1921 году коммунистический штурм. Он был необходим, чтобы создать социально-экономический фундамент для тоталитарного политического режима. Уроки провального ленинского штурма были учтены.

В городе среди рабочего класса глубина реформ была ограничена. В частности, сохранялось товарно-денежное обращение. Трестовский хозрасчет нэповского периода был превращен в более совершенный (в смысле — более подконтрольный государству) хозрасчет предприятий. Рабочий класс сохранил право на выбор места работы по собственному желанию. Все это в существенной мере облегчило Кремлю задачу держать сплоченные рабочие коллективы под своим контролем. Руководители государственной партии даже добились сотрудничества с рабочими в создании крупной промышленности, прежде всего предприятий военно-промышленного комплекса и их инфраструктуры. Об этом свидетельствовал неподдельный энтузиазм, с которым рабочие трудились на новостройках первых пятилеток.

Коммунистический штурм на селе оказалось намного более сложной задачей, чем в городе. Ведь здесь сохранялись реальные рыночные отношения. Рынок — это купля-продажа по взаимному согласию, а крестьяне не собирались добровольно отдавать государству инициативу в определении цен на сельскохозяйственную продукцию. Когда установленная цена казалась им невыгодной, они отказывались продавать хлеб. Это вызывало хлебозаготовительные кризисы.

Со своей стороны, государство стремилось профинансировать огромную программу индустриализации за счет села. Других финансовых ресурсов у него просто не было. Отказ от признания долгов царского и Временного правительств лишил его возможности пользоваться долгосрочным кредитом в странах Запада.

Необходимое для новостроек оборудование покупалось за счет вексельного кредита.

Изъятие максимально больших ресурсов из села могло быть гарантировано только одним: крестьянин должен превратиться из хозяина-собственника, который самостоятельно решал, как распоряжаться своей продукцией, в наемную рабочую силу в коллективных хозяйствах, постоянно находящихся под контролем советских и партийных органов. Государство должно было лишить крестьянина его собственности, уравнивать его по социальному статусу с городским пролетарием. Сделать это без колоссального силового давления, как показывал опыт коллективизации 1919 года, было невозможно.

Следовательно, сплошная коллективизация сельского хозяйства непременно должна была сопровождаться репрессиями. В свою очередь, репрессии вызвали сопротивление крестьянства. Так создавался замкнутый круг. В такой ситуации «рабоче-крестьянское» государство должно было использовать против крестьянства любые доступные ему формы репрессий. Принимать решение о том, какие именно репрессии применить, мог один человек, который захватил власть в государственной партии и соответственно — в самом государстве.

Мы подошли к пониманию того, что коллективизацию сельского хозяйства нельзя было осуществить без репрессий. Почему Сталин избрал самую ужасающую форму репрессий — террор голодом, на какой территории и когда эти репрессии применялись, — с этими вопросами нужно разобратся.

17 ноября 2005 года

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЕНОЦИДА

Чтобы обнаружить причины террора голодом, его нужно анализировать в контексте коммунистической революции, которая проводилась большевиками. Эта «революция сверху» резко меняла привычные формы жизни общества. Изменения вызвали сопротивление, а сопротивление — репрессии со стороны государства.

Коммунистическая революция заняла два полных десятилетия — от 1918 до 1938 года. В ней выделяются два штурмовых периода — ленинский (1918—1920) и сталинский (1929—1932). Во время ленинского штурма удар направлялся против помещиков и буржуазии. Ликвидация крупных собственников советской властью осуществлялась при полной поддержке народных низов. Благодаря этому создавалась иллюзия целостности революционного процесса.

Ленинский штурм заложил только костяк «государства-коммуны». Попытка распространить социально-экономические преобразования на мелких собственников потерпела неудачу. Натолкнувшись в селе на сопротивление, которое угрожало потерей власти, В. Ленин ввел новую экономическую политику и оставил многомиллионное крестьянство вне «государства-коммуны».

После длительной подготовки коммунистический штурм был возобновлен Сталиным. Характер и глубина репрессий во время сталинского штурма отличались во времени и по регионам. В регионах с наивысшим сопротивлением Сталин применил наиболее ужасающую форму репрессий — террор голодом. Результатом такого террора стал Голодомор.

1. ЦЕЛЬ И ВЕКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Пропагандистский имидж коммунизма известен всем: общество, в котором люди пользуются материальными и духовными благами по потребностям. Но подлинная суть советского коммунизма, который назывался социализмом, потому что не мог предложить благ по потребностям, определялась отношениями собственности, а не распределения.

Никто из большевистских вождей не ставил целью проложить в стране молочные реки с кисельными берегами. Целью их была ликвидация частной собственности на средства производства, замена ее, выражаясь языком пропаганды, «общенародной» или «колхозно-кооперативной» формами собственности. На самом же деле частную собственность должна была заменить собственность советского государства.

У этого государства еще не было адекватного ему экономического фундамента. Оно лишило людей политической свободы, но не смогло поработить их экономически. Коммунистическая партия в гражданской войне преодолела сопротивление крупных собственников, но экспроприруемая собственность буржуазии и помещиков была использована по-разному.

Большевистские вожди заклеили как «анархо-синдикализм» попытки рабочих коллективов приватизировать предприятия. Фабрики и заводы были объявлены общенародной собственностью и перешли в распоряжение государства. Государство назвало рабочий класс гегемоном революции и дало ему, надо признать, широкие права в управлении производством. Но оно стало вершителем его судьбы. Рабочий класс остался пролетариатом.

Земля также была объявлена общенародной собственностью. Но крестьяне помешали превращению помещичьих имений в государственные предприятия и приватизировали их на уравнительных основаниях. Первые социально-экономические преобразования советской власти не приблизили, а отдалили крестьян от «государства-коммуны». Пока они оставались экономически независимыми, власть имущие в Кремле не могли реализовать поставленных целей.

Мы не поймем причин проявленного властью фанатизма в попытках коллективизировать крестьянство, если не ответим на вопрос, каковы были долговременные цели Кремля.

В «Апрельских тезисах» долговременными целями В. Ленин назвал создание «государства-коммуны» и Коммунистического интернационала.

После завоевания власти началась вакханалия «экспроприации экспроприаторов», но большевики наладили строжайший учет конфискуемых ценностей — золота, алмазов, валюты. Потом ленинские эмиссары разбежались по Европе с чемоданами этого добра, чтобы создать местную сеть Коминтерна.

Когда закончилась мировая война, в Европе прошла масштабная демобилизация. Тем временем в советской России продолжалась война, и численность Красной армии постоянно росла, достигнув в 1920 году 5-миллионной отметки. Большевикам казалось, что наступило время войти в Европу. «Мы должны штыками пощупать — не созрела ли социальная революция пролетариата в Польше?» — говорил Ленин на IX Всероссийской партконференции в сентябре 1920 года. Не вышло... Вследствие крестьянского сопротивления продовольственной разверстке и неграмотных шагов в налаживании управления национализированной промышленностью экономика впала в кому. В советских учебниках это явление называли хозяйственной разрухой, вызванной империалистической и гражданской войнами.

После провала попыток установить советскую власть в Венгрии, Германии и Польше вожди партии поняли, что ожидается длительный период мирного развития. Следовало создавать промышленность, которая не уступала бы промышленности великих держав Европы, дабы заменить примитивный штык танками и самолетами. В 1920 году Ленин инициировал разработку и утверждение государственного плана электрификации России (ГОЭЛРО), то есть восстановления и строительства промышленности и транспорта, основанных на наиболее современной энергетической базе — электричестве. План ГОЭЛРО провалился из-за отсутствия средств, но впоследствии были разработаны сталинские пятилетки, которые требовали еще больших ресурсов.

Долгое время нам рассказывали, что В. Ленин имел детально разработанный план коммунистического строительства, который последовательно воплощался в жизнь. В действительности же такого плана не существовало. В 1921 году Ленин прекратил втягивать крестьянство в коммунистический эксперимент, как ему тогда казалось — временно. В 1923 году он написал свою знаменитую статью «О кооперации», в которой он в замаскированной форме предложил отказаться от коллективизации крестьянских хозяйств и построить отношения между городом и деревней на принципах «кооперативного социализма». В отличие от колхозов всех форм — коммун, артелей и товари-

ществ совместной обработки земли (которые различались степенью коллективизации собственности), сельскохозяйственная кооперация оставляла всю собственность в руках крестьянина. Такая кооперация успешно развивалась и до революции, крестьяне с энтузиазмом включались в нее. Предложение создать «строй цивилизованных кооператоров», которое было высказано в этой статье Ленина, противоречило всем его прежним требованиям провести коллективизацию крестьянских хозяйств. «Кооперативный социализм» не вписывался в курс на создание «государства-коммуны», и поэтому вождь партии продиктовал стенографистке (в этой же статье) знаменательную фразу: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм».

Можно сделать вывод, что на пороге смерти Ленин понял страшную цену социально-экономических преобразований коммунистического типа в мелкокрестьянской стране.

Однако компартийно-советская номенклатура не собиралась отказываться от неограниченной власти над обществом и сплотилась вокруг Сталина. Новый вождь преодолел оппозицию Николая Бухарина и его единомышленников, после чего повел партию прежним ленинским курсом. Сталин сакрализировал статью «О кооперации», но растолковал кооперативное строительство как начальный этап коллективизации крестьянских хозяйств. В теоретическом арсенале большевиков появился оксимогон — удивительное соединение несоединяемых понятий: «колхозно-кооперативная форма собственности».

На XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 года был утвержден курс на индустриализацию страны. Сразу возникла проблема средств на капитальное строительство. «Всесоюзный староста» М. Калинин заявил: нужно снять с себя последнюю рубаху, чтобы построить Днепрогэс!

«Последнюю рубаху» собирались снять с крестьян. Государство не могло заставить крестьян-собственников продавать ему хлеб по невыгодным ценам, и поэтому взяло курс на уничтожение этой категории производителей. Превращение их в колхозников решало проблему. Колхозники, так же, как рабочие, не имели отношения к реализации продукции, которую производили. У подконтрольных государству колхозников можно было забирать хлеб по любым ценам.

Если наложить вектор коммунистических преобразований на вектор нормального развития, то возникает интересная картина. Осуществляемая в рамках первого коммунистического штурма попытка на-

саждения коммун в украинском селе провалилась, и Ленин вынужден был поставить выполнение программы индустриализации страны в постоянную зависимость от реквизиций крестьянского хлеба. Одобренный VIII Всероссийским съездом советов в декабре 1920 года план ГОЭЛРО должен был выполняться за счет продразверстки. Надеясь на то, что советская власть сможет создать хлебный фонд в 300 млн. пудов, Ленин на съезде заметил, что без такого фонда невозможно подходить к задачам электрификации России. Этот съезд одобрил также законопроект «О мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства». Каждое крестьянское хозяйство должно было получать обязательное задание по засеву полей. Ленин заявил на съезде: «Сущность законопроекта в том, чтобы сейчас прийти к практическим мерам помощи крестьянскому единоличному хозяйству, которое преобладает, такой помощи, которая состояла бы не только в поощрении, но и в принуждении».

Результаты трех лет индустриализации (1926—1928) не удовлетворили Кремль. Утверждая наиболее напряженный по темпам вариант первого пятилетнего плана, Сталин одновременно начал сплошную коллективизацию сельского хозяйства. Колхозы обеспечивали несравненно большее изъятие создаваемого в сельском хозяйстве национального дохода, чем могли дать прямые и косвенные налоги с хозяйств экономически независимых от государства крестьян-собственников.

Вектор общественно-политического развития в странах Европы направлялся от феодально-крепостнических форм организации труда к рыночным, которые обеспечивали демократическое построение общества. Вектор коммунистической организации труда, несмотря на все заявления о социальной справедливости и высшем типе демократизма по сравнению с буржуазным, направлялся в противоположном направлении — к принудительному труду.

2. «ЛИКВИДАЦИЯ КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА»

Капитальное строительство в промышленности согласовывалось с наличными ресурсами только в первый год индустриализации. В дальнейшем его объемы увеличивались за счет ввода в оборот денег, не обеспеченных товарами. Шаткое рыночное равновесие, которое было достижением восстановительного периода, нарушилось. В стране, где «командные высоты» экономики контролировались государством, цены оставались более или менее стабильными. Рыночное

неравновесие проявлялось в форме товарного дефицита. Промтовары сразу исчезали из продажи, потому что спрос превышал предложение. Попытки государства сдерживать инфляционный рост цен на сельскохозяйственные товары приводили к тому, что крестьяне отказывались везти их на рынок.

Эти явления получили в советской историографии название «кризиса нэпа». Мол, новая экономическая политика уже исчерпала заложенные в ней возможности, правительство закономерно переходило к политике индустриализации и связанной с нею сплошной коллективизации сельского хозяйства. Фактически же «кризис нэпа», который в наибольшей степени проявлялся как хлебозаготовительный кризис, был следствием просчитанной политики руководителей государства, которые избрали своей генеральной линией курс на форсированную индустриализацию. Дефицит хлеба помогал компартийным комитетам готовить общественную поддержку для уже запланированного погрома крестьян-собственников.

Компартийные комитеты актуализировали проблему «кулацкой опасности». После завершения уравнительного раздела земли понятие «кулак» перестало употребляться в законодательстве и в пропаганде. Как оказалось, ненадолго. Для проведения коллективизации следовало расколоть крестьянство по имущественному (а в пропаганде — по социально-классовому) признаку, противопоставить бедняков и середняков бедняцкого происхождения зажиточной верхушке крестьянства.

В январе 1928 года Сталин выехал в Сибирь (как и все другие члены политбюро ЦК — для усиления хлебозаготовок в регионах). Выступая перед партработниками, он изложил такую программу их действий: потребовать от кулаков немедленной сдачи всех излишков хлеба по государственным ценам; в случае отказа — применить чрезвычайные меры и конфисковать излишки. Понуждение крестьян «сдавать излишки» по низким государственным ценам создавало ситуацию хлебозаготовительного кризиса. В провале хлебозаготовок обвинялось не все крестьянство, а только «кулаки». Крестьяне не желали продавать хлеб по заниженным ценам, а Сталин говорил о кулаках, которые не хотели сдавать хлеб. «Продавать» и «сдавать» — это лексика разных эпох и разных экономических политик.

В ситуации искусственно созданного кризиса хлебозаготовок становилось возможным осуществить экспроприацию крестьянской собственности под прикрытием коллективизации. К слову, причинно-след-

ственную связь между этими государственными акциями в минуту откровенности подтвердил нарком торговли СССР Анастас Микоян. В июне 1929 года он заявил в Москве: «Я боюсь, что мое заявление будет сочтено еретическим, но убежден, что если бы не было хлебных затруднений, вопрос о мощных колхозах и машинно-тракторных станциях не был бы именно сейчас поставлен с такой мощью, размахом и широтой».

В напечатанной 7 ноября 1929 года статье «Год великого перелома» Сталин утверждал, что в колхозы крестьяне пошли «целыми селами, волостями, районами, даже округами». Это был блеф, но он сыграл свою роль. У местных начальников создавалось впечатление отставания от соседей, ведь сами они имели жалкий процент коллективизации. Пленум ЦК создал комиссию под руководством наркома земледелия СССР Я. Яковлева, которая рекомендовала перейти в районах сплошной коллективизации к политике «ликвидации кулачества как класса».

В этой формулировке, а также в тезисе о кулачестве как последнем и наиболее многочисленном эксплуататорском классе, которые вскоре начали пропагандироваться в советских газетах, полностью игнорировались социальные результаты «черного передела», который в Украине был проведен в 1920—1923 годах. Впервые этот вывод комиссии Яковлева прозвучал в речи Сталина на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 года.

Кого считать кулаком? Что делать с кулаками, кому и в какие сроки? На эти вопросы давало ответ постановление политбюро ЦК ВКП(б), принятое по рекомендациям специальной комиссии под председательством В. Молотова 30 января 1930 года.

С целью предупреждения сопротивления сплошной коллективизации чекисты должны были разделить богатую часть крестьянства на три категории — кулацкий актив (подлежал заключению в концлагерь или немедленной физической ликвидации), другие элементы кулацкого актива (подлежали высылке в отдаленные местности), всех других кулаков (после конфискации основной части средств производства им разрешалось селиться за пределами колхозных массивов). Число ликвидированных хозяйств трех категорий должно было составлять от 3 до 5 процентов общего количества хозяйств.

За четыре месяца, с февраля по май, подлежали аресту 60 тыс. человек (в том числе по Украине — 15 тыс.), а выселению — 150 тыс. человек (в том числе по Украине — от 30 до 35 тыс.). Количество хо-

зяйств третьей категории не определялось. Такими были стимулирующие средства для развертывания «колхозного движения» (по терминологии советских учебников).

Угроза раскулачивания действовала на крестьян парализующим образом. Одновременно она предоставляла неограниченную власть над земляками небольшой кучке местных начальников, которые составляли списки раскулачиваемых в определенном проценте к общему количеству жителей. Вместе взятое, это создавало в деревне ужасную ситуацию. Здесь невозможно оперировать конкретными фактами, но хотя бы один следует привести.

По сообщениям органов ГПУ, председатель Краснооктябрьского сельсовета Верхнетепловского района в Донецком крае Феодосий Нечаев «вечерами в нетрезвом состоянии вызывал в сельсовет женщин и насиловал их, предупреждая: «Если хоть словом кому-нибудь обмолвишься, то вместе с семьей зашлю на Север, как кулачку». Однажды Нечаев и счетовод сельсовета М. Гулевский пришли к единоличнику Степанищеву и начали требовать: «Ставь бутылку водки и жарь яичницу, иначе будет плохо». Потом Нечаев, угрожая Степанищеву отзывом зятя из армии, раскулачиванием и высылкой на Север, на глазах у отца изнасиловал дочь — жену красноармейца». В сообщении ГПУ указывалось: «Благодаря угрозам Нечаева дело не получило огласки».

3. «ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ»

Кремлевским вершителям крестьянской судьбы казалось, что они смогут провести коллективизацию по полной программе. Такой программой, как и в 1919 году, была коммуна. Учитывая предыдущий опыт, «подползание» к коммуне осуществлялось постепенно, через вовлечение крестьян сначала в низшие формы коллективов. Когда крестьянину удавалось навязать товарищество совместной обработки земли, с ним начинали работать в направлении изменения статуса тсоза на артельный. Крестьян, уже вовлеченных в артельную форму хозяйствования, толкали дальше — в коммуну.

Сталин не собирался ограничиваться даже коммунизацией, то есть полной ликвидацией частной собственности на средства производства. Он считал, что «колхозно-кооперативная» форма собственности должна перерасти в ближайшем будущем в государственную собственность. Колхозы должны были стать совхозами. В январе-феврале 1930 года

развернулись эксперименты с укрупнением новообразованных колхозов. На Херсонщине возник аграрно-индустриальный комбинат площадью в 160 тыс. гектаров.

Кампания раскулачивания лишала крестьян воли к сопротивлению и заставляла их включаться в «колхозное движение». Здесь инициаторы сплошной коллективизации все рассчитали правильно. Почему же в первые месяцы 1930 года руководители партии и государства вдруг почувствовали, что советская власть стоит на краю гибели?

Пока составлялись списки на раскулачивание, каждый крестьянин готов был написать заявление о вступлении в колхоз, чтобы спасти свое хозяйство. Когда оказалось, что от них требуют отдать в колхоз последнюю корову и даже мелкий скот и птицу, крестьяне начали отчаянно сопротивляться. Вооруженных выступлений наблюдалось не так много, потому что чекисты предусмотрительно выкачали из села все оружие, которое оставалось от военных времен. Но выступления против власти, несмотря на неорганизованность и стихийность, становились все более опасными.

26 февраля 1930 года в ЦК ВКП(б) пришла паническая телеграмма из Харькова от П. Любченко и Г. Петровского. Украинские руководители сообщали о массовых волнениях в пограничном Плужнянском районе. В следующие дни подобные сообщения начали поступать из других регионов, но Сталина особенно взволновало положение на украинско-польском пограничье. Опросом 28 февраля в протокол заседания политбюро ЦК от 5 марта было внесено решение об уточнении Примерного устава сельскохозяйственной артели. Новую редакцию устава требовалось напечатать в газетах 2 марта, одновременно с разъяснительной статьей Сталина.

Новая редакция устава четко формулировала, в отличие от старой, что именно нужно обобществлять при образовании колхоза. Колхозникам предоставлялось право держать корову, мелкий скот и приусадебный участок. В статье Сталина «Головокружение от успехов» без всяких оговорок утверждалось: «Артель является основным звеном колхозного движения». При этом насаждение колхозов силой Сталин называл нарушением партийных директив.

Надо взвесить, от чего Сталин декларировал отказ. Основным звеном организации сельскохозяйственного труда становилась артельная форма колхозов. Хотя в последующие десятилетия никогда не упоминалось о наличии частной собственности в руках колхозника (приусадебный участ-

ток, корова, мелкий скот и птица), эта собственность функционировала под названием личной, а «нелегальным» считался только термин «частная собственность».

Вместо коммуны в деревне утверждалась крестьянская артель — «двуликий Янус». Одним обликом она обращалась к экономике, которая работала по директивному плану, а другим — к рыночной экономике, то есть к живому производству, которое существовало благодаря естественной заинтересованности производителя. Артельная форма колхоза требовала образования свободного рынка, на котором цены формировались по закону спроса и предложения. Она требовала наличия товарно-денежных отношений, причем не только в ограниченной сфере сельскохозяйственного производства, но и во всей экономике.

В своей знаменитой статье Сталин объявил курс на коммунизацию крестьянства левацким искажением линии партии и обвинил в этом местных работников. Однако для посторонних наблюдателей было ясно, что коммунизация была линией Кремля, и эта линия базировалась на определенных теоретических представлениях. В реферате о советской аграрной политике, который в начале 1934 года подготовило польское посольство в Москве, читаем: «В первой, горячечной фазе коллективизации частная собственность запрещалась почти полностью, что проявилось в форсировании объединений типа коммун с общим жильем, кухнями и коллективизированным скотом, даже мелким. Постепенно отступая от этой теоретической концепции, крестьянам возвращали собственность на дома, огороды, мелкий скот, и, наконец, на коров».

Польские аналитики слишком оптимистично оценивали способность руководителей советского государства отойти от коммунистической концепции, на которой базировалась идея сплошной коллективизации. Сначала отступление к артели считалось временным. В резолюции XVI съезда ВКП(б), который работал в июне-июле 1930 года, подчеркивалось, что на данной стадии основной формой колхоза является сельскохозяйственная артель, но высказывалось предположение о том, что «колхозное движение может подниматься к высшей форме — к коммуне — в соответствии с повышением технической базы, ростом колхозных кадров и культурного уровня колхозников». Однако Сталин больше не решался посягнуть на приусадебный участок, хотя случалось, облагал налогами произведенную на нем продукцию. До конца жизни генсек был убежден, что действовавшая программа РКП(б) 1919 года

рано или поздно будет реализована полностью. «Чтобы поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, — писал он в 1952 году, — надо исключить излишки колхозного производства из системы товарного обращения и ввести их в систему продуктообмена между государственной промышленностью и колхозами».

Рыночное обличье колхозного строя смягчало диспропорции советской экономики, которые были органически свойственны плановому регулированию. Оно сигнализировало плановикам, где и когда нужно принять меры, во избежание трудностей с реализацией продукции, «отовариванием» денежной заработной платы и тому подобное. Рядом со свободным выбором места труда, которое было предоставлено рабочему классу без усилий со стороны последнего, крестьяне в 1930 году отвоевали себе приусадебный участок с коровой и мелким скотом. Эти два инородных для коммунистической экономики элемента сделали возможным ее длительное функционирование. Она всегда оставалась неэффективной, но давала возможность Кремлю использовать колоссальный мобилизационный ресурс, которым владела в силу самой своей природы.

4. КРИЗИС КОЛХОЗНОГО СТРОЯ

Советская историография признавала наличие кризиса колхозного строя в 1930—1932 годах и вызванных им «продовольственных затруднений». Считалось, что кризис был порожден неумением колхозников работать коллективно. Со временем, мол, все наладилось, партия и правительство осуществили организационно-хозяйственное укрепление колхозов и колхозный строй вышел из кризиса.

Эти утверждения якобы подтверждались правительственными декларациями и постановлениями. В марте 1930 года Кремль отказался от насаждения коммун под видом артелей. В апреле 1930 года правительство приняло закон о хлебозаготовках: колхозы должны сдавать государству от трети до четверти валового сбора. Основная часть урожая подлежала распределению по трудодням. В мае 1932 года была разрешена колхозная торговля по ценам, которые формировались на рынке.

Действительность, однако, оказалась другой. В хлебопроизводящих регионах государство фактически восстановило продразверстку времен гражданской войны. Три года подряд у колхозов забирали почти весь урожай, обрекая колхозников на голодание. В хлебопотребляющих регионах государство снизило поставку хлебом и лишило продовольственных

карточек целые категории населения, что также привело к голоданию. Куда девался хлеб?

В 1929 году в мире вспыхнул невиданный по глубине экономический кризис, который назвали Великой депрессией. В условиях кризиса упали цены на промышленное оборудование. Советские внешнеторговые организации с энтузиазмом скупали за валюту все подряд по низким ценам и на льготных условиях оплаты. Но оказалось, что цены на сельскохозяйственную продукцию упали еще больше. Долгосрочных ссуд никто не давал. Чтобы заработать валюту, приходилось продавать больше хлеба. Проволочка с поставками хлеба на экспорт угрожала большими неприятностями. Чтобы найти валюту для очередных платежей по векселям, советское правительство выставило на аукцион музейные сокровища.

Тем временем объем государственных хлебозаготовок существенно сократился. Крестьяне только имитировали труд на колхозных полях, потому что почти ничего не получали за произведенную продукцию. Кремль дал политическую оценку этой недобросовестности — кулацкий саботаж. С каждым годом хлебозаготовки становились все более жесткими. Осенью 1932 года Сталин образовал в основных хлебопроизводящих регионах чрезвычайные заготовительные комиссии. В Украине комиссию возглавил председатель Совнаркома СССР В. Молотов. На Северном Кавказе комиссия действовала под руководством секретаря ЦК ВКП(б) Л. Кагановича. В Поволжье председателем комиссии работал секретарь ЦК ВКП(б) П. Постышев. Результатом их деятельности стал голод во всех перечисленных регионах. Голод вспыхнул и в городах нечерноземной зоны, снятых с централизованного снабжения.

Мы знаем, что чрезвычайные комиссии в некоторых регионах или в отдельных частях региона не ограничивались конфискацией наличного хлеба, включая и зерно для весеннего сева. Кое-где реквизировались все продовольственные запасы, накопленные крестьянами до нового урожая. Ясно, что конфискация продовольственных запасов выходила за рамки хлебозаготовительной кампании и была формой репрессии, направленной на причинение смерти от голода. Кого Сталин репрессировал таким образом? Был ли террор голодом и вызванный им Голодомор местью, или он имел какое-то другое смысловое наполнение?

НАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЕНОЦИДА

1. СТАЛИНСКИЙ ОСКАЛ

Сталин выглядел застегнутым на все пуговицы даже в ближайшем окружении. В государственных делах он считал необходимым держать дистанцию. Только в редкие моменты высшего волнения из-под его пера прорывались слова, которые давали представление о темных глубинах его души.

Почему Сталин иногда вынужден был собственноручно писать подчиненным? На южных курортах нельзя было иным способом обсуждать конфиденциальные вопросы с теми, кто оставался в Кремле «на хозяйстве». 11 августа 1932 года в письме Л. Кагановичу он выразил глубокое возмущение тем, что десятки райпарткомов в Киевской и Днепропетровской областях осмелились заявить о нереальности хлебозаготовительного плана. В связи с этим он заявил: «Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять. Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет, и его агентура на Украине во много раз сильнее, чем думает Реденс (Станислав Реденс — председатель ГПУ УССР с августа 1932 до февраля 1933 года. — Авт.) или Кошиор. Имейте также в виду, что в Украинской компартии (500 тысяч членов, хе-хе) обретается немало (да, немало!) гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец — прямых агентов Пилсудского. Как только дела станут хуже, эти элементы не замедлят открыть фронт внутри (и вне) партии, против партии. Самое плохое это то, что украинская верхушка не видит этих опасностей. Так дальше продолжаться не может».

Следует обратить особое внимание на тревогу Сталина, который боялся «потерять Украину» и намерен был «исправить положение», пока «дела не стали хуже». Хозяин Кремля никогда не ждал, пока дела станут хуже. На протяжении 25 лет сталинской диктатуры использовались

различные формы репрессий, но все они имели одну общую черту: были превентивными. Сталин действовал на опережение, памятуя афоризм китайского мудреца Лао Цзы: «Наводить порядок нужно тогда, когда еще нет смуты».

2. НАЦИОНАЛЬНОСТЬ ИЛИ ГРАЖДАНСТВО?

Немецкий профессор Стефан Мерль в статье, опубликованной в российском журнале «Отечественная история» (1995, №1), заявил, что сам факт голода в Украине в 1932—1933 годах не доказывает наличия геноцида. Общее количество жертв голода для него также «не имело существенного значения». От такого утверждения жутко, но приходится списать его на недостатки правового определения термина «геноцид». Мерль советовал Р. Конквесту и его единомышленникам доказать на фактах, что украинцы погибали вследствие своей национальной принадлежности, что «голодный мор был вызван именно с таким умыслом».

Мерлю вторил российский профессор Виктор Кондрашин: «Голод равной мерой коснулся села с русским и нерусским населением и не имел «национальной специфики», то есть направленности против какого-нибудь одного народа».

Истина находится не на стороне Мерля и Кондрашина, и не на стороне ученых, которые отрицают высказанные ими утверждения. Полемика на поле, которое избрали для себя противники Р. Конквеста, обязательно заведет в тупик. Неверна навязываемая нам сама постановка вопроса.

Рассмотрим статистику. Статистика смертности в СССР существовала в национальном разрезе — отдельно по городу и селу. Следует только обратить внимание на то, что органы ЗАГС, во-первых, зарегистрировали в Украине в 1933 году от трети до половины реальных смертных случаев, и, во-вторых, что смерть от голода в этой статистике отдельно не выделена. Статистика фиксирует ненормально высокую смертность в сельской местности и одинаковый уровень смертности на селе в национальных группах, если сопоставить количество умерших с количеством всего сельского населения данной группы. Это значит, что люди умирали в Украине по месту проживания, а не по признаку национальности. От голода пострадала сельская местность, а по социальному признаку — крестьянство.

Другую картину дает сопоставление официальной статистики смертности по регионам. В 1933 году смертность превышала рождаемость в

семи регионах Европейской части СССР. Наибольшее превышение наблюдалось в регионах, где действовали чрезвычайные хлебозаготовительные комиссии: УССР (1459 тыс. человек), Северо-Кавказский край (291 тыс.), два края Поволжья (178 тыс. человек). В Центрально-Черноземной области количество умерших было на 62 тыс. больше, чем родившихся, в Уральской области — на 35 тыс., в Северном крае — на 5 тыс. В хлебопотребляющих регионах повышенная смертность наблюдалась в городах, где людей снимали с государственного продовольственного снабжения.

Сопоставлять Украину и Северо-Кавказский край мы не можем. Среди округов края есть сильно пострадавший от голода Кубанский округ, население которого на две трети состояло из украинцев (согласно переписи 1926 года). Другие округа пострадали существенно меньше, вследствие чего суммарные показатели смертности выглядят не так ужасно, как в Украине.

Сопоставить можно Украину и Поволжье, причем не только по официальной статистике 1933 года, которая не дает полной картины смертности, но и по расчетам прямых потерь от голода, опирающихся на анализ переписей населения 1926 и 1937 годов и демографической статистики между двумя переписями. Украина и Поволжье несопоставимы по количеству населения, но сопоставимы по территории. Территория Украины до 1939 года составляла 450 тыс. кв. км, а Поволжье — 435 тыс. кв. км. Согласно подсчетам В. Кондрашина, в Поволжье умерли от голода 366 тыс. человек. Согласно моим подсчетам, в Украине прямые потери от голода составляли 3 238 тыс. человек, то есть на порядок выше.

В 1933 году люди гибли от голода во многих регионах, но голодный мор с огромным количеством жертв наблюдался только в двух политико-административных образованиях, где украинцы составляли более двух третей от общего количества населения — в УССР и в Кубанском округе Северо-Кавказского края.

Следовательно, Голодомор вспыхнул среди украинцев, а точнее — украинских крестьян в Украине и в России. Такое уточнение нужно, и мы не должны дискутировать с С. Мерлем или с В. Кондрашиным на навязываемых условиях. Мы никогда не докажем внукам граждан Украины, умерших от голода, и тем более — мировой общественности, что люди гибли в СССР в 1933 году вследствие своей национальной принадлежности. То есть так, как армяне в Османской империи в 1915

году или евреи в странах Европы, оккупированных гитлеровским рейхом. Доказывать это нет необходимости, потому что механизм советского геноцида другой. Примененный Сталиным террор голодом в Украине и на Кубани был геноцидом украинских граждан, а не украинцев. Сталин имел основания опасаться граждан УССР.

3. КРЕМЛЬ И ГРАЖДАНЕ УКРАИНЫ

Чтобы понять, почему Сталин боялся «потерять Украину», нужно обратиться в сути украинского гражданства и национальной советской государственности. Но не той государственности, которую помнят современные поколения, а той, какой она была до Голодомора.

В процитированном письме Сталин сообщал Кагановичу, что хочет сделать его генеральным секретарем ЦК КП(б)У вместо Станислава Косиора. Каганович, уже занимавший эту должность в 1925—1928 годах, учтиво ответил: «Мне, конечно, легче будет приступить к делу прямо, ибо знаю страну, экономику и людей». В отличие от нас, Каганович называл Украину страной. Все, кто прошел через 1933-й и 1937-й годы, и тем более — все, кто родился позже, «страной» называли уже Советский Союз. Украину они привыкли называть республикой...

Ранее мы пришли к выводу, что симбиоз компартийной диктатуры с властью советских органов предоставлял Кремлю возможность упаковывать тоталитарный режим в одеяния «народовластия». Теперь следует отметить, что двойная природа советской государственности позволяла представлять жестко централизованное «государство-коммуна» в обманчивом виде страны без названия, состоявшей из девяти внешне независимых советских государств. Тем самым национально-освободительное движение угнетенных народов подрывалось изнутри. После гражданской войны возникла идея превратить «независимые» государства в автономные республики Российской Федерации, но вождь советской Украины Христиан Раковский запротестовал. В. Ленин по-дружески назвал его «незалежником», но учел настроения периферийных компартийно-советских руководителей, не желавших уменьшения полномочий, и предложил надстроить в советской федерации еще один этаж. Все «независимые» национальные государства наравне с Россией должны были войти в новое государственное образование — Советский Союз. Граждане каждой союзной республики получали конституционное право на выход из СССР. «Государство-коммуна»

скреплялось лишь диктатурой коммунистической партии. Как раз партия и должна была следить, чтобы у граждан союзных республик не появлялись опасные желания.

Сразу после образования СССР главной линией национальной политики Кремля стала коренизация. Ее украинскую разновидность назвали украинизацией. Целью такой политики было укоренение советской власти. Но существовал побочный эффект. Преследуемый ранее собственный язык украинцы услышали в школах и учреждениях культуры. В Украине началось национальное возрождение.

По экономическому и человеческому потенциалу УССР равнялась всем другим национальным республикам, вместе взятым. Поэтому она пользовалась повышенным вниманием конкурирующих политических деятелей в политбюро ЦК ВКП(б). «Лучшим другом» Украины стал Сталин, который смог посадить на самую высокую должность в этой республике своего подручного Кагановича. Пользуясь поддержкой Кагановича и Сталина, нарком образования Николай Скрыпник выжимал из политики коренизации максимум возможного. В 1927 году он публично заявил, что УССР «является Пьемонтом для всего украинского народа на всей этнографической территории Украины». Речь шла не только о западноукраинских землях в составе других государств. Перепись 1926 года показала, что почти 8 млн. украинцев проживали в Российской Федерации.

Пока Сталин боролся за власть, он не обращал внимания на такие заявления. Но двумя постановлениями ЦК ВКП(б) и РНК СССР, от 14 и 15 декабря 1932 года, украинизация за границами УССР объявлялась «петлюровской». На Северном Кавказе, где украинизация охватила почти половину районов, все учреждения, школы и пресса были немедленно переведены на русский язык как «более понятный» для населения. Кубанцам и украинцам в других округах края было приказано считать себя русскими. По итогам всесоюзной переписи 1939 года, 86,8 процента населения Краснодарского края было уже зарегистрировано как русские. Только 150 тыс. граждан (4,7 процента), которые прибыли в край в 30-х годах, могли заявить, что они украинцы.

С одной стороны, советская национальная государственность была большим пропагандистским достижением для руководителей государственной партии. С другой стороны, власть предрежащие в Кремле не доверяли в Украине даже собственной партии (вспомним злб-

ное сталинское «хе-хе»). В Кремле не забывали, что в 1917—1919 годах Украину пришлось завоевывать трижды. Не забывали также о единственном случае неповиновения в почти столетней истории партии, которая была от рождения парализована принципом «демократического централизма»: IV Всеукраинская партконференция весной 1920 года забаллотировала рекомендованный Лениным список членов ЦК КП(б)У и избрала своих руководителей по собственному желанию.

Несмотря на газетную шумиху по поводу успехов первой пятилетки, экономическое положение СССР неумолимо ухудшалось. Сталин понимал, что кризис может ослабить железную хватку Кремля («как только дела станут хуже...»). При этих условиях харьковская компартийно-советская номенклатура могла бы превратиться из красной в желто-голубую и использовать пограничное положение Украины и свои конституционные права, чтобы отделиться от Москвы. Выдающийся украинский историк Иван Лысяк-Рудницкий еще при жизни Сталина (в 1950 году) опубликовал в западноберлинском журнале статью «Против России или против советской системы?». В ней содержался прогноз, осуществившийся лишь во время развала советской империи в 1989 и в 1991 годах: «Отмена коммунистического уклада в современных советских «союзных республиках», как и в сателитных государствах, представляла бы собой никак не болезненный переворот, а, наоборот, радостный и естественный поворот к собственной национальной индивидуальности».

Как раз для того, чтобы предупредить такой поворот, Сталин на длительный период превратил Украину в эпицентр репрессий. «Без крестьянской армии не бывает и не может быть мощного национального движения», — убежденно писал он в 1925 году. Изучая опыт Украинской революции 1917—1920 годов, с этим утверждением вполне можно согласиться. Но сплошная коллективизация крестьянских хозяйств подорвала базу освободительного движения во всех национальных республиках, а примененный против УССР и Кубани террор голодом ликвидировал потенциальную угрозу Кремлю со стороны наиболее мощной республики.

Справившись с крестьянским вопросом, который был, по мнению Сталина, вопросом национальным, диктатор немедленно переключил внимание на украинскую интеллигенцию — компартийную и внепартийную. Под его диктовку объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б)У в

ноябре 1933 года принял тезис о националистическом уклоне как об основной опасности в партии и в государстве. XVII съезд ВКП(б) в январе 1934 года подтвердил и развил этот тезис. Самое масштабное истребление украинской интеллигенции развернулось после самоубийства в июле 1933 года затравленного Скрипника.

В трагичные для Украины годы (1932—1938) в концлагеря и тюрьмы попали большинство деятелей украинской культуры, в том числе уже новой генерации рабоче-крестьянского происхождения. Жертвами чекистов стали практически все, кто участвовал в Украинской революции 1917—1920 годов. Одновременно Сталин начал «чистить» собственную креатуру в Украине. Из 62-х членов ЦК КП(б)У, избранных XIII съездом в июне 1937 года, 56 обвинили во вражеской деятельности. Из 11 членов политбюро ЦК КП(б)У были репрессированы 10.

4. ВОЗВРАЩАЯСЯ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ГЕНОЦИДА

Предыдущие тексты этой книги печатались в газете «День» (Киев) на украинском, русском и английском языках. Статьи имели общее название «Почему Сталин нас уничтожал?» и появлялись в газете каждый четверг в октябре и ноябре 2005 года. Я ставил целью убедить читателей в том, что Голодомор 1932—1933 годов в Украине нельзя рассматривать в отрыве от осуществлявшейся Кремлем политики коммунистического строительства.

Анализируя главные измерения этой политики — идеологическое, социально-экономическое и национальное, я сделал попытку включить события украинского Голодомора в общий контекст коммунистической революции 1918—1938 годов. Еще раз, в наиболее общем виде остановлюсь на сумме своих тезисов. Их можно свести к четырем пунктам.

1. Коммунистическая революция не имела ничего общего с двумя течениями Русской революции — советским и демократическим. Сформулированная Лениным в «Апрельских тезисах» идея о построении «государства-коммуны» противоречила интересам политических сил, которые принимали участие в революции. За исключением малочисленного клана профессиональных революционеров, она противоречила и интересам основной массы членов большевистской партии.

Рабоче-крестьянские низы, которые составляли эту массу, высказывались за уничтожение крупных собственников. Но большинство

рядовых членов партии имело самое приблизительное представление о коммунистической доктрине и не могло выступать против ликвидации частной собственности как таковой. Те из них, кто искренне увлекался коммунистической идеей в пропагандистской интерпретации вождей, не могли предусмотреть ни колоссальной силы сопротивления со стороны частных собственников в ходе их экспроприации, ни необходимости силовой поддержки жизнедеятельности общества, лишенного частной собственности и частного предпринимательства.

2. Коммунистические преобразования осуществлялись методами штурма в два этапа. Во время ленинского штурма 1918—1920 годов были уничтожены как класс крупные собственники, во время сталинского штурма 1929—1932 годов — мелкие собственники. Население страны оказалось не только в политической, но и в экономической зависимости от государства, руководители которого получили возможность использовать все человеческие и материальные ресурсы колоссальной страны для реализации цели, поставленной еще в «Апрельских тезисах» — достижения мирового господства (через Коммунистический интернационал).

3. После завершения второго коммунистического штурма Сталин произвел «зачистку территории». Во время Большого террора 1937—1938 годов он освободился от всех представителей нелояльной к власти интеллигенции — как старой, так и новой, рабоче-крестьянской, от недовольных террористическими методами государственного управления компартийно-советских руководителей и даже от чекистов, которые запятнали себя репрессиями.

4. Коммунистическая революция полностью изменила лицо страны. Советский Союз стал великой державой после успешного осуществления ориентированной на военные потребности индустриализации. Сталин начал с 1939 года новый этап в советской истории, а вместе с тем — и в мировой истории, когда заключил направленный против Польши и демократических стран Запада альянс с Гитлером.

Эти четыре пункта связывают как голод 1932—1933 годов в СССР, так и украинский Голодомор, который является частью этого голода, с целями, поставленными «революцией сверху». Сталин не стоял за ценой, добываясь перед большой европейской войной реализации в СССР коммунистической доктрины. Если для достижения такой цели надо

было уничтожить в показательных репрессиях миллионы людей, он их уничтожал. Имела ли в данном случае какое-то значение национальность уничтожаемых?

Каждый, кто попадал под колеса локомотива, который мчал «к сияющим вершинам коммунизма», имел свой пол, возраст, национальность, профессию. Все эти признаки были и у тех, кто стоял на локомотиве и следил за тем, чтобы он не сошел с рельс коммунистической доктрины. При таком сопоставлении жертв и палачей не имели значения ни национальность, ни принадлежность к определенному поколению, ни пол, ни профессия. Имела значение только позиция: на локомотиве или под ним. Поэтому очень показателен своими акцентами ответ киевского политолога, в прошлом диссидента Владимира Малинковича на вопрос корреспондента газеты «Сегодня» (Киев) о виновниках Голодомора в Украине. Корреспондент спросил: «Кто виноват в этом преступлении — коммунисты, Россия? Нужно ли запретить в связи с этим КПУ?»

Ответ был таким: «Виноват сталинский режим, в руководство которого входили и украинцы, и русские, и евреи, и поляки, и грузины... Национальность чиновников не играла никакой роли. Это была война тоталитарного государства против свободного крестьянства. Виновные в трагедии уже умерли, поэтому избежали наказания. К тому же они были пешками в большой игре жестко централизованной власти. Что касается запрета КПУ, то в этом нет необходимости, так как нынешние коммунисты к той трагедии не имели никакого отношения. Да и сама идея коммунизма здесь ни при чем — ведь речь идет о сталинском режиме, а Сталина не случайно многие авторитетные историки считают «победителем коммунизма». Иное дело, что нынешним коммунистам нужно было бы четко отмежеваться от преступлений Сталина».

Малинкович даже не ответил прямо на поставленный вопрос о вине России, поскольку для него совершенно очевиден интернациональный характер политического режима. Наоборот, для меня «пролетарский интернационализм» со всеми его производными, в том числе применительно к политическому режиму, это — пустой звук, а точнее — элемент лживой большевистской пропаганды. Вины России я тоже не признаю, но по другой и совершенно очевидной причине: большевистский режим был тоталитарным, то есть независимым от воли народов, судьбой которых распоряжался.

Удивляет, что В. Малинкович, как и многие его коллеги на Западе, отделяет сталинский режим от коммунистического. Природа компартийно-советского режима не изменялась от возникновения до конституционной реформы М. Горбачева. Мера терроризма или либерализма в этом режиме варьировалась в зависимости от внешних по отношению к нему условий, а не от качеств вождя. Во главе режима в эпоху И. Сталина не мог оказаться либерал Н. Бухарин, а в эпоху либерала М. Горбачева — Сталин. Современная Компартия Украины не имеет отношения к КП(б)У 30-х годов, а лишь за идеологию ее нельзя призвать к ответу. Тем более, что коммунистическая идеология, подобно христианской, пропагандирует вечные ценности. Иное дело, когда эта идеология начинала воплощаться в жизнь... Сталин совершал злодеяния не из-за любви к ним, а с целью добиться реализации коммунистической доктрины — столь удобной для него. Ведь на практике коммунистический строй означал, что на вершине пирамиды власти сосредоточивался контроль за всеми ресурсами страны.

Игнорирование этих очевидных обстоятельств препятствует В. Малинковичу увидеть положение дел в истинном свете. Поэтому виновники украинского Голодомора у него растворяются и исчезают, остаются только обезличенные, лишённые конкретной национальности жертвы. Фокусирование вины за Голодомор (а также за все другие преступления коммунистического режима) на фигуре Сталина выглядит абсолютно неубедительно.

Такой же неубедительной выглядит позиция В. Малинковича по юридической классификации этого преступления. В День памяти жертв Голодомора и политических репрессий, который в 2005 году пришелся на 26 ноября, президент В. Ющенко обратился к мировому сообществу с призывом признать это злодеяние Кремля геноцидом против украинского народа. Отвечая на вопрос корреспондента о целесообразности такого обращения, Малинкович заявил:

«Я против этого, так как для определения этой трагедии слово «геноцид» не подходит. Потому что Голодомор был направлен не против украинцев как этноса, а только против украинских крестьян. Как и против русских крестьян, казахских скотоводов, у которых забрали скот, обрекая их на голодную смерть. В этом преступлении принимали участие и этнические украинцы, сидевшие в руководстве КП(б)У, и бывшие сотрудники НКВД. Повторю: это была война многонациональ-

ного тоталитарного государства против многонационального же крестьянства СССР».

Сколько бы миллионов людей не погибло в Украине, называть их гибель геноцидом нельзя, так как украинцы гибли, по Малинковичу, от рук тех же украинцев. Мол, многонациональное государство уничтожало таких же многонациональных крестьян... Отсутствие факта полной гибели украинцев как этноса не позволяет ему квалифицировать эту гибель как геноцид. Факт гибели на одну четверть или на одну десятую не убеждает!

Однако сдержим эмоции и посмотрим на проблему с научной точки зрения. Следует принять во внимание, что позиция Малинковича совсем не учитывает специфики политического устройства Советского Союза как многонационального государства. Вершители его судьбы делали все возможное, чтобы Украина превратилась из страны в республику — наделенную вроде бы большими конституционными полномочиями, но на самом деле вполне подчиненную центру.

Не так трудно доказать, что наибольшая и расположенная на границе с Европой национальная республика была для руководителей евразийской державы политически опасной. Опасность сецессии вследствие волнений в самой Украине, или кризиса в центре, или появления обоих этих факторов одновременно была вполне реальной. В начале 30-х годов такой кризис в центре и на периферии уже назревал. Сталин, который всегда действовал на опережение, ликвидировал угрозу для своей власти при помощи террора голодом, направленного против украинского крестьянства, и индивидуального террора в среде украинской интеллигенции, который развернулся почти одновременно.

Факты свидетельствуют, что форма союза свободных и равноправных республик, которую приняла централизованная советская империя, сыграла с Украиной и украинцами злую шутку. Кремль вынужден был построить свое государство в такой именно форме, чтобы справиться с украинским освободительным движением не только с помощью силы, но и демагогией. Однако в Кремле всегда ощущали потенциальную опасность такой формы государственности. Кто скажет, что Сталин ошибался?

Террором 1933-го и 1937-го годов кремлевские олигархи отодвинули угрозу распада Советского Союза в далекое будущее. Однако в эпоху системного кризиса советского коммунизма эта опасность не толь-

ко снова проявилась, но и реализовалась. Сфокусирование государственного террора сталинской эпохи на гражданах Украины или на украинцах, которые могли бы стать гражданами Украины (речь идет о Кубани), отозвалось на ситуации, сложившейся через много десятилетий. На переломе 80—90-х годов инициаторами направленного против Кремля движения оказались не украинцы, а граждане Российской Федерации, то есть представители государственной нации. Декларацию о государственном суверенитете первым принял Верховный Совет РФ. Борис Ельцин не мыслит, конечно, категориями национально-освободительного движения. Он хладнокровно использовал заложенные в конституционном устройстве СССР возможности в своем противостоянии с компартийно-советским центром в Кремле.

Почти одновременно с В. Малинковичем в газете «День» выступил политолог Михаил Бежецкий. Сторонники концепции геноцида должны доказать, указывал он (как и Малинкович), что украинских крестьян уничтожали как этнических украинцев, а не крестьян или жителей определенной территории. Однако, в отличие от Малинковича, он не считал аксиомой закрепленное в Конвенции ООН от 9 декабря 1948 года политико-правовое содержание понятия «геноцид». Его выводы сводились к следующему:

1. Голодомор 1932—1933 годов является одним из наиболее страшных злодеяний в истории человечества.
2. На вопрос о том, подходит ли Голодомор под юридическое определение геноцида, нельзя однозначно ответить в связи с неконструктивностью этого понятия.
3. Чтобы мировое сообщество могло лучше противодействовать массовым уничтожениям людей, наподобие тех, которые происходили в XX столетии, надо закрепить в международном праве такое же весомое понятие, как геноцид, но более общее.

Верховная Рада и президент Украины уже обратились к международному сообществу с просьбой признать украинский Голодомор геноцидом. Бежецкий фактически предлагает, чтобы они отозвали свои обращения и удовлетворились другим вариантом квалификации сталинского преступления.

Альтернатива действительно существует. Это — понятие преступления против человечества или преступления против человечности (английское слово *humanity* имеет оба значения, вследствие чего термин в

русском языке остается нестабилизированным). В неявной форме это понятие было заложено во Вторую (1899 год) и в Четвертую (1907 год) Гаагские конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. В них провозглашалась необходимость придерживаться «законов человечности» в ходе вооруженных конфликтов. В явной форме понятие преступления против человечности впервые использовано в приговоре Нюрнбергского трибунала. Римский устав Международного криминального суда (2003 год) квалифицирует преступление против человечности как действия, связанные с сознательным нападением на гражданское население (в форме убийства, уничтожения, порабощения, депортаций, заключения в тюрьму и т.д.).

Все признаки преступления против человечности прослеживаются в событиях 1932—1933 годов. Понятно, однако, что любая другая квалификация террора голодом при наличии понятия «геноцид» не может нас удовлетворить.

Украинский народ следует воспринимать не только как этнос, но и как политическую нацию, а Украину — не как территорию, на которой живут украинцы, а как страну. Если так подходить к событиям 1932—1933 годов, то мы должны признать геноцидом террор голодом, примененный против украинцев в УССР и на Кубани под видом хлебозаготовок.

Такой квалификации не может препятствовать то обстоятельство, что конфискация продовольственных запасов, то есть террор голодом, применялся в УССР не только против украинцев. В равной мере мы признаем факты террора голодом, направленные не обязательно против украинцев и даже совсем не против украинцев в Северо-Кавказском крае и в Поволжье. Кремль применял террор, в том числе террор голодом, во всех политико-административных частях Советского Союза, где существовала особая политическая опасность для режима.

5. КАК ЭТО БЫЛО

Организовать смерть миллионов людей непросто. Это дело требовало опыта и десятков тысяч исполнителей. Отрицая сформулированный Дж. Мейсом вывод комиссии Конгресса США о голоде 1932—1933 годов в Украине, Ш. Мерль писал: «Изъятие зерна происходило, как правило, местными активистами украинской национальности. И этот факт, который с сожалением констатируется в докладе Конгресса, трудно сочетать с тезисом о геноциде».

Голодающий мальчик. 1933 год
Фото из книги «Famine in The Soviet Ukraine 1932—1933»
(Гарвардский университет, 1986 год)

Очередь возле магазина сети «Торгсина» в Киеве. 1933 год.
 Фото из книги «Famine in The Soviet Ukraine 1932—1933» (Гарвардский университет, 1986 год)

Крестьянка с детьми — беженцы из села. Киев, 1933 год.
 Фото из книги «Famine in The Soviet Ukraine 1932—1933» (Гарвардский университет, 1986 год)

Голодная девочка. 1933 год.
 Фото из книги «Famine in The Soviet Ukraine 1932–1933» (Гарвардский университет, 1986 год)

Умерший от голода.
 Фото из книги «Famine in The Soviet Ukraine 1932–1933» (Гарвардский университет, 1986 год)

Умерший от голода.
Фото из книги «Famine in The Soviet Ukraine 1932–1933» (Гарвардский университет, 1986 год)

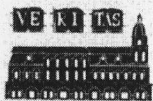

Обложка сборника, куда вошли интервью с очевидцами Голодомора в УССР и на Кубани.
Фото из книги «Famine in The Soviet Ukraine 1932–1933» (Гарвардский университет, 1986 год)

OLEXA WOROPAY
EDITED WITH AN INTRODUCTION BY
JAMES E. MACE

THE NINTH CIRCLE

IN COMMEMORATION
OF THE VICTIMS
OF THE FAMINE OF 1933

HARVARD UNIVERSITY
UKRAINIAN STUDIES FUND

Обложка книги Олексы Воропая «Девятый круг»
(Посвящается жертвам Голодомора 1933 года). Вышла под общей редакцией Джеймса Мейса в 1983 году).
Фото из книги «Famine in The Soviet Ukraine 1932–1933» (Гарвардский университет, 1986 год)

Иллюстрация Галины Мазепы к сборнику рассказов и новелл Николая Понедилка «Говорить лише поле...»
(Торонто, 1962 год).
Фото из книги «Famine in The Soviet Ukraine 1932–1933» (Гарвардский университет, 1986 год)

Книга Дмитрия Соловья «Голгота України: московсько-большевицький окупаційний терор в УРСР між першою та другою світовими війнами» (Вінніпег, 1953 год).
Фото из книги «Famine in The Soviet Ukraine 1932–1933» (Гарвардский университет, 1986 год)

«Український «Голокост», 1933» — так называлась книга Василя Гришка, изданная в Торонто в 1978 году.
Фото из книги «Famine in The Soviet Ukraine 1932–1933» (Гарвардский университет, 1986 год)

«50 Years Ago: The Famine Holocaust in Ukraine». Книга издана Всемирным конгрессом свободных украинцев в Нью-Йорке—Торонто в 1983 году.
 Фото из книги «Famine in The Soviet Ukraine 1932—1933» (Гарвардский университет, 1986 год)

Почему национальность непосредственных исполнителей должна иметь какое-то значение при определении меры ответственности за преступление? Суждение немецкого профессора страдает типичной абсолютизацией этничности. В равной мере не имеет значения национальность организаторов государственной акции, повлекшей за собой смерть миллионов людей. Кому придет в голову бросить тень на народы, из лона которых вышли грузин Сталин, еврей Каганович, русский Молотов, поляк Косиор?

Отбросив спекуляции на национальной принадлежности исполнителей и организаторов, которыми любят пользоваться крайние националисты, посмотрим, как был организован геноцид.

Чтобы провести в жизнь задуманную идею, Сталину надо было обозначить врага. Поэтому вполне естественное нежелание крестьян работать без оплаты на колхозных полях квалифицировалось как «кулацкий саботаж». Нежелание компартийно-советских работников выбивать хлеб у голодающих крестьян рассматривалось как «измена». В циркуляре от 13 декабря 1932 года к местным парторганизациям С. Косиор предлагал немедленно поднимать вопрос о лишении «изменников» партийных билетов с последующей ссылкой их на север, заключением на длительные сроки, расстрелом.

Косиоровский циркуляр был реакцией на отношение местных руководителей к инструкциям чрезвычайных хлебозаготовительных комиссий — Молотова в Украине и Кагановича на Кубани. Принятые к исполнению инструкции были продиктованы Сталиным и сводились к террору голодом.

2—4 ноября бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) рассмотрело вопрос «О ходе хлебозаготовок и сева по районам Кубани». 10 кубанских районов были посажены на «черную доску»: за короткое время из них вывезли все зерно и почти все продовольствие. 18 ноября под давлением Молотова было принято постановление ЦК КП(б)У, а 20 ноября — постановление СНК УССР, почти идентичные по содержанию и под одинаковым названием: «О мероприятиях по усилению хлебозаготовок». Основным пунктом украинских и кубанского постановлений было введение натуральных штрафов. Колхозам, колхозникам и единоличникам, задолжавшим хлеб государству, устанавливалось дополнительное задание по мясозаготовкам в размере 15-месячной нормы и по заготовкам картофеля в размере годичной или двухгодичной нормы. Свою позицию Сталин озвучил уже после принятия этих постановле-

ний. Выступая 27 ноября на объединенном заседании политбюро ЦК и президиума ЦКК ВКП(б), он заявил, что Украина и Кубань скрывают зерно в ямах, саботируют хлебозаготовки и угрожают голодом рабочему классу.

Местные власти быстро справились с поставленной задачей о вывозе хлеба, мяса и картофеля из колхозов и совхозов. Вывезти продовольствие с крестьянских подворий было труднее. Находясь с инспекцией в Одесской области, Каганович 23 декабря инструктировал секретарей райпарткомов: «В морду бить никогда не следует. Но умело проведенные обыски, и не только у единоличников, но и у колхозников, рабочих, коммунистов — это не перегиб. Надо село взять в такой «штосс», чтобы сами крестьяне раскрыли ямы».

К Кагановичу подключился сам Сталин. 1 января 1933 года он отправил в Харьков телеграмму, оформленную как постановление ЦК ВКП(б). В ней — весь тридцать третий год:

«Предложить ЦК КП(б)У и СНК УССР широко оповестить через сельсоветы колхозы, колхозников и трудящихся единоличников, что: а) те из них, которые добровольно сдают государству ранее расхищенный и скрытый хлеб, не будут подвергаться репрессиям; б) в отношении колхозников, колхозов и единоличников, упорно продолжающих укрывать расхищенный и скрытый от учета хлеб, будут применяться строжайшие меры взыскания, предусмотренные постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. (об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении социалистической собственности)».

Жуткое содержание этой новогодней телеграммы становится понятным только при аналитическом изучении. Первый пункт был предупреждением: сдавайте хлеб. Характер репрессий не определялся. Вторым пунктом понятен в сопоставлении с первым. Он адресовался крестьянам, проигнорировавшим предупреждение. Но таких крестьян нужно было выявить. Следовательно, сталинская телеграмма была сигналом к массовым обыскам. В ходе обысков зерно могли найти или не найти. В первом случае крестьян ожидали репрессии на основании закона от 7 августа 1932 года. Какие действия Кремль предусматривал во втором случае, не сообщалось. Но с ноября 1932 года на тех, у кого хлеб не находили, налагали натуральные штрафы. Отсюда следовал понятный всем крестьянам вывод: у кого не найдут хлеб, заберут другие продовольственные продукты длительного хранения.

Из-за недостатка газетной площади нет возможности показать картину обысков по воспоминаниям тех, кто выжил. Отмечу основное: забирали не только зерно, мясо с салом и картофель, как предусматривалось партийно-правительственными постановлениями. Забирали свеклу, горох, фасоль, пшено, лук, фруктовую сушку и все остальное, чем крестьяне запасались до следующего урожая. Под руководством уполномоченных по хлебозаготовкам, чекистов и милиционеров обыски в каждом селе проводили члены комитетов незаможных крестьян. Осуждать их нельзя, они хотели есть. Как нельзя осуждать и тех обысканных, которые потом ели своих детей или родителей.

Государственные заготовки хлеба урожая 1932 года начались в июле. До конца октября было заготовлено 136 млн. пудов. За три месяца деятельности комиссия Молотова «заготовила» еще 87 млн. пудов. Какую долю в ее «достижениях» составляло зерно, найденное во время обысков? Есть справка: органами ГПУ и НКВД за период с 1 декабря по 25 января было изъято 1,7 млн. пудов хлеба.

Редакция газеты «Правда» организовала в Украине декаду по борьбе с кражами зерна. В рейде, который проходил с 7 по 17 августа 1932 года, участвовали 100 тыс. «ударников прессы». Корреспондент «Правды» по Днепропетровской области призывал: ищите, ведь существует подземный «пшеничный город»! «Ударники» тогда ничего не нашли, а подворные обыски в декабре и январе дали мизерное количество хлеба (следует добавить, что в эти 1,7 млн. пудов входил также хлеб, найденный у перекупщиков). Под прикрытием легенды о подземных «пшеничных городах» в украинских и кубанских селах была осуществлена отвратительная акция изъятия хлеба и всего незернового продовольствия, не имеющая ничего общего с хлебозаготовками.

Цель этой акции очерчивает оговорка С. Косиора в письме к Сталину от 15 марта 1933 года: «Научить колхозников уму-разуму». Это суждение совпадало со сделанным тогда же выводом секретаря ЦК КП(б)У М. Хатаевича: «Среди большинства тех колхозников, которые совсем еще недавно таскали и воровали колхозный хлеб, относились небрежно к колхозному имуществу, не хотели честно работать в колхозном производстве, замечается, что они все более осознают необходимость честно и старательно работать для колхоза». Такой же мотив звучит в адресованном итальянскому правительству рапорте консула в Харькове Серджио Градениго от 31 мая 1933 года. В разговоре с ним

высокопоставленный чекист заявил, что нужно было «дать крестьянам урок», (*per dare una lezione al contadino*). Наконец другой, уже вовсе ужасающий ракурс этого мотива встречаем в докладе наркома земледелия А. Одинцова, который побывал в селах Киевщины. «Растет сознательность людей, в том числе голодающих, и злоба против лентяев и воров, — писал он в отчете. Добросовестные колхозники — за смерть от голода лентяев и воров».

Соответствуют ли действительности приведенные утверждения? Несомненно! Целью сталинского террора было воспитание убийством. Это многократно подтверждалось бурной деятельностью Павла Постышева, которого Сталин назначил на должность второго секретаря ЦК КП(б)У. В конце января 1933 года он приехал в Харьков, оставаясь в ранге секретаря ЦК ВКП(б). От Сталина он имел два основных поручения: во-первых, покончить со «скрыпниковщиной» и, во-вторых, спасти крестьян, способных работать на севе. С 1 февраля хлебозаготовки в Украине официально прекращались. Республика стала получать продовольственные и семенные займы. Тех крестьян, которые могли работать, государство теперь кормило.

22 января 1933 года Сталин и Молотов разослали секретную директиву с требованием не допустить массового выезда крестьян в другие регионы. Все пути, ведущие из Украины и Северо-Кавказского края, в том числе грунтовые дороги, перекрывались органами ГПУ, милиции и местного комнезаможного «актива». Голодающие крестьяне, за исключением тех, кого государство начинало кормить на полевых станах, должны были умирать медленной смертью в своих собственных селах.

Не зная того фактического материала, который теперь знаем мы, И. Лысяк-Рудницкий в статье «Новый Переяслав», впервые опубликованной в 1956 году в парижском польскоязычном журнале «Культура», дал на удивление точную характеристику положения Украины в годы сталинской диктатуры: «Политика Сталина относительно Украины сводилась к гигантской попытке сломить сопротивление украинского народа посредством физического насилия. При этом, по-видимому, речь не шла о тотальном истреблении украинцев, как это сделано с крымскими татарами, волжскими немцами, калмыками и некоторыми северокавказскими народами; для этого украинцы слишком многочисленны. Зато Сталин последовательно призывал к тому, чтобы уничтожить все активные украинские общественные группы,

чтобы таким образом, обезглавив нацию, заставить ее капитулировать и сделать из нее послушное орудие в руках кремлевских властей имущих».

Голодомор в Украине и на Кубани существенно повлиял на формирование советской экономики, какой мы ее знаем. Убедившись в том, что крестьяне не будут работать в колхозах бесплатно, Сталин инициировал постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 января 1933 года «Об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами». Этим постановлением государство признавало, что выращенная в колхозах продукция принадлежит крестьянам. Признавалось, что государству должна поступать только часть этой продукции в виде налога. Налог должен быть известен колхозникам еще до начала сельскохозяйственного года. Вся остальная продукция принадлежала крестьянам и могла быть использована ими по собственному усмотрению. Впервые это создавало заинтересованность в результатах коллективного ведения хозяйства.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Автору не удалось в рамках даже такого обширного цикла статей изложить все существенные аспекты проблемы украинского Голодомора под избранным углом зрения. Однако сказанного будет достаточно, чтобы отклонить поверхностные аргументы противников концепции Голодомора как геноцида.

Важной задачей украинских историков является распространение добытой аргументации в украинском обществе и во всем мире. Международная общественность должна признать Голодомор геноцидом украинского народа.

24 ноября 2005 года

II. Был ли Голодомор 1933 года геноцидом?

ОТ РЕДАКЦИИ «Дня»:

10 ноября 2003 года 58-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла в качестве официального документа «Совместное заявление по случаю 70-й годовщины Голодомора — Большого голода 1932—1933 годов в Украине» (Joint Statement on the Great Famine of 1932—1933 in Ukraine (Holodomor)). Вследствие неуступчивой позиции Российской Федерации уровень документа был снижен с Резолюции ООН до Совместного заявления, а из его названия изъято слово «геноцид».

Принимая во внимание позицию РФ, палата представителей и Сенат США в своих заявлениях о 70-й годовщине Голодомора в Украине также изъяли это ключевое слово. Однако в феврале 2005 года в совместном билле обе палаты Конгресса США разрешили украинской общине построить в округе Колумбия к 75-летию Голодомора мемориал, «чтобы отдать дань памяти жертвам голода-геноцида». В этом документе Конгресс США обратил особое внимание на то, что в 1988 году он создал комиссию для расследования голода 1932—1933 годов в Украине и после рассмотрения ее отчета признал, что Сталин и его окружение использовали против Украины оружие геноцида.

Почему так важна квалификация Голодомора 1933 года как геноцида? Какие подводные камни мы находим на пути к признанию этой трагедии геноцидом? Почему так много людей как в нашей стране, так и за границей отказываются поверить в то, что советская власть во времена И. Сталина была способна уничтожать людей? Имеют ли историки в своем распоряжении факты, которые могут доказать, что Голодомор был геноцидом украинского народа?

«День» напечатал в октябре-ноябре 2005 года цикл из шести статей С. Кульчицкого «Почему Сталин нас уничтожал?» Не повторяя сказанного тогда, этот же автор ищет в новом цикле статей ответ на заданные вопросы.

1. СУТЬ ВОПРОСА

Голодомор 1932—1933 годов оставил незаживающие раны на теле украинского народа. Если представить численность населения в виде диаграммы по годам рождения, то образуется возрастная пирамида. Совокупная численность людей одного года рождения сокращается по мере их старения более или менее равномерно. Поэтому в основании пирамиды находятся дети, а ближе к вершине — долгожители. Если же в какие-то годы люди гибнут от войн, эпидемий, голода и т.п., то в возрастной пирамиде возникают выемки. Выемка, образованная потерей населения в 1933 году — самая глубокая. В более сглаженном виде она повторяется в каждом последующем поколении. Теперь не рождаются внуки и правнуки тех, чья жизнь была прервана в начале 30-х годов.

Современное поколение граждан Украины помнит своих умерших от голода дедов и прадедов. Вот только причина голодных смертей в 1932—1933 годов остается для многих невыясненной. Кто-то стремится узнать: почему? Кто-то остается беспамятным, и таких много.

Является ли геноцидом любое преступление против человечества, решает только международное сообщество, то есть парламенты других стран. Окончательный вердикт провозглашает Организация Объединенных Наций. Квалификация преступления как геноцида — дело серьезное, и международное сообщество подходит к нему с особой ответственностью.

Признание голода 1932—1933 годов в Украине геноцидом не может повлечь за собой конкретные действия со стороны Совета Безопасности ООН. Трагическое событие отделено от современности на длину человеческой жизни. Однако это обстоятельство мало помогает успешному решению проблемы. История часто политизируется. Не избежала политизации и проблема голода. Ее нужно деполитизировать и обеспечить убедительными обоснованиями.

В первую очередь международной общественности нужно объяснить, почему народ, против которого было применено оружие голода-геноцида, не проявляет ярко выраженного и единодушного желания считать это преступление действием, направленным на прекращение его существования в государственных формах. Следует объяснить, почему несколько составов избранного этим народом на свободных выборах парламента избегали рассмотрения вопроса о голоде-геноциде. Возможно, все дело в том, что геноцид деформировал не только тело украинского народа, но и его историческое сознание?

Все мы, вместе взятые, являемся постгеноцидной человеческой общностью, как утверждал уже покойный профессор Джеймс Мейс, в прошлом — исполнительный директор комиссии Конгресса США по голоду 1932—1933 годов в Украине. Постгеноцидное общество не осознает осуществленного против него насилия. То, что жертвой такого насилия является уже несуществующее поколение, еще больше усложняет дело.

Украинские ученые и краеведы смогли донести до сознания своего народа внешний вид Голодомора. Это сделано с деталями, от которых перехватывает дыхание. Но они, возможно, не были так убедительны в раскрытии логики событий, разворачивавшихся в селе с самого начала сплошной коллективизации сельского хозяйства.

Наверное, на саму коллективизацию следует посмотреть шире — как на один из элементов создания большевиками такого социально-экономического строя, который противоречил интересам подавляющего большинства населения, то есть был от природы искусственным и мог возникнуть только в силовом поле диктатуры.

И последняя задача, ключевая для определения геноцидной природы голода в УССР и на Кубани. Нужно доказать, почему для Кремля регионы с наибольшей концентрацией украинского населения представляли особую опасность, вследствие чего только против них была применена самая губительная форма террора — террор голодом.

Несомненно, голод охватил в 1932—1933 годах большую часть советских регионов. Не вызывает споров среди ученых и то, что степень поражения голодом двух украинских регионов была наибольшей (за исключением Казахстана, речь о котором пойдет позже). Чтобы голод в этих регионах признать геноцидом, нужно объяснить причину их отличия от остальных.

Эта статья не претендует на то, чтобы выяснить все проблемы голода-геноцида. В ней только подняты вопросы, имеющие отношение к определению украинского голода 1932—1933 годов как геноцида. Нужно признать, что здесь больше сделали иностранные ученые, нежели мы.

Одной из главных является проблема оздоровления исторического сознания украинского народа. Необходимость этого поняли и на государственном уровне. Положено начало созданию Украинского института национальной памяти. В его рамках должна осуществляться координация деятельности многих организаций, направленной на возрождение исторической памяти.

2. ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

В Советском Союзе прошло две кампании десталинизации. Хрущевскую назвали борьбой с культом личности, а горбачевскую — демократизацией. Обе кампании имели конкретную цель — реабилитацию жертв сталинского произвола, в первую очередь — компартийно-советских деятелей. Попутно перед обществом начала раскрываться общая картина террора, с помощью которого большевики в 1918—1938 годах создали строй, названный социалистическим.

Колоссальное количество введенных в широкое обращение документов о массовых репрессиях убеждало многих в Советском Союзе в том, что в его истории не осталось «белых пятен». Однако это была иллюзия. Краткий курс «Истории ВКП(б)», который в 1938 году подытожил достижения коммунистической революции, был изъят после смерти Сталина из обращения, но привычные постулаты остались в сознании тех, кто изучал историю, и тех, кто обучал истории.

В странах, появившихся на месте СССР, переосмысление совместной истории советской эпохи продолжалось, но с разной скоростью и даже под разными векторами. В частности, российские историки делали акцент в основном на положительных аспектах — превращении сравнительно отсталой страны в сверхдержаву. Украинские историки разделились в основном на два лагеря. Одни не видели в прошлом ничего позитивного, а другие — почти ничего негативного. На официальную политику в сфере истории (которая проявлялась, в частности, в содержании рекомендованных государственными органами учебных программ и учебников) очень повлияла антикоммунистически настроенная североамериканская диаспора. Антикоммунизм диаспоры и бывшей компартийно-советской номенклатуры, не потерявшей власть в независимой Украине, имел разные источники, на которых следует остановиться позже. Здесь следует отметить, что он только мешал осмыслению истории коммунистического строительства.

Сравнительно немногочисленные исследователи, стремящиеся подойти к прошлому без коммунистических или антикоммунистических критериев, довольно успешно работают над пересмотром концептуальных принципов истории советского строя. В исследованиях им помогает отсутствие давления со стороны государственных органов и открытость архивов.

Тридцать третий год нельзя назвать «белым пятном», о голоде знали все. В конце 80-х годов, когда информация о преступлениях сталинской

эпохи начала лавинообразно нарастать, она воспринималась в обществе по-разному. Немало граждан не могли совместить в своем сознании сформированное с детства положительное отношение к советской власти с утверждениями о том, что эта власть осуществляла террор голодом, то есть сознательные действия, специально рассчитанные на истребление населения голодной смертью.

Изложить набор исторических фактов в их последовательности намного легче, нежели исследовать влияние тех или иных событий на сознание человека. В распоряжении историка мало источников, с помощью которых можно изучать сознание — индивидуальное и коллективное. История советской Украины уже хорошо изучена под углом зрения описания событий, в том числе и Голодомора. Но мы мало знаем, как менялось сознание людей в ту революционную эпоху, насколько адекватно они реагировали на террор и пропаганду, с помощью которых их загоняли в «светлое будущее».

Наряду с террором и пропагандой советская власть интенсивно использовала такой фактор влияния на население, как воспитание подрастающего поколения. В газете «День» я откликнулся недавно на 50-летний юбилей XX съезда КПСС, но не подчеркнул тогда мысль, которая очень важна в контексте этой статьи: съезд примирил с властью воспитанников советской школы. Тогда, в первые послевоенные десятилетия, выпускниками советской школы уже стали почти все граждане СССР (без населения территорий, присоединенных с 1939 года). Преступления большевистского режима, который с помощью террора и пропаганды построил в довоенные годы социалистический социально-экономический строй, стало возможным списывать на И. Сталина.

Мы (я имею в виду свое поколение) можем оценить эффективность коммунистического воспитания, анализируя собственное сознание тех времен. Еще во время обучения в университете (1954—1959 гг.) я получил доступ как профессиональный архивист к не подконтрольной советской цензуре информации — украинским газетам оккупационного периода, первым трудам о голоде 1932—1933 годов в журналах украинской диаспоры и пр. Но такая информация отталкивалась сознанием и не влияла на уже усвоенные мировоззренческие позиции.

Террором можно навязать образ жизни, но не мировоззрение. Мировоззрение — это результат воспитания и пропаганды, которые обязательно должны опираться на доступный для понимания и положительный символ веры. Кто скажет, что коммунистическая доктрина в ее пропаган-

дистском виде не была привлекательной? Стоит перечитать очень искреннего поэта — Владимира Маяковского, чтобы понять всю ее силу.

После окончания Одесского университета я попал в Институт экономики АН УССР и увлекся советской экономической историей 20—30-х годов. Я следил и в те времена за научной литературой по профессии, которая выходила на Западе, пытался регулярно читать авторитетный среди советологов теоретический журнал «Problems of communism». Заочное общение с «украинскими буржуазными националистами» не приводило к раздвоению сознания. Наш мир отличался от Запада в глубочайших своих измерениях, то есть был цивилизационно иным. «Железный занавес» напоминал стекло аквариума, отделявшее друг от друга две разные среды. Тот наш мир был по-своему логичен и имел понятные для каждого ценности. Он был насквозь фальшивым, но именно в связи с этим мало кто мог понять его фальшь. Для меня, в частности, оставались непонятными ни причины голода 1932—1933 годов, ни причины непризнания самого факта голода советской властью. В литературе диаспоры утверждалось, что Сталин морил голодом украинский народ, но поверить в такое было просто невозможно.

Неудобно постоянно говорить о себе, но не хватает другого эмпирического материала для анализа мировоззренческой революции, произошедшей с нами. Моя личная мировоззренческая революция была ускорена исследованиями по теме голода 1932—1933 годов и прошла через два этапа. На первом этапе, длившемся семь-восемь лет, шло накапливание архивного материала, воссоздание фактической картины Голодомора. Пришлось поверить «украинским буржуазным националистам», рассказывавшим, как Сталин морил голодом украинский народ. На втором этапе отдел, в котором я работаю, осуществил в течение девяти лет системные исследования природы советского тоталитаризма при его формировании. Голод 1932—1933 годов вошел в общий контекст событий, происходивших в захваченной большевиками стране в 1918—1938 годах.

3. ВОЗМОЖНОСТЬ ГЕНОЦИДА В КОММУНИСТИЧЕСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Известные историкам случаи геноцида происходили в условиях войны и касались иноэтнического социума. Общаясь с некоторыми зарубежными исследователями украинского Голодомора, я видел, что они не могут осознать возможности геноцида, осуществляемого в мирное время и внутри собственного социума. Чтобы они поверили фактам, природе Голодомора нужно анализировать, повторяю, на более широком фо-

не, не отрывая это явление от целостного процесса коммунистического строительства в 1918—1938 годах.

Марксизм имел много принципиальных отличий от учения, названного в Советском Союзе марксизмом-ленинизмом. Самым важным, очевидно, было то, что К. Маркс считал коммунистическое общество закономерным продуктом объективного естественноисторического развития. В его трудах мы не найдем выражения «коммунистическое строительство». Однако В. Ленин считал, что ждать вызревания коммунизма не стоит. Строительство коммунизма он рассматривал как главный долг пролетарской (но своей и только своей) партии после ее прихода к власти и установления «диктатуры пролетариата» (то есть, опять-таки, диктатуры собственной партии). По его мнению, коммунизм можно было построить, причем в очень сжатые сроки.

Мы до сих пор, придерживаясь усвоенных в советскую эпоху стереотипов, ищем корни ленинско-сталинской коммунистической революции в той народной революции, которая началась в России в марте (по новому стилю) 1917 года. На самом деле революция в России имела только два отличающихся друг от друга течения — буржуазно-демократическое и советское, которые в разных пропорциях были представлены в каждом регионе многонациональной империи. Большевики влились в советское течение, нисколько не смешиваясь с ним, и на плечах советов захватили власть, после чего оставили от революционных советов одну лишь оболочку. Никто из действующих лиц революции 1917 года, кроме руководителей большевистской партии, не стремился сделать того, что было сделано в России и в поработенной большевиками Украине между Первой и Второй мировыми войнами. Да и руководители большевиков в 1917 году держали коммунистическую доктрину при себе, а для завоевания власти воспользовались совершенно иными политическими лозунгами революционных советов. Только укрепившись при власти и только с весны 1918 года они начали собственную коммунистическую революцию.

После провала в 1921 году первого коммунистического штурма большевики отодвинули коммунизм в отдаленную перспективу и выпятили в нем не производственные, а распределительные отношения. Одновременно распределительным отношениям была присвоена максимально эффективная под углом зрения пропаганды формулировка: «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Создание советского строя, которое началось с 1918 года, объявлялось не коммунистическим, а соци-

алистическим. Терминологическое противоречие разрешалось очень просто: социализм объявлялся первой фазой коммунизма.

Мы и теперь называем коммунистическую революцию 1918—1938 годов строительством социализма. Стоит оставить, однако, термин «социализм» за его западноевропейскими первооткрывателями, признававшими объективную необходимость капиталистического предпринимательства и частной собственности. Суть социалистической политики на Западе заключалась в том, что капиталисты обязывались делиться прибылями со слоями социума, нуждавшимися в помощи. Такая политика нравилась населению, которое выбирало органы власти. Поэтому к власти в Европе начали приходить социал-демократические партии (из социал-демократов вышли и большевики). Со временем страны, называвшиеся у нас капиталистическими, стали другими, но за «железным занавесом» мы этого не разглядели. Тем более, что сами они не называли себя социалистическими. Этот популярный термин был приватизирован сначала В. Лениным, а потом А. Гитлером. Кстати, гитлеровская приватизация Сталину не понравилась, и когда Немецкая национал-социалистическая рабочая партия стала правительственной, он велел называть нацистов фашистами. Хотя между итальянским фашизмом и немецким нацизмом существует принципиальная разница, мы до сих пор придерживаемся обнародованной на XVII съезде ВКП(б) сталинской директивы.

Западноевропейский социализм опирался на капиталистическое предпринимательство и помогал поддерживать в обществе классовый мир — основу демократического уклада. Он представлял собой динамичную и эффективную социально-экономическую систему, пока учитывал противоположные интересы работающих и работодателей. Советский коммуно-социализм, наоборот, уничтожал свободный рынок и частное предпринимательство, заменяя их плановым распределением произведенной продукции. Уничтожение свободного рынка как естественного регулятора экономических процессов априорно лишало производство возможности эффективного ведения хозяйства. Огосударственная экономика оживала только под воздействием бюрократических команд, которые поступали в нее извне и не могли обеспечить ее эффективности.

В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс безапелляционно заявили: «Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности» (Сочинения, издание второе, том 4, с.422). Западные европейские марксисты отказа-

лись от этого постулата и избрали своим методом борьбы за лучшее будущее политику реформ вместо революционного насилия. Благодаря этому они смогли трансформировать свои страны. Наоборот, большевики взяли на вооружение ранний марксизм и декларировали уничтожение частной собственности на средства производства. Что из этого получилось?

Частная собственность является исторической категорией, то есть имеет начало и конец. Но в наши времена, как и в эпоху К. Маркса, преждевременно говорить о ее отмирании. Нужно подождать еще несколько сотен лет, возможно, и больше. Совсем другое дело — лозунг уничтожения (а не отмирания!) частной собственности. Его реализация не уничтожает саму собственность, а только меняет владельца. Коммунистическое строительство в СССР привело к концентрации всей собственности на средства производства в руках кучки олигархов — политбюро ЦК КПСС.

Эти олигархи убедились уже во время первого штурма 1918—1920 годов, что десятки миллионов крестьян не отступятся от своей земли и других средств производства. Поэтому новый коммунистический штурм, который начался с 1929 года, ориентировался прежде всего на террористические способы воздействия на крестьян. Именно потому, что силовая составляющая в коммунистическом строительстве была доминирующей, стали возможными такие ужасные трагедии, как Голодомор и Большой террор.

Соединение в руках компартийно-советской олигархии политической диктатуры с диктатурой экономической превращало общество в атомизированную, беспомощную, инертную массу. С поработанным населением можно было делать все что угодно: устраивать искусственный голод во избежание стихийных беспорядков, осуществлять массовые репрессии — даже с помощью запуганных родственников репрессируемых.

Многие граждане отказываются верить тому, что советская власть могла использовать террор голодом для целеустремленного уничтожения людей. Они ищут другие причины голода 1932—1933 годов — засуху, избыточные хлебозаготовки, падение урожайности в связи с кризисом, в который попало сельское хозяйство после осуществления сплошной коллективизации села.

Скажу сразу, что эти причины действительно существовали (кроме засухи). Они действительно привели к голоду как в зернопроизводящих регионах (в связи с избыточными хлебозаготовками), так и в хлебопотребляющих (в результате нехватки продовольствия у государства). Но следу-

ет отличать голод, который царил почти везде в СССР, от Голодомора в УССР и на Кубани. К сожалению, десятикратная разница в количестве жертв многих наших современников не убеждает.

20 сентября 2006 года

4. ОСОЗНАНИЕ ГЕНОЦИДА

Почему в наши дни актуализировалась проблема, названная в этой статье оздоровлением исторической памяти? Потому, видимо, что в трансформационных процессах социогуманитарные проблемы не должны отодвигаться на задний план. Если общество хочет избавиться от родимых пятен тоталитарного прошлого, нужно беспокоиться не только об инвестициях или курсе валют. Нельзя идти в будущее с головой, запрокинутой в прошлое.

Я принадлежу к старшему из современных поколений — тем, кто в последнее время получил юридический статус «детей войны». Те, кто постарше из моего поколения, успели поучаствовать в войне, главным образом, уже на ее победном этапе, младшие — родились после войны. Всех нас объединяет одна общая черта: мы — воспитанники советской школы.

В своей жизни я общался с представителями поколения родителей. Однако историческое сознание предыдущего поколения мне стало понятно не в непосредственном общении с ним, а только вследствие профессиональной деятельности. Между нами была почти непроницаемая стена, и даже хрущевская «оттепель» не могла ее разрушить. Откровенности мешало колоссальное количество сексотов — «секретных сотрудников» ведомств, называвшегося в народе коротко: Органы. Затравленные органами государственной безопасности представители первого поколения советских людей не передали свой жизненный опыт следующему поколению — своим детям. Дети, самым старшим из которых теперь за 80, выросли в условиях уже построенного советского строя.

Каким было поколение моих родителей? Оно пережило гражданскую войну, которая сама по себе засвидетельствовала его неоднозначное отношение к коммунистической идее. Потом оно разделилось (неизвестно, в каких пропорциях) на тех, кто под «Марш энтузиастов» строил новую жизнь, и на тех, кого силой загоняли в коммунизм. По-видимому, тех, вторых, становилось все больше, потому что жизнь не улучшалась, а террор крепчал. Есть лакмусовая бумажка для определения отношения зна-

чительной части этого поколения к советской власти: война с гитлеровской Германией.

Немецкая статистика свидетельствовала, что с июня 1941 года до октября 1942 года, то есть меньше чем за полтора года, в плен сдались 5,2 млн. красноармейцев. Таков был полуторагодичный итог «отечественной» войны: люди отдавали преимущество плену, а не обороне Отчизны, которой завладели большевики. Чтобы скрыть ужасающее для власти явление, Сталин ликвидировал солдатские медальоны, упразднил поименный учет потерь и ввел в статистику странную графу, которая с весны 1942 года стала привычной: «пропавший без вести». Только убедившись в смертельной опасности нацизма, советские люди стали воевать с врагом по-настоящему. С ноября 1942 до ноября 1944, то есть за два года, в плен попало только полмиллиона бойцов и командиров Красной армии: в десять раз меньше, чем за первый период войны.

Поколение победителей во Второй мировой войне отделило себя от следующего глухой стеной и не мешало школе воспитывать своих детей в коммунистическом духе. Мы, дети, когда стали взрослыми, формировали сознание своих ровесников и следующего поколения в духе убеждений, привитых школой.

Не следует переоценивать, однако, влияние пропаганды и воспитания. Главным фактором формирования исторического сознания и мировоззренческих позиций граждан всегда был и остается жизненный опыт. А опыт поколения строителей коммунизма радикально отличался от опыта следующих поколений — тех, кому выпало жить при коммунизме. Нисколько не изменившись по своему характеру, советская власть изменила отношение к обществу. Она прекратила использование массового террора как метода государственного управления.

Массовый террор использовался сначала для создания искусственного социально-экономического уклада, а потом — для упрочения личной власти Сталина. После смерти Сталина террор стал не массовым, а выборочным. Этого было достаточно, чтобы поддерживать существование уже созданного строя. Оказалось, однако, что искусственный строй без массового террора становится нестабильным. В этой ситуации новым вождям пришлось приложить большие усилия для повышения благосостояния населения. Это были действительно героические усилия, принимая во внимание милитаристские обязательства сверхдержавы и органическую неэффективность директивной экономики. Ныне существующие поколения должным образом оценили эти усилия. Несмотря на жизненные неу-

добства, которые приносила людям длившаяся десятилетиями агония советского строя, старшее и по большей части среднее поколение граждан Украины сохранило преимущественно позитивное отношение к жизни в прошлом. Тем более, что люди после 40 лет трудно приспосабливаются к новой жизни.

Такими объективными обстоятельствами объясняется моральная отстраненность значительной части наших граждан от трагедий межвоенного периода, в том числе Голодомора. Они не могут поверить, что укорененная в народной массе советская власть была способна хладнокровно истреблять своих же граждан.

5. ОТНОШЕНИЕ «ПАРТИИ ВЛАСТИ» К ГОЛОДОМОРУ

Диктатура Кремля в советской Украине осуществлялась не столько руководителями КПУ, сколько ведомствами союзного подчинения (начиная с КГБ). Однако даже эти ведомства были украинизированы. Вышестоявшая Кремлем номенклатура подчинялась руководителям КПУ и вместе с ними была достаточно надежным звеном в компартийно-советской системе власти.

В 1988 году КПСС утратила статус государственной структуры и власть перешла к советам. Возглавляемый М. Горбачевым союзный центр встретил вызов со стороны главы российского парламента Б. Ельцина. Украинская номенклатура немедленно воспользовалась кризисом власти в Москве. 16 июля 1990 года она приняла Декларацию о государственном суверенитете Украины, 24 августа 1991 года — Акт провозглашения независимости, а 30 августа — решение о запрещении деятельности КПСС на территории Украины.

Такая метаморфоза «партии власти» не была неожиданной для меня. За полгода до провозглашения Декларации о государственном суверенитете, 16 января 1990 года, политбюро ЦК КПУ рассматривало вопрос о голоде 1932—1933 годов и публикации связанных с ним архивных документов. На заседании, где присутствовали несколько экспертов, в том числе и я, развернулась бурная полемика. Некоторые члены политбюро ЦК стали обеспокоенно утверждать (по-видимому, не без оснований), что публикация сборника станет «ножом в спину» партии. Однако ключевые фигуры в партийном руководстве, в том числе первый секретарь ЦК Владимир Ивашко, были настроены дать сборнику зеленый свет. Постановление ЦК КПУ заканчивалось такой инструкцией: «Рекомендовать редакциям газет, журналов, телевидению и ра-

дио обеспечивать правдивое, объективное, на основании документальных материалов, освещение событий, связанных с голодом 1932—1933 годов».

В цикле статей «Почему Сталин нас уничтожал?» («День», №207 от 10 ноября 2005 года) я уже упоминал один факт из этого странного, на первый взгляд, ряда: Дж. Мейс рассказывал, что фильм режиссера Олеса Янчука «Голод-33», который он консультировал, не получил ни копеечки государственных средств, пока создавался, но был показан по телевидению непосредственно перед референдумом 1 декабря 1991 года.

Наконец, приведу еще один факт, по-видимому, наиболее яркий. На международной научной конференции, состоявшейся в Киеве 9 сентября 1993 года в связи с 60-й годовщиной голода, президент Украины Л. Кравчук высказался так: «Я полностью соглашаюсь с тем, что это была спланированная акция, это был геноцид против собственного народа. Но я здесь не ставил бы точку. Да, против собственного народа, но согласно директиве из другого центра. Очевидно, именно так нужно трактовать эту ужасающую страницу нашей истории».

Перечисленные факты свидетельствуют об одном: руководители советской Украины стремились превратиться из кремлевских «шестерок» в настоящих государственных деятелей. Когда они «перетекли» из партийных структур в советские, то запретили деятельность собственной партии и взяли на вооружение государственную символику «украинских буржуазных националистов». Правда о Голодоморе использовалась только с одной целью: чтобы показать действительно существующую опасность судьбоносных для народа решений, если они принимались за пределами республики. Это соответствовало расчетам киевских руководителей на утверждение политической независимости Украины, следовательно, их личной независимости от Кремля.

Рассказываю обо всем этом без осуждения, только для того, чтобы подчеркнуть отсутствие подлинного интереса к проблеме Голодомора у руководящих деятелей «партии власти».

Нужно отдать должное Л. Кучме, который в 65-ю годовщину утвердил своим указом от 26 ноября 1998 года День памяти жертв Голодомора — четвертую субботу ноября. В этот день должны были проводиться мероприятия, направленные на восстановление народной памяти о самом трагическом событии в истории Украины. Однако как раз Дни памяти особенно ярко показали безразличие или даже откровенное игнорирование этого события в регионах. И в столице необходимые организацион-

ные меры утверждались только после настойчивых напоминаний со стороны деятелей украинской диаспоры.

В Украине издано немало разнообразной книжной продукции о Голодоморе. Но не припомню, чтобы она издавалась на государственные деньги. Материалы международной научной конференции, состоявшейся в сентябре 1993 года, опубликовал Институт истории Украины НАН Украины. Материалы конференции 28 ноября 1998 года появились на средства, собранные гражданином США Марьяном Коцем. Этот меценат содействовал изданию десятков других книг о Голодоморе. Честь ему и слава!

Можно многое рассказать о попытках создания в рамках академического Института истории Украины научно-исследовательской структуры для проведения исследований геноцида украинского народа. Например, 4 февраля 2003 года председатель организационного комитета по подготовке и проведению мероприятий в связи с 70-й годовщиной Голодомора в Украине В. Янукович распорядился «обеспечить надлежащее финансирование научных работ Центра исследования геноцида украинского народа». Однако до сего времени государство не ассигновало ни одной гривни на целевые исследования в этой области.

Книги, издающиеся в Украине тиражом в тысячу экземпляров или еще меньше, не могут повлиять на историческое сознание наших граждан. В декабре 2005 года состоялось собрание киевских ветеранов, на котором председатель совета И. Красильников долго говорил о заслугах «величайшего деятеля мировой истории И. В. Сталина», а первый секретарь горкома КПУ Ю. Сизенко вспомнил «так называемый голодомор». Присутствующий на собрании мэр А. Омельченко сообщил, что выделяет 300 тыс. грн. для бесплатной подписки газеты «Киевский вестник», где печатаются подобные выступления Красильникова и Сизенко, а если нужно эту сумму удвоить, то проблем не будет. Следовательно, государственные средства до сих пор идут на то, чтобы закреплять в головах ветеранов азы сталинского курса «Истории ВКП(б)».

14 мая 2003 года Верховная Рада Украины приняла Обращение к украинскому народу в связи с голодом 1932—1933 годов. Голодомор определялся в нем как геноцид украинского народа. Документ был принят голосами 226 депутатов. Вне всяких сомнений, президент Украины Л. Кучма и глава парламента В. Литвин постарались «организовать» минимально необходимое большинство, чтобы Верховная Рада не пропустила 70-летие Голодомора так, как она пропустила 60-летие. За эти

10 лет историки и краеведы выдали на-гора огромное количество ледящей души информации. Игнорирование ее народными избранниками выглядело бы странно...

6. УКРАИНСКАЯ ДИАСПОРА И ГОЛОД-ГЕНОЦИД

Коротко повторю уже сказанное («День» №197, 27 октября 2005 года) о роли украинской диаспоры в раскрытии перед всем миром масштабов и сути Голодомора. Диаспора смогла организовать во многих странах Запада в 1982—1983 годах масштабное чествование памяти жертв Голодомора в его 50-ю годовщину. Это помогло добиться образования в Конгрессе США специальной комиссии по голоду 1932—1933 годов в Украине. Деятельность комиссии заставила В. Щербицкого в декабре 1987 года признать факт голода. Это, в свою очередь, открыло исследователям доступ к архивам, связанным с темой Голодомора. Преемники Щербицкого позволили опубликовать самые секретные документы из архивов КПСС, отражающих реальную картину происходящего во время Голодомора в украинском селе. Такова была последовательность инициатив диаспорой событий.

В этой статье анализируется другая проблема: почему идентификация Голодомора как голода-геноцида идет так трудно? Анализ причин, мешающих людям за пределами Украины удостовериться в этом, нужно начинать с исследований публицистов и ученых украинской диаспоры, связанных с интерпретацией Голодомора.

Украинские эмигранты рассказывали о голоде, основываясь на собственном опыте. Они знали, что советская власть поставила их в положение, несовместимое с жизнью. Общаясь между собой, они узнали, что голод охватил все украинские села, и поняли это так, что власть уничтожала украинцев. Ученые Запада, в том числе комиссия Конгресса США по голоду 1932—1933 годов в Украине, на основании их свидетельств сделали вывод о голоде-геноциде. Документальная проверка утверждений свидетелей Голодомора тогда была невозможной. Следует признать, однако, что работа в архивах тоже не могла принести немедленный результат.

В своей первой брошюре «1933: трагедия голода», появившейся в мае 1989 года (текст ее был напечатан в январе-феврале того же года газетой «Літературна Україна»), я считал украинскую трагедию следствием экономического кризиса, а кризис, в свою очередь, — следствием принудительной коллективизации. Более глубокое ознакомление с архивными фондами ЦК КП(б)У позволило сделать другой вывод: советская власть

наказала натуральными штрафами должников по хлебозаготовкам, то есть практически все украинское село. Специальные постановления были приняты о штрафовании мясом и «вторым хлебом» — картофелем. Эти документы прошли незамеченными в сборнике, который разрешил печатать В. Ивашко. Только в сопоставлении с рассказами свидетелей (компьютерную верстку еще не опубликованного трехтомника свидетельств привез мне Дж. Мейс в 1990 году) они могли объяснить масштабы украинского голода. Оказалось, что «хлебозаготовители» забирали у крестьян не только хлеб, мясо и картофель, но и все запасы продовольствия, накопленные до нового урожая. Эту акцию из-за отсутствия какой-либо возможности приобрести продовольствие (на крестьян не распространялась карточная система снабжения) можно рассматривать только как сознательное создание условий для голодной смерти. Поэтому в моей книге «Цена «великого перелома»», которая вышла из печати в марте 1991 года, Голодомор уже рассматривался как геноцид. Однако тогда я не вкладывал в термин «геноцид» юридического содержания и был далек от понимания истинных мотивов власти, которая морила крестьян голодом. Придание конфискации продовольствия формы «натуральных штрафов» наталкивало на мысль о том, что власть наказывала крестьян таким варварским способом за невыполнение хлебозаготовительного плана. С высоты наших сегодняшних знаний о Голодоморе становится очевидно, что исполнители акции геноцида должны были руководствоваться определенным мотивом. По этой причине и был выбран мотив наказания должников.

Голос советских ученых на стыке 1980-х и 1990-х годов был едва слышен, тогда как голоса публицистов и исследователей украинской диаспоры мощно звучали на весь мир. В чем состояла слабость наших с ними позиций под углом зрения юридического содержания термина «геноцид»?

Мы могли в деталях рассказать о преступлении, но были не способны объяснить сталинские мотивы. Тогда уже стали известны уродливые (больше украинской) масштабы казахской трагедии. Причина гибели казахов лежала на поверхности: у кочевников забрали по мясозаготовке большую часть скота и силой посадили их на землю. Непривычные к земледельческому труду, они съели скот, который им оставили, после чего стали умирать с голоду. Понятно, что казахский голод был по своему существу геноцидом, но в категориях уголовного права его можно квалифицировать как «убийство по неосторожности». А конвенция ООН «О

предотвращении преступления геноцида и наказания за него» от 9 декабря 1948 года называет геноцидом исключительно «действия, осуществляемые с намерением уничтожить полностью или частично любую национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». Следовательно, всегда нужно доказывать факт народоубийства с предвременно обдуманном намерением.

Геноцид армянского народа в годы Первой мировой войны был понятен каждому: армян вырезали из-за того, что они были армянами. Холокост еврейского народа во время Второй мировой войны тоже понятен. Нацисты уничтожали евреев потому, что они были евреями. Поражение Германии в войне стало отправным пунктом для уголовного преследования нацистов, в том числе за организацию Холокоста.

Термин «Холокост» оказался настолько узнаваем, что публицисты нашей диаспоры стали оперировать понятием «украинский холокост», имея в виду собственную национальную трагедию. Они не обратили внимания на то, что в отождествлении Голодомора с Холокостом скрывалась методологическая опасность. Выражение «украинский холокост» в этом случае автоматически подводило к ошибочному положению о том, что Кремль морил голодом граждан Украины только из-за того, что они были этническими украинцами. На самом же деле украинский геноцид не был таким примитивно-простым, как «окончательное решение» А. Гитлера относительно евреев.

Отождествление Голодомора с Холокостом было перенесено из диаспоры в нашу публицистику. Это недопустимо по двум причинам. Во-первых, мы забываем в этом случае о подлинном украинском Холокосте, то есть о гибели от руки нацистов 1,6 млн. наших соотечественников-евреев. Во-вторых, мы никогда и никого не убедим в том, что голод 1932—1933 годов был геноцидом, если будем называть его украинским Холокостом. Международное содружество не поймет, почему Кремль в 1932 и 1933 годах — не раньше и не позже — уничтожил миллионы этнических украинцев.

Сколько именно миллионов людей погибло в Украине голодной смертью? К сожалению, наши публицисты и политические деятели до сих пор пользуются экспертными расчетами, получившими распространение в литературе диаспоры в те времена, когда советская демографическая статистика была закрытой.

Петро Долина поместил свои расчеты в первой коллективной монографии о советских репрессиях в Украине, которая была опубликована

эмигрантами в Торонто в 1955 году. Эти расчеты базировались на формуле сложных процентов, которая абсолютно непригодна для демографического анализа. Тем не менее, их взял В. Гришко для своей книги об украинском голоде, которая была издана в 1983 году на английском (в Торонто) и украинском (в Детройте) языках. Оттуда их позаимствовал вице-премьер-министр Украины Н. Жулинский — глава оргкомитета международной научной конференции, состоявшейся в Киеве 9—10 сентября 1993 года в связи с 60-летием Голодомора. Названные Жулинским цифры часто используются и сейчас: 7,5 млн. человек, в том числе прямые потери — 4,8 млн. человек.

На парламентских слушаниях, посвященных жертвам Голодомора, 12 февраля 2003 года вице-премьер-министр Украины Д. Табачник в своем докладе отметил, что историки и демографы спорят относительно цифры потерь от голода (от 3-х до 10 млн. человек), но назвал наиболее достоверное, по его мнению, число — 7 млн. человек.

Возникает вопрос: почему публицисты и политики отдают предпочтение подсчетам потерь, сделанным в диаспоре? Неужели исследователи до сих пор не заглянули в советскую демографическую статистику, которая открыта уже 17 лет?

В марте 1990 года я летел на международную конференцию в Канаду через Москву. Директор Центрального архива народного хозяйства СССР В. Цаплин разрешил мне поработать несколько дней непосредственно в архивохранилище. Поэтому в Торонто я прилетел уже с большим цифровым грузом и обратился к двум известным в мире демографам с предложением написать общую статью о потерях населения Украины от голода 1932—1933 годов. Это были профессор Мельбурнского университета Стефен Виткрофт и преподаватель Гарвардского университета, бывший московский диссидент из окружения А. Сахарова Александр Бабенышев, который подписывал свои труды булгаковским псевдонимом Максудов. Книга Максудова «Потери населения СССР» была опубликована в США на русском языке в 1988 году.

Подсчитать количество жертв голода 1921—1923 и 1946—1947 годов невозможно, потому что мы не знаем ни перемещений, ни потерь населения во время мировых войн. Количество жертв голода 1932—1933 годов может быть определено с большой точностью, потому что оно составляет разность в численности населения между переписями 1926 и 1937 годов с учетом сальдо естественного и механического движения. Максудов помог разобраться в некоторых сугубо демографических коллизиях, и я успел

поместить наши расчеты в уже упомянутый выше сборник архивных документов, на публикацию которого в 1990 году давало специальное разрешение политбюро ЦК КПУ. В начале 1991 года моя с Максудовым статья появилась в «Українському історичному журналі». По моим расчетам, прямые потери составляли 3 238 тыс. человек, а с поправкой на неточность данных о механическом движении населения — от 3-х до 3,5 млн. человек. Совокупные потери (с учетом снижения рождаемости в голодные годы) доходили до 5 млн. человек. Максудов не хотел учитывать данные государственной статистики о механическом приросте (на мой взгляд — безосновательно), и поэтому его расчет потерь колебался в диапазоне 4—4,5 млн., а с учетом снижения рождаемости — до 6 млн. человек.

С. Виткрофт отказался подписывать нашу с Максудовым статью. Мне казалось, что этого добросовестного исследователя тогда напугало слишком большое количество жертв, которое показал беспристрастный анализ источников. Но в приложении к документальному сборнику «Трагедия советской деревни», напечатанном в Москве в 2001 году, он опубликовал свою оценку прямых потерь: по Украине — от 3-х до 3,5 млн., по СССР в целом — от 6 до 7 млн. человек.

Следовательно, статистика потерь есть. Нет другого: желания ею пользоваться. Никто на протяжении всех этих лет не ставил под сомнение расчеты ученых. Эти расчеты были известны, например, Д. Табачнику, который говорил, что «историки и демографы спорят». Но можно ли пользоваться цифрой, которая нравится, и только поэтому кажется достоверной? На суд международной общественности нужно выносить объективные выводы о Голодоморе, а не свои субъективные предпочтения.

27 сентября 2006 года

7. РОССИЯ И УКРАИНСКИЙ ГОЛОДОМОР

В цикле статей «Почему Сталин нас уничтожал?» есть подраздел о дискуссиях с российскими учеными («День» №207, 10 ноября 2005 года), который тематически совпадает с рассматриваемым ныне вопросом. Действительно, суть споров состоит в отстаивании (с нашей стороны) или отрицании (с их стороны) геноцидного характера голода 1932—1933 годов в отношении Украины. Не повторяя сказанного в прошлом году, остановлюсь на позиции политических деятелей, которые деформируют объективное знание о Голодоморе.

Начну с характеристики позиции украинских политиков. В вопросе об ответственности России за Голодомор она была противоречивой, но всегда направленной на отстаивание собственных властных полномочий. По-видимому, при всех условиях власть стоит у политических деятелей на переднем плане...

В подразделе об отношении «партии власти» к Голодомору я упомянул выступление Л. Кравчука в сентябре 1993 года на международной конференции. Президент Украины признал тогда Голодомор геноцидом, осуществленным по директиве из Москвы. Следом за Кравчуком выступил Иван Драч. В своей речи он заявил, что Российская Федерация сама себя утверждает правопреемницей белой и красной империй, в связи с чем для Украины возникают юридические и этические основания выставить ей счет за Голодомор. «Наступит время, — заявил писатель, — и 8 или 12 миллионов свидетелей — вдвое или втрое больше погибших в войне 1941—1945 годов, встанут из могил в каждом украинском селе и потребуют непризнания срока давности для преступников, которые лишили их жизни, как и положено по международному праву».

Не буду комментировать числа жертв, об этом уже сказано. Право выставить счет И. Драч выводил из того несомненного факта, что Россия действительно желала быть правопреемницей СССР. Однако этот факт, как каждый понимает, относится к категории субъективных суждений российской политической элиты. Объективным является другой факт: СССР был тоталитарным государством, народы которого не отвечали за действия правителей Кремля. Сугубо эмоциональное и бескорыстное (под политическим углом зрения) выступление И. Драча отвечало интересам Л. Кравчука и возглавляемой им партноменклатуры, которая желала отойти от России на безопасное расстояние.

Кремль среагировал на подчеркивание украинскими государственными деятелями своей политической самостоятельности довольно снисходительно. Такая реакция с его стороны была вызвана спецификой курса на соби́рание отпавших земель. Курс был выработан сразу же после распада СССР. Он состоял в создании в постсоветских странах за счет сырьевых ресурсов России элитного социального слоя, связанного с Кремлем своими собственными экономическими интересами. Этот слой должен был заменить компартийно-советскую номенклатуру, которая была связана с центром только политическими интересами. Политический интерес исчез после конституционной реформы М. Горбачева, которая «обрезала» диктаторские функции правящей партии.

Замена опорного для Кремля социального слоя происходила почти незаметно, потому что восстановленная в своих правах частная собственность на средства производства сосредоточивалась, главным образом, в руках бывшей компартийно-советской номенклатуры. Влияние Кремля на этот процесс состояло, во-первых, в проникновении российского капитала в экономику бывших союзных республик и, во-вторых, в поддержании их зависимости от России (в случае с Украиной — по энергоносителям). Благодаря разному уровню внутрироссийских и мировых цен на нефть и газ в России и в Украине появилась немногочисленная, но влиятельная группа бизнесменов-олигархов.

Бизнес и политика в Украине тесно связаны. Теперь украинская элита больше не отталкивалась от России, и, опять-таки, — чтобы не потерять власть. 23 февраля 2003 года в Москве состоялась неформальная встреча четырех президентов — В. Путина, Л. Кучмы, Н. Назарбаева и А. Лукашенко, которая принесла сенсационный результат. Президенты подписали заявление с длинным названием — «О новом этапе экономической интеграции и о начале переговорного процесса по формированию Единого экономического пространства и созданию единой регулирующей межгосударственной комиссии по торговле и тарифам». Так в повседневную жизнь вошло новое понятие: единое экономическое пространство (ЕЭП).

Концепция и проект соглашения о создании ЕЭП были разработаны уже в августе 2003 года. В ряде украинских министерств к ним отнеслись очень критически, но на встрече в Ялте в сентябре 2003 года Соглашение об образовании ЕЭП было подписано. 20 апреля 2004 года Верховная Рада Украины приняла поименным голосованием закон о ратификации Соглашения о формировании ЕЭП. Не подлежит сомнению, что результаты голосования, а перед тем — определение позиции президента Украины Л. Кучмы и премьер-министра В. Януковича были следствием жесткого давления со стороны Российской Федерации. Накануне президентских выборов претенденты на власть нуждались в поддержке со стороны Кремля, а за поддержку нужно было брать на себя соответствующие обязательства.

Возможно, предыдущие абзацы покажутся читателям оторванными от рассматриваемой темы. На самом деле они составляют фон, на котором будут разворачиваться последующие дискуссии о характере украинского Голодомора.

Украинская компартийно-советская номенклатура в 1991 году связала независимую Украину с удушенной Кремлем Украинской Народной

Республикой. Это обеспечило историкам возможность свободно оценивать документальные источники и успешнее освобождаться из-под власти лицемерных коммунистических стереотипов. Однако это же создало трудности для взаимопонимания между историками Украины и России по некоторым острым проблемам, одной из которых является голод 1932—1933 годов.

Украинская и российская историографии все больше расходятся в оценках недавнего прошлого. В Украине происходит сплошная ревизия советской концепции «социалистического строительства». Наоборот, в России эта ревизия проходит поверхностно и выборочно. Созданная в кратком курсе «Истории ВКП(б)» образца 1938 года концепция «социалистического строительства» до сих пор господствует у наших соседей. В предисловии к российскому изданию знаменитого коллективного исследования французских (преимущественно) ученых «Черная книга коммунизма» Александр Яковлев в сентябре 1999 года с горечью писал: «Наши студенты и школьники продолжают учиться по тем же (по содержанию) учебникам, что и раньше».

Чтобы это заявление главного прораба горбачевской «перестройки» не показалось невероятным преувеличением, целесообразно подкрепить его выводами из историографической аналитики ведущего исторического журнала Российской академии наук — «Вопросы истории». В 2006 году журнал напечатал статью И. Чемоданова под парадоксальным для нас заглавием: «Была ли в СССР альтернатива насильственной коллективизации?». Автор утверждает, что существуют два подхода к поставленному вопросу, в том числе и такой: проведение массовой коллективизации было в целом оправданным. Далее он пишет: «Когда же встает вопрос о цене, которую заплатило крестьянство, защитники сплошной коллективизации только разводят руками: дескать, лес рубят — щепки летят, и за каждую победу нужно платить».

Это еще не все. Подытоживая обзор литературы, Чемоданов делает такой вывод: в середине 20-х годов была возможность для относительно динамичного развития промышленности за счет смычки с крестьянским хозяйством на основе нэпа, а уже в конце этого десятилетия такой возможности не существовало: развитие рыночных отношений в крестьянском хозяйстве оказалось несовместимым с усилением плановых основ в промышленности. Отсюда конечный вывод: «В этой ситуации выход оставался только один — массовая насильственная коллективизация».

Находясь в плену советских стереотипов, этот автор даже не задумался над тем, что усиление плановых основ в промышленности было следствием волюнтаристского решения сталинской команды возобновить начатый в 1918 году курс на коммунистическое строительство. Думаю, что нам и далее будет трудно находить общий язык со многими российскими учеными в вопросе о голоде-геноциде 1932—1933 годов, если они станут предлагать нам беспомощно развести руками и забыть о миллионах наших мертвых: «лес рубят — щепки летят». Позиция журнала «Вопросы истории» была бы более понятной лет двадцать назад, когда колхозный строй еще существовал, хотя находился в агонизирующем состоянии. Но о чем можно говорить теперь?

8. ПОЧЕМУ СТАЛ ВОЗМОЖНЫМ ТЕРРОР ГОЛОДОМ?

В арсенале Кремля был большой набор силовых мер, которые использовались для коммунистического строительства. Среди них — индивидуальные репрессии, которые время от времени приобретали массовый характер, «раскулачивание» зажиточной прослойки крестьян-собственников и даже крестьянской бедноты, если она не соглашалась на коллективизацию, террор голодом под видом хлебозаготовок, депортации больших масс населения по социальному или национальному признаку, «чистки» государственной партии от инакомыслящих и тому подобное. Используя массовый террор как метод государственного управления, руководители Кремля не считались с человеческими потерями даже в случаях, когда последние попадали под определенное в международном праве понятие — геноцид. Вот в этом и скрывается непостижимый для наблюдателей Запада секрет советского геноцида, несколько не похожего на геноцид евреев или армян.

Мы можем иметь претензии к содержательному наполнению понятия геноцида, которое разрабатывалось и утверждалось в Организации Объединенных Наций с участием представителей сталинского режима. Но замалчивавшийся до 1987 года голод 1932—1933 годов в Советском Союзе подпадает на территории УССР и Кубанского округа Северо-Кавказского края даже под недостаточно полное определение геноцида, которое уже существует в международном праве.

Наивно выглядели бы попытки отыскать в самых потаенных архивах искренние признания лиц, прямо причастных к организации голода-геноцида. Да они и не нужны. Искреннее признание могло быть «царицей доказательств» только в юриспруденции, возглавляемой Сталиным и Вышинским.

Террор голодом был потенциально возможным в государстве, создающем общественно-экономический строй, который не мог возникнуть естественным путем. Искусственный строй не отвечал интересам подавляющего большинства населения, а поэтому мог возникнуть только с применением силы. Там, где сила, там и террор.

Примененный на рубеже 1932—1933 годов террор голодом был не первым в Украине. Голод 1921 года помешал дальнейшей борьбе крестьянских отрядов Нестора Махно с большевиками. Именно голод, который приближался, стал своеобразной смирительной рубашкой для крестьян, которые с 1917 года бунтовали против всех властей. Когда Кремль установил эту закономерность, советская власть начала бороться с «кулацким бандитизмом» в южных голодающих губерниях Украины при помощи принудительных хлебозаготовок.

Чтобы понять ситуацию в Украине осенью и зимой 1932 года, а также способ реагирования на нее кремлевских кормчих, нужно, в первую очередь, сопоставить ее с ситуацией зимы — весны 1930 года.

В марте 1930 года нарастание крестьянского антиколхозного движения, особенно в пограничных округах Украины, настолько встревожило Сталина, что он отказался от коммунизации крестьянских хозяйств (как это сделал Ленин в 1919 году, и также в связи с массовыми восстаниями в Украине). Кремль оставил в «государстве-коммуне» островок частной собственности в виде «личной» собственности крестьян на приусадебный участок. Коллективизация сельского хозяйства в артельной форме была объявлена абсолютно добровольным делом. Прежний курс на принудительное «обобществление» крестьянской собственности стал отождествляться с «левацкими уклонами» местных органов власти.

В начале 1932 года ситуация в Украине казалась несравненно более острой. Вследствие проводимых силовыми методами хлебозаготовок из урожая 1931 года украинские крестьяне остались без хлеба. На протяжении первой половины года погибло от голода около 140—150 тыс. крестьян. Они погибали из-за того, что у них забрали весь хлеб — основной продукт питания. Погибали те, кого приусадебный участок не мог прокормить после того как забрали весь хлеб. Так же погибали крестьяне год спустя, то есть в первой половине 1933 года в Поволжье и во всех округах Северо-Кавказского края, кроме Кубанского. На Кубани и в УССР в первой половине 1933 года была уже совсем другая ситуация — Голодомор.

Информация к размышлению: советская власть в первой половине 1932 года не морила голодом украинцев из-за того, что они были украин-

цами, и не морила голодом крестьян из-за того, что они были крестьянами. Правительство закупило хлеб за границей, чего не делало никогда ранее, чтобы оказать помощь посевным и продовольственным зерном десяткам сельских районов Украины. Конечно, спасали не столько жизни крестьян, сколько урожай 1932 года.

Однако расчет на этот урожай не подтвердился. Хлебозаготовки провалились, и возможности государства обеспечивать централизованной поставкой по карточкам десятки миллионов людей резко снизились. В сложившейся ситуации Сталин послал чрезвычайные хлебозаготовительные комиссии в основные зернопроизводительные регионы.

Вследствие принудительного изъятия хлеба и снятия с карточного снабжения многих категорий населения в стране вспыхнул голод, а с ним — и политический кризис. Его нельзя было скрыть за громкими газетными сообщениями о вводе в действие Днепрогэса и других новостроек первой пятилетки. О том, что советское тоталитарное государство отобрало у населения не только политическую свободу, но и частную собственность на средства производства вместе со свободой предпринимательства, сказано во всех учебниках. Не подчеркивается, однако, прямое следствие политико-экономической несвободы: обязательство государства каждый день кормить население.

Вместо того, чтобы принять меры к облегчению состояния голодающего населения УССР и Кубани (подобно тому, как это было сделано в первой половине 1932 года), Кремль провел конфискацию нехлебных продовольственных запасов, то есть террор голодом.

Советские репрессии всегда имели предупредительный характер. Сталин не ждал, пока неблагоприятная ситуация вызреет, чтобы потом на нее реагировать. Превентивными ударами уничтожались или изолировались те, кто мог бы воспользоваться кризисом, чтобы покончить с «диктатурой пролетариата», которая сконцентрировалась в руках кремлевских олигархов. Какую угрозу представляли для Кремля УССР и Кубань, то есть Украина?

Мы привыкли анализировать события межвоенного периода под углом зрения представлений, которые сформировались позже, уже в послевоенный период. Кроме обычной аберрации исторического зрения, очерчиваемой понятием «презентизма» (то есть влияния эпохи, в которой живет исследователь, на его анализ предыдущих эпох), такая привычка объясняется и стабильностью политического режима. Тот режим, который сформировал В. Ленин за несколько месяцев после октябрьского пе-

реворота 1917 года, реально не менялся вплоть до конституционной реформы М. Горбачева. Однако следует внести коррективы в два обстоятельства, которые имеют отношение к анализируемой проблеме. Первое обстоятельство касается политического веса И. Сталина, а другое — функционирования Советского Союза как многонационального государства имперского типа.

Сталин пришел к единоличной власти после жесткой и длительной (с 1922 по 1928 год) борьбы внутри политбюро ЦК ВКП(б). С 1929 года он оказывал решающее влияние на принятие судьбоносных государственных решений, но еще не стал тогда всевластным диктатором, которым его запомнили. В 1929—1932 годах судьба возглавляемой Сталиным политической группы повисла на волоске. Вызванный сверхвысокими темпами индустриализации, политико-экономический кризис мог в любой момент обостриться настолько, что возникала угроза устранения сталинской группы от власти. Вождю было что терять, а мы знаем, что он не останавливался перед самыми масштабными преступлениями, которые содействовали укреплению власти. Превращение Сталина из формального в фактического диктатора стало следствием Голодомора и Большого террора. Это обстоятельство нужно учитывать при определении мотивов действий генсека в кризисной ситуации 1932—1933 годов.

Второе обстоятельство, которое повлияло на решение Кремля применить против Украины такое оружие, как террор голодом под прикрытием хлебозаготовок, связано с двойственной природой Советского Союза. С одной стороны, это было унитарное государство с централизованным управлением. С другой стороны, это была федерация союзных государств, каждое из которых имело право сепарации (выхода из федерации), закрепленное в собственной и в союзной конституциях. Федерацию союзных государств превращала в унитарное государство «диктатура пролетариата», суженная до диктатуры Кремля. Кризис в руководстве государственной партии разрушал силовое поле, в котором удерживались в рамках федерации союзные республики.

Мы привыкли к такому Советскому Союзу, каким он стал после Голодомора и Большого террора. Это была унитарная страна, в которой напоминание о конституционном праве на сепарацию со стороны кого-либо рассматривалось как измена Родине и наказывалось казнью или максимальным сроком тюремного заключения (прецедент Левка Лукьяненко). «Мы» означает в данном случае — все мы, советские люди, начиная с ру-

ководящих деятелей высшего ранга. Когда вследствие конституционной реформы М. Горбачева силовое поле компартийной диктатуры исчезло и каждая союзная республика получила возможность выйти из империи, созданной «железом и кровью», почти все руководители отсиживались в своих столицах, ограничившись декларациями о государственном суверенитете. Все эти руководители республик напоминали птенцов, которые родились в клетке и не осмеливались вылететь, когда открылась дверца. Ситуацию подорвал только путч высших руководителей союзного государства, которые оставались без работы после подписания нового Союзного договора.

Каким был Советский Союз до Голодомора и Большого террора? Нужно признать, что это была фальшивая федерация, в которой Кремль поставил во главе республик своих людей. Эти люди привыкли повиноваться железной партийной дисциплине. Но они не забывали ни потребностей собственных республик, которые были для них странами, объединенными вокруг Кремля, ни своих конституционных прав. Даже Л. Каганович называл Украину страной в переписке со Сталиным.

Особенно «нахально» вели себя руководители того ответвления унитарно построенной ВКП(б), которое называлось Коммунистической партией (большевиков) Украины. Они добились, чтобы бюро ЦК КП(б)У было названо политическим бюро, а первый секретарь ЦК — генеральным секретарем (так продолжалось до 1934 года). Они постоянно требовали от Кремля присоединения к УССР пограничных районов Российской Федерации с преимущественно украинским населением. Особую настойчивость они проявляли в отношении Кубани, а тем временем развернули активную деятельность в плане украинизации кубанских органов власти, образовательных учреждений, средств массовой информации. Официальную политику коренизации, которую Кремль стал проводить после образования Советского Союза с целью укоренения органов советской власти в национальных республиках, они превратили в политику дерусификации, а русских в УССР стали всерьез рассматривать как национальное меньшинство.

Что можно добавить к уже сказанному? По-видимому, то, что УССР даже без Кубани была самой мощной национальной республикой. Ведь ее экономический и людской потенциал равнялся потенциалу всех других союзных республик, за исключением РСФСР, вместе взятых. По-видимому, можно прибавить и то, что украинский народ за 12—15 лет до Голодомора имел собственную национальную государственность, и Кремль

смог заменить ее советской только после трех «освободительных походов» в Украину. Имело значение и то, что УССР граничила с европейскими странами, а в Польше существовал 8-миллионный украинский анклав, который ждал свержения большевистской власти и воссоединения с Великой Украиной.

Сталин действительно имел основания для нанесения предупредительного удара по гражданам УССР и Кубани в кризисной ситуации 1932—1933 годов.

9. ВЫВОДЫ

В мае этого года «День» напечатал мою статью «Общество и государство на весах истории», посвященную событиям последних двух десятилетий. В ней, среди прочих, анализировался «русский вопрос» в Украине. Выдвигалась, в частности, мысль о том, что успешное развитие Украины как государства, отличного от России, обеспечивается при соблюдении двух условий: во-первых, толерантности и выдержки в отношении «внутренней России» — русскоязычных украинцев и русских; во-вторых, сохранения дружественных отношений с русским народом при достижении полной независимости от Российской Федерации — как политической, так и экономической.

Такой вывод понравился не всем. Один из коллег, который в прошлом занимал высокую государственную должность, напомнил мне тезис советской пропаганды перед нападением Германии на СССР: мол, когда Гитлер попытается напасть на первое в мире государство рабочих и крестьян, то мобилизованные в армию немецкие пролетарии повернут против него свое оружие. Эти расчеты были построены на песке, и так же, замечал он, нельзя теперь Украине надеяться на поддержку русского народа в противовес линии руководителей РФ.

Думаю, все-таки, что бояться русского народа нам не стоит. Аргумент с немецкими пролетариями неубедителен хотя бы потому, что СССР не был первым в мире государством рабочих и крестьян. Кроме того, и это главное, ситуация в мире за последние 50—100 лет радикально изменилась. В отличие от государственных и политических деятелей, многие из которых продолжают мыслить по инерции категориями контроля над территориями, народы хотят жить без границ. Они имеют право свободно выбирать своих руководителей и ожидают от них эффективного управления, которое обеспечит позитивную динамику благосостояния, дружбу с соседними странами, вхождение в

мировое экономическое и гуманитарное пространство и заботу о сохранении национальной идентичности. Опасения вызывают не народы, а элиты, которые манипулируют сознанием людей. Но их возможности ограничены.

Пересмотр советских исторических концепций идет в Украине и в России с различной скоростью. Поэтому образовались конфликтные узлы, которые негативно влияют на украинско-российские отношения. К их числу следует отнести проблему ОУН-УПА или оценку голода 1932—1933 годов. В исследовании таких проблем нам нужно добиваться только одного — исторической истины. Исторические мифы могут казаться полезными. Но они представляют собой только средство манипулирования сознанием, на них не построишь собственной истории.

Поскольку Украина во время пребывания в СССР подверглась ужасающим репрессиям, включая Голодомор, у некоторых представителей нашей общественности возникает желание «выставить счет» государствообразующей нации в многонациональном союзном государстве, то есть русскому народу. Тем более, что Российская Федерация не спешит отказываться от советского наследия.

Когда раздаются такие призывы, они разъединяют не только соседние народы, но и население самой Украины. Лишенные исторической достоверности утверждения становятся русофобией, которая одинаково неприятна почти всем слоям украинских граждан. Хотя изучение голода 1932—1933 годов в самой РФ не поощряется, из трудов западных исследователей становится понятным, что другие регионы в совокупности понесли от голода не меньше человеческих потерь, чем Украина (правда, если считать Кубань в составе Российской Федерации, где она тогда находилась и теперь уже всегда будет находиться).

Когда наши общественно-политические деятели обвиняют Кремль в уничтожении этнических украинцев, они часто встречаются с недоверчиво-скептической реакцией. Отождествление Голодомора с Холокостом не выдерживает критики, хотя в конечном итоге в 1932—1933 годах истреблялись как раз этнические украинцы. Сталин уничтожал не этнических украинцев как таковых, а граждан Украины, то есть представителей украинской национальной государственности, которая была для него опасной даже в советской форме.

Мы не можем оставить правду о Голодоморе недоступной пониманию международной общественности и граждан самой Украины. Мы обязаны показать, почему кремлевская нелюдь приняла решение о вполне осоз-

нанной, заранее рассчитанной и тщательно обеспеченной хорошо продуманными организационно-политическими мерами человекоубийственной акции на части территории своей собственной страны.

Правда о Голодоморе должна быть лишена эмоциональных преувеличений, хотя бы в отношении численности погибших. Иначе она будет восприниматься не как правда, а как пропаганда.

Правда о Голодоморе является частью исторической памяти народа. Восстановление исторической памяти прямо связано с освобождением сознания народа от советских стереотипов. К сожалению, среди многих институтов, которые возникли в Украине после 1991 года с целью утверждения ее независимости, до сих пор не было института, призванного заниматься коррекцией, оздоровлением и восстановлением национальной памяти. Вследствие полного отсутствия просветительской работы большая часть украинского общества не может вынести объективное суждение о балансе достижений и провалов двух первых десятилетий советского периода, то есть эпохи коммунистического строительства. В сознании этих людей и до сих пор господствуют искаженные оценки краткого курса «Истории ВКП(б)». Голод-геноцид 1932—1933 годов явно не вписывается в эти оценки, как мы уже видели.

Трагедия украинского народа привлекает все большее внимание зарубежных исследователей, особенно в Италии, Германии, Польше. 24 ноября 2005 года литовский парламент принял резолюцию в память жертв политических репрессий и голода-геноцида 1932—1933 годов в Украине. 20 декабря 2005 года такую же резолюцию принял парламент Грузии, а 16 марта 2006 года — Сенат Польши.

Эту статью хотелось бы завершить словами, которыми заканчивается резолюция польского Сената:

«Сенат Республики Польша отдает почести всем замученным в период Большого Голода в Украине, а также тем немногочисленным героям, которые часто с оружием в руках боролись против угрозы уничтожения народа, против коммунистической тирании, лицемерия и лжи. Мы солидаризируемся с действиями украинского народа, а также президента, парламента, правительства, органов самоуправления, ветеранских объединений, отмечающих эту трагедию, которая как предостережение перед тоталитарной идеологией никогда не может быть забыта».

4 октября 2006 года

III. Голодомор 1932—1933 годов как геноцид: пробелы в доказательной базе

Отечественная история XX века требует от исследователя не только наивысшей степени профессионализма, но и мужества. Некоторые исторические проблемы остаются раскаленными докрасна. Исследователи, не желающие согласовывать добытые заключения с политическими реалиями сегодняшнего дня, рискуют натолкнуться на неприятности.

Дело не только в том, что современность связана с прошлым, а иногда является его прямым продолжением. Сомнительным остается само качество прошлого, и это — главное. В отличие от стран «капиталистического окружения», развивавшихся по объективным историческим законам, Страна советов в первые 20 лет вырастала из головы своих вождей, а потом медленно деградировала, оставляя свои мифы в головах поколений, воспитанных ленинско-сталинскими идеологами. Исследователю советской эпохи не так просто разобраться в ее хитросплетениях. Так же трудно доказать истинность добытых заключений гражданам, сознание которых сформировалось в советское время.

Одной из раскаленных остается проблема Голодомора 1932—1933 годов. Хотя нас отделяет от этого события почти три четверти века, она и до сих пор вызывает разные суждения, потому что остается оружием в политической борьбе.

1. ПАМЯТЬ О ГОЛОДОМОРЕ

Голодомор уже трижды накрывал собой общество. Впервые это случилось в 1932—1933 годах, когда в УССР и на Кубани погибли от искусственно организованного голода миллионы людей. Средства массовой информации были тогда переполнены сообщениями о торже-

ственных пусаках новостроек первой пятилетки. Ни одного слова они не нашли для сообщения о голоде, равного которому не наблюдалось нигде и никогда.

Во второй раз это случилось в 1988—1991 годах, когда медленная деградация советского строя сменилась скачкообразным распадом. Сначала политика гласности, а затем полная отмена цензуры позволили увидеть до наименьших деталей апокалиптические картины Голодомора.

В третий раз это случилось в 2002—2006 годах. 70-я годовщина Голодомора заставила задуматься над вопросом о квалификации трагедии. В беспрецедентно остром противостоянии Верховная Рада признала Голодомор геноцидом. Закон подвел черту под очередным этапом в политической борьбе вокруг этой проблемы, но не положил ей конец.

Следует признать, что проблема Голодомора политизирована с самого начала. Наши соотечественники в Северной Америке небезосновательно считали, что она является наиболее уязвимым местом в идеологических конструкциях советских пропагандистов. Именно из-за этого в диаспоре сделали все возможное, чтобы заработала комиссия Джеймса Мейса. Вдуматься только: парламент заокеанской сверхдержавы создал комиссию по расследованию беспрецедентного преступления, сначала совершенного, а затем более полусотни лет замалчивавшегося правительством сверхдержавы-соперницы. Теперь ситуация стала другой, но с политической точки зрения она осталась не менее напряженной: борьбу за влияние на Украину ведут между собой США и Россия. Голодомор в этой борьбе опять признан чем-то таким, что можно использовать как оружие.

Украинский народ долго оставался без государственности, а поэтому и без надлежащим образом артикулированных национальных интересов. Но теперь мы имеем государство и собственные интересы. Что касается проблемы Голодомора — они состоят в том, чтобы объективно оценить национальную трагедию и отдать должное тем, кто погиб жестокой смертью. Верховная Рада выполнила эти задачи, когда приняла закон о Голодоморе. Никто из граждан не должен рассматривать принятие этого закона как победу или поражение. Закон подтверждает вывод комиссии Мейса о геноциде, это правда. Исходя из ситуации, существовавшей до 1991 года, можно считать, что США что-то приобрели, а Россия что-то потеряла. Однако мы не обязаны прислушиваться к людям из-за границы, которые не могут или не хотят отойти от американ-

ско-советской борьбы за мировое господство, ведь она давно уже принадлежит историкам. Для таких людей Голодомор — это всего лишь абстрактный эпизод чужой истории. Для нас — это гибель родителей, дедов и прадедов. Давайте подойдем к закону о Голодоморе под углом зрения собственных интересов — семейных, общественных, национальных. Нельзя допускать омертвления национальной памяти.

2. ДОКАЗАТЕЛЬНАЯ БАЗА СУЩЕСТВУЕТ!

Голодомор был результатом преступления группы подонков, которая имела власть и опыт, чтобы замаскировать не только свои намерения, но и механизмы их осуществления. Из-за этого квалификация данного преступления как геноцида по большей части опиралась на фиксации последствий, то есть на факте гибели миллионов людей на протяжении последнего квартала 1932-го и первого полугодия 1933 годов. Однако уже накоплено достаточно документальных данных, чтобы создать доказательную базу для квалификации действий Сталина и его ближайшего окружения в юридических понятиях, которые содержит в себе Конвенция ООН «О предотвращении преступления геноцида и наказании за него» от 9 декабря 1948 года. Попробую кратко зафиксировать результаты труда большого количества ученых разных стран на протяжении двух десятков лет.

В первую очередь, следует разделить разные по происхождению украинско-кубанский и казахский голодоморы от голода, который господствовал в Советском Союзе в 1932—1933 годах. Голод охватил тогда основную территорию страны, за исключением крупных городов, новостроек и сельской местности, в которой не производился в достаточных количествах товарный хлеб. Он был закономерным, хотя и нежелательным для власти следствием авантюристической политики «ускоренного строительства экономического фундамента социализма», которая осуществлялась методом проб и ошибок. Наоборот, украинско-кубанский голодомор стал следствием заблаговременно просчитанного и отлично организованного террора голодом, который Кремль применил для предупреждения социального взрыва. Такой взрыв в ситуации острого кризиса угрожал устранением сталинской команды из Кремля, а что касается Украины, как признавал сам Сталин (и это документально доказано), — выходом ее из Советского Союза.

Голодомор в Украине был одним из эпизодов в построении силовыми средствами такого социально-экономического строя, который отвечал по

своим параметрам тоталитарному политическому режиму. Это не означает, однако, что он имел социально-экономическую природу. Это означает только то, что социально-экономический фундамент под большевистский режим строился во многонациональной стране с ярко выраженными традициями национально-освободительной борьбы. Социально-экономическую природу имел голод 1932—1933 годов в Советском Союзе, поскольку он был обусловлен безответственным форсированием темпов индустриализации, разрушением наиболее зажиточных крестьянских хозяйств, безоглядным изъятием выращенного урожая у колхозов и индивидуальных хозяйств.

Приходится признать, что голод в СССР и Голодомор в УССР и на Кубани остаются в повседневном сознании неотделимыми друг от друга. Это свидетельствует о неспособности ученых сделать свои заключения доступными для широких кругов общества.

Существует еще одна причина, которая мешает обществу поставить украинский Голодомор в контексте событий на должное место. Тогдашние социально-экономические преобразования «освящаются» мощным всплеском революционной активности народных масс, который развалил Российскую империю. Здесь хорошо поработали ленинско-сталинские пропагандисты первого поколения. На самом деле, однако, коммунистический эксперимент не имел ничего общего с народной революцией. Революция исчерпала себя с разгоном Учредительного собрания в январе 1918 года. Эксперимент начался с весны 1918 года, когда ленинская партия была переименована в коммунистическую. Тогда же появились программная статья В. Ленина «Очередные задачи Советской власти» и популярная брошюра М. Бухарина «Программа коммунистов (большевиков)», которые указывали направление социально-экономических преобразований.

Коммунистический эксперимент осуществлялся силовыми средствами и потому представлял собой почти непрерывную цепь преступлений государства против общества. Террором и пропагандой вожди за два десятка лет создали строй, который в основном соответствовал их представлениям о коммунизме. Завершающим штрихом в создании этого строя стали демагогическая Конституция 1936 года и грандиозная зачистка «врагов народа» в 1937—1938 годах.

Голодомор в Украине был следствием определенного совпадения событий на пересечении крестьянской и национальной политики Кремля. Цель крестьянской политики заключалась в лишении сельских произво-

дителей частной собственности на средства производства. Коллективизация сельского хозяйства ставила их в прямую зависимость от государства. Национальная политика была направлена на превращение союза стран, которым был Советский Союз до Голодомора 1932—1933 годов и массового террора 1937—1938 годов, в централизованное государство с некоторыми языково-культурными послаблениями для «титulyных наций» в союзных республиках.

Особенно сильное сопротивление принудительной коллективизации сельского хозяйства наблюдалось в Украине — наибольшей по человеческому и экономическому потенциалу национальной республике на границе с Европой. Весной 1930 года Сталин вынужден был на несколько месяцев прекратить сплошную коллективизацию вследствие крестьянской войны, которая уже начиналась, особенно в Украине. Одновременно он пошел на уступки крестьянству, отказавшись от коммун. Крестьянам оставили приусадебный участок, с которого, как считал Сталин, они должны были питаться, работая практически без оплаты в коллективном хозяйстве.

В 1930—1932 годах государство забирало себе весь урожай зерновых в хлебопроизводящих регионах. Каждый раз, когда вследствие драконовских хлебозаготовок в сельской местности начинался голод, Сталин возвращал часть отобранного, чтобы обеспечить пропитание колхозников и очередную посевную кампанию. Трехлетние хлебозаготовки такого характера вместе с «подхлестыванием» капитального строительства в промышленности стали причиной упомянутого выше экономического кризиса. В ситуации, возникшей на изломе 1932—1933 годов, Сталин отказался от «подхлестывания» темпов индустриализации и перешел в хлебозаготовках к налоговому принципу, то есть признал право собственности колхозов и колхозников на ту часть урожая, которая оставалась у них после уплаты фиксированного налога в натуральной форме. Признавалось и право колхозников реализовывать свою часть урожая на свободном рынке по ценам спроса и предложения. Колхозный строй получал определенную автономию в плановой экономике. Благодаря этому в Советском Союзе сохранились остатки товарно-денежных отношений. Советское хозяйство приобрело тот вид, который сохранялся до 1991 года.

В публикациях в газете «День» я подчеркивал разницу между Голодомором в УССР и на Кубани и голодом в других регионах СССР: голодный мор вызывался конфискацией всего продовольствия в крестьянских

усадебках, а голод — только хлебозаготовками. Документы свидетельствуют, что в последнем квартале 1932 года Кремль начал применять в Украине натуральные штрафы к тем крестьянам, у кого не обнаруживали хлеб во время обысков. Десятки, а вскоре и сотни сел были занесены на «черную доску», что давало заготовителям основания для конфискации всего имеющегося в наличии продовольствия. И, наконец, 1 января 1933 года Сталин через ЦК КП(б)У обратился к крестьянам Украины. Зная о том, что хлеба на селе уже нет (это показали обыски), он потребовал немедленно ликвидировать задолженность по хлебозаготовкам. Сталинская телеграмма на деле оказалась условным сигналом для чекистской операции по изъятию накопленных крестьянами до нового урожая продовольственных запасов. Операция проводилась в январе почти на всей территории Украины (кроме пограничных районов). С начала февраля она сменилась противоположной: крестьян, которые еще сохраняли способность работать, начали подкармливать через колхозы, которые готовились к весенней посевной кампании.

Искать в секретных архивах доказательную базу геноцида больше не нужно. Документы давно опубликованы. Достаточно только посмотреть на них под определенным углом зрения, чтобы головоломка сложилась в единое целое.

Такое суждение я уже высказал в одной публикации и считаю нужным повторить его. В буклете коммунистов, который распространялся в Верховной Раде во время обсуждения законопроекта о Голодоморе, оно было вот как интерпретировано: «В публикации профессора Кульчицкого... вместо ориентации на поиск истины содержится установка на достижение политической целесообразности. Он пишет: «Есть аргументы в подтверждение геноцида в виде террора голодом, стоит только прочитать эти документы под нужным углом зрения».

Привожу этот выверт, чтобы мое мнение о полноте доказательной базы стало совсем прозрачным. Ведь мы часто смотрим на документ в отрыве от контекста, а поэтому его не видим. Я не знаю, почему первый секретарь ЦК КПУ Владимир Ивашко на заседании политбюро ЦК 26 января 1990 года пошел против течения и дал «зеленый свет» появлению книги «Голод 1932—1933 годов на Украине: глазами историков, языком документов». Могло быть два объяснения. Он сказал тогда, что родился во время голода, и родители рассказывали, как тяжело было его спасать. Возможно, однако, что руководители КПУ уже приняли решение пуститься в свободное плавание и при помощи ин-

формации о голоде отойти от Москвы на безопасное расстояние. Исходя из дальнейших действий Ивашко, более достоверно первое объяснение.

Я сидел на том заседании и переживал, не изымут ли из комплекса документов правительственное и партийное постановления с пунктами о натуральных штрафах. Не изъяли, потому что не понимали, что их применение предопределяло ужасающую разницу между голодом в Украине и в России. В постановлении ЦК КПУ, позволившем публикацию документов, украинский голод объяснялся только избыточным изъятием хлеба.

Значение натуральных штрафов для создания ситуации глубокого голода я тогда понимал. Но полтора десятилетия не обращал внимания на другой документ из этого же сборника — от 1 января 1933 года за подписью секретаря ЦК ВКП(б) И. Сталина (№133). Составители дали ему длинное название: «Телеграмма ЦК ВКП(б) Центральному Комитету КП(б)У с объявлением постановления ЦК ВКП(б) от 1 января 1933 г. о добровольной сдаче государству колхозами, колхозниками и единоличниками ранее скрытого хлеба и применении строгих мер относительно тех, кто будет продолжать скрывать от учета хлеб». Понимание ужасного содержания сталинской телеграммы пришло ко мне лишь недавно.

Западные историки понимают мотивы младотурков, которые уничтожали армян, или нацистов, уничтожавших евреев. Однако не все способны осознать мотивы правительства, уничтожавшего собственных граждан. Но ведь террор голодом — это лишь разновидность массовых репрессий, которые закончились только со смертью Сталина. И даже не Сталин первым воспользовался этой репрессией. Террор голодом советская власть применила в 1921 году, когда проводила хлебозаготовки в уже голодающем из-за засухи украинском селе. Углубление голода при помощи заготовок было применено на юге Украины как средство борьбы с крестьянскими повстанческими отрядами.

Расчет на узду, которой оказался глубокий голод, охвативший после новогодней сталинской телеграммы всю Украину, оказался верным. Лишенные сначала хлеба, а затем и всех других продовольственных запасов, крестьяне не имели физических сил, чтобы подняться против государства, как они это сделали в первой половине 1930 года. Теперь они с благодарностью принимали продовольственную помощь от государства или покорно умирали, будучи изолированными в своих селах от окружающего мира.

Завершая тему, нужно подчеркнуть разницу между голодом 1932—1933 годов в Украине и украинским Голодомором 1932—1933 годов. Два года — это длительный срок: за это время в СССР успели состояться и голод 1932—1933 годов, во всем похожий на голод в других регионах товарного земледелия, и Голодомор, с которым можно сравнить только кубанский голод.

Голодный мор качественно отличался от голода, что проявлялось прежде всего в десятикратно большем количестве жертв. Насколько я ориентируюсь в теме, нужного водораздела между голодом и Голодомором до сих пор не сделали даже те, кто профессионально изучает последовательность событий в украинском селе в 1932—1933 годах. В «Украинском историческом журнале» (2006, №6) опубликована моя статья «Голод 1932 г. в тени Голодомора-33». Кратко остановлюсь на ее выводах, потому что доказательную базу геноцида нужно строить на отличии общесоюзного, в том числе украинского, голода от сугубо украинского Голодомора.

В первой половине 1932 года от голода, обусловленного конфискацией урожая 1931 года, в Украине погибло до 150 тыс. крестьян. Однако народоубийство хлебозаготовками не подпадает под определение геноцида в Конвенции ООН. Тем более, что с апреля 1932 года Кремль начал проявлять «трогательную» заботу о прекращении смертности среди украинских крестьян. Из портов была возвращена уже подготовленная к экспорту кукуруза и пшеница, правительство закупило небольшие партии хлеба в соседних странах.

3 февраля 2007 года

Пик вызванного хлебозаготовками голода пришелся на июнь 1932 года, когда количество смертей в сельской местности Украины впервые превысило количество рождений. С октября 1932 года смертность опять начала превышать рождаемость. Это превышение уже связывалось не столько с драконовскими хлебозаготовками, сколько с выборочным, но масштабным штрафованием «должников» картофелем, мясом и салом, если во время обысков заготовители не находили хлеб. После сталинской телеграммы чекисты при помощи голодающих немощных осуществили под видом заготовок одномоментную операцию изъятия всех продовольственных продуктов. Это обусловило увеличение смертности с 35 тыс. человек в декабре 1932 года и 44 тыс. в январе 1933 года до 136 тыс. в марте, 174 тыс. в апреле, 253 тыс. в мае и

361 тыс. человек в июне. Следует принять во внимание два обстоятельства: а) названные цифры отражают как естественную, так и неестественную смертность; б) государственная демографическая статистика насчитала в 1933 году на селе менее половины смертных случаев, причем недоучет прогрессивно возрастал вследствие обусловленной голодом дезорганизации жизни.

Каждое из приведенных выше положений имеет документальное подтверждение, а все они вместе взятые образуют большую по объему монографию. Вполне возможно, что некоторые положения этой еще не опубликованной книги в будущем будут пересматриваться. Но я уже убедился на опыте своей предыдущей монографии о Голодоморе (1991 года издания), что во время пересмотра лишь углубляются и уточняются выводы, основанные на фактах, а не заменяются другими.

Кстати, в украинской постсоветской историографии отсутствуют книги, посвященные непосредственно коллективизации, потому что специалисты соответствующего профиля бросились изучать Голодомор. Но голод в советском селе был порождением и следствием коллективизации. Поэтому мне приходилось опираться на исследования западных ученых, которые за последние два десятилетия получили доступ к архивам Кремля. Например, кризисная ситуация в СССР весной 1930 года хорошо освещена в монографии Линн Виолы «Крестьянские восстания в эпоху Сталина» (1996). Канадская исследовательница доказала, что Сталин написал знаменитую статью «Головокружение от успехов», в которой отказывался от принудительной коллективизации, под очевидным воздействием событий на пограничном украинском Правобережье.

3. КАК МЫ ШЛИ К ПРИЗНАНИЮ ГОЛОДОМОРА ГЕНОЦИДОМ

В довоенные времена Украина пребывала в эпицентре массовых репрессий. После войны репрессии сосредоточились в западных областях, а со смертью Сталина совсем стихли. Это сразу сказалось на прочности советского строя, который родился благодаря насилию. Премники Сталина с целью самосохранения вынуждены были обратить особое внимание на повышение материального и культурного уровня жизни советских людей. Неизбалованные ранее вниманием государства, люди должным образом оценили заботу партии о своем благосостоянии (используя это сугубо советское словосочетание без всякой иронии). Страна приобрела второе дыхание и продолжительное время мог-

ла на равных конкурировать с американцами в ракетно-ядерной и космической гонке.

Однако советская экономика была неэффективной по определению. Она не могла удовлетворить колоссальные обязательства сверхдержавы и растущие потребности собственного населения. Некоторое время страна держалась на поверхности благодаря нефтедолларам и своей золотодобывающей промышленности. Но со временем стали остро необходимыми радикальные реформы в политической и экономической сферах. М. Горбачев с оптимизмом начинал «перестроечную» политику, но оказалось, что советский строй не подлежит реформированию. СССР начал раскалываться по периметру границ союзных республик, когда конституционная реформа последнего генсека ликвидировала силовое поле кремлевской диктатуры. В этой ситуации актуализировалась проблема голода 1932—1933 годов.

О голоде в Украине знали почти все, но публичное упоминание этой мрачной страницы прошлого запрещалось. Запрет длился десятилетиями, потому что голод нельзя было отделить от коллективизации. В юбилейной речи в ноябре 1987 года М. Горбачев опять назвал коллективизацию села огромным достижением КПСС. Однако через полтора месяца В. Щербицкий вынужден был в речи, посвященной юбилею советской Украины, признать факт голода. Сделать это заставила его эффективная работа комиссии Конгресса США по голоду 1932—1933 годов в Украине.

Сталинские чекисты физически истребили поколение, принимавшее участие в Украинской революции. Сталинские пропагандисты воспитали следующее поколение в коммунистическом духе. Духовная связь между поколениями прервалась. Однако в головах многих воспитанников советской школы, благодаря информации о Голодоморе и других преступлениях сталинского режима, произошел переворот. Они усвоили уроки национально-освободительной борьбы под знаменами УНР и донесли их до сознания масс. Государственная символика УНР была взята на вооружение республиканской компартийно-советской номенклатурой. Суверен-коммунисты в ЦК КПУ желали преобразовать республику в подлинное государство и отойти на безопасное расстояние от Москвы.

Мероприятия по случаю 60-й годовщины Голодомора оказались достаточно скромными. Однако Л. Кравчук в выступлении 9 сентября 1993 года на международной научной конференции назвал голод 1933 года спла-

нированной акцией и геноцидом против собственного народа. Не ограничиваясь этим, он добавил: «Да, против собственного народа, но по директиве из другого центра. Очевидно, именно так следует трактовать эту ужасающую страницу нашей истории».

В последующие годы номенклатурная «партия власти» пыталась не вспоминать темные страницы советского бытия. Только в 65-ю годовщину Голодомора под давлением некоторых народных депутатов и американской диаспоры Л. Кучма указом от 26 ноября 1998 года установил День чествования памяти жертв Голодомора — четвертую субботу ноября.

Радикальное изменение в отношении украинской власти к Голодомору произошло в связи с приближением очередной круглой даты. 20 марта 2002 года Л. Кучма издал Указ «О мероприятиях в связи с 70-летием Голодомора в Украине». В нем были учтены рекомендации научных и общественно-политических организаций относительно привлечения внимания граждан к этому трагическому событию. 21 ноября Верховная Рада впервые за все время существования отреагировала на Голодомор: 229-ю голосами она высказалась за проведение парламентских слушаний в память его жертв. В День памяти жертв Голодомора и политических репрессий Л. Кучма обратился к гражданам с посланием, в котором признал: это был целенаправленный, тщательно спланированный геноцид против украинского народа. «Мы должны, — заявил тогда президент Украины, — донести до международного сообщества правду о Голодоморе, о его причинах и последствиях, добиться его признания международным сообществом как акта геноцида против украинского народа». 28 ноября состоялось еще одно знаменательное событие: Верховная Рада в постановлении о 70-летию Голодомора высказалась в унисон с президентским указом за необходимость инициировать признание международным сообществом акта геноцида украинского народа.

Парламентские слушания, посвященные чествованию памяти жертв Голодомора, состоялись 12 февраля 2003 года. Открывая заседание, председатель Верховной Рады В. Литвин сказал: «Наши соотечественники, обреченные на голодную смерть, не знали такого слова «геноцид», но они стали фактически его жертвами и страдальческой своей судьбой посылают нам предостережение сквозь ход времени, через расстояние прожитого и пережитого следующим поколением!» На обсуждение присутствующих был поставлен доклад вице-премьер-минис-

тра Д. Табачника. Руководствуясь определением геноцида, которое имелось в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 года и в Конвенции ООН «О предотвращении преступления геноцида и наказании за него» от 9 декабря 1948 года, Табачник заявил, что все признаки этого преступления имеются в наличии в документации о Голодоморе 1932—1933 годов.

К вопросу о Голодоморе Верховная Рада опять вернулась на специальном заседании 14 мая 2003 года. Было подготовлено Обращение к украинскому народу, в котором Голодомор признавался актом геноцида. «Мы считаем, — говорилось в обращении, — что квалификация этой катастрофы украинской нации как геноцида имеет принципиальный смысл для стабилизации общественно-политических отношений в Украине, является важным фактором восстановления исторической справедливости, морального исцеления нескольких поколений от страшного социального стресса, неоспоримым доказательством необратимости процессов демократизации общества, строгим предостережением попыткам установить в Украине новую диктатуру, пренебрегать самым главным правом человека — правом на жизнь».

Приведенные слова стали убедительным основанием для обращения к международному содружеству. Но не все считали вопрос о юридической квалификации украинской трагедии актуальным. Количество народных избранников, присутствовавших на специальном заседании, оказалось недостаточным, чтобы поставить это обращение на голосование. Только на следующий день председатель парламента постарался собрать необходимые 226 голосов, чтобы обеспечить позитивное голосование.

Отозвавшись на просьбу Украины, Генеральная Ассамблея ООН в ноябре 2003 года одобрила Совместное заявление по случаю 70-й годовщины Большого голода 1932—1933 годов. Соавторами этого документа стали 36 государств-членов ООН, в том числе и Российская Федерация. Принятие документа, в котором Голодомор определялся как национальная трагедия украинского народа, следует считать полупоражением украинской дипломатии. Суть в том, что МИДУ Украины пришлось снять определение Голодомора как геноцида, чтобы принятие документа стало возможным. Благодаря неуступчивой позиции Российской Федерации был понижен и уровень документа — с Резолюции ООН до Совместного заявления. Вместе с тем Россия, подписывая Совместное заявление, впервые признала сам факт Голодомора, то

есть ужасающие масштабы и тяжелые последствия общесоюзного голода для украинского народа.

В деятельности третьего президента Украины страницы отечественной истории заняли ведущее место. В. Ющенко считает, что сплочение нации возможно только при обеспечении глубокого осмысления исторического прошлого. С этой целью, в частности, создается Украинский институт национальной памяти.

Чтобы опять обратиться в 2008 году к ООН с вопросом о Голодоморе как геноциде и надеяться на успех, нужно было добиться принятия украинским парламентом соответствующего закона. Используя предоставленное ему по Конституции право, президент внес законопроект «О Голодоморе 1932—1933 годов в Украине», определив его как неотложный, после чего Верховная Рада оказалась в центре внимания мировых средств массовой информации. Борьба политических сил закончилась поражением антикризисной коалиции. 28 ноября 2006 года за принятие закона, в котором Голодомор признавался геноцидом, проголосовало 233 народных депутата, в том числе 118 — из фракции БЮТ, 79 — из «Нашей Украины», 30 социалистов, четверо — внефракционных и двое регионалов (Анна Герман и Тарас Чорновил).

Определяя главные события прошлого года, эксперты «Дня» вспоминали и Закон Украины о Голодоморе как геноциде. Это действительно так. Меня не покидало чувство глубокого унижения, когда я увидел в англоязычных секторах Интернета словосочетание Holodomor — the Forgiven Holocaust (Голодомор — прощенный Холокост). Теперь такого чувства больше нет.

Политикам и историкам необходимо готовиться к предоставлению на рассмотрение Генеральной Ассамблеи просьбы об определении соответствия Голодомора 1932—1933 годов в Украине критериям Конвенции ООН «О предотвращении преступления геноцида и наказания за него». Историки готовы, а как политики?

Я слышал стороной (лично ко мне не обращались), что готовится группа специалистов, перед которыми поставят задание документально доказать, что Голодомор 1932—1933 годов не подпадает под критерии Конвенции ООН. Если такой документ появится, то следующим шагом политиков станет, по-видимому, обращение к Верховной Раде с требованием пересмотреть Закон Украины о Голодоморе как геноциде. Дежавю! В 1986 году мне предложили войти в состав комиссии ЦК Компартии Украины, которая должна была доказать, что голод 1933 года является вы-

думкой украинских буржуазных националистов. Ответственные работники ЦК, формировавшие эту комиссию, были искренне убеждены в том, что ставят осуществимое задание...

4. ШАНСЫ НА МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ ГЕНОЦИДА

22 ноября 2006 года «День» напечатал интервью своего корреспондента с руководителем рабочей группы МИД по проблематике Голодомора, послом Украины Александром Слипченко. Корреспондент спросил, сложится ли к 75-летию украинской трагедии соответствующая атмосфера в ООН, чтобы поддержать Украину и признать Голодомор геноцидом украинского народа? Опытный дипломат ответил уклончиво: «Вы знаете, что резолюция по Холокосту после огромной дипломатической работы, проводимой все послевоенные годы, была принята Генеральной Ассамблеей только в 2005 году. Будем надеяться, что мы пройдем эту дистанцию быстрее».

О. Слипченко отвечал на вопрос за несколько дней до принятия закона о Голодоморе как геноциде. Возможно, позже он продемонстрировал бы больший оптимизм. Однако и сейчас не стоит смотреть на эту проблему с излишним оптимизмом.

Прежде всего, большой вес имеет позиция России, являющаяся однозначно негативной. Возможно, что российских ученых, а потом общественность и, наконец, политиком удастся убедить в том, что Голодомор в Украине отличается от голода 1932—1933 годов в России. Серьезные политики не пожелают скрывать сталинское преступление, если его механизм станет известен международной общественности. А как пока что относится сама международная научная общественность к проблеме Голодомора?

Западная историография Голодомора развивается. Ученые разных стран дискутируют, пытаются определить природу этого уникального, совершенно не похожего на Холокост явления. Однако украинские историки не имеют единодушной поддержки на Западе. Остановлюсь на эволюции взглядов двух авторитетных специалистов по советской истории.

Первым западным исследователем голода 1932—1933 годов стал Роберт Конквест — английский историк, значительную часть жизни проработавший в американских университетах. Вершиной его трудов была книга «Большой террор», посвященная массовым репрессиям 1937—1938 годов в Советском Союзе. За короткое время она разошлась в пере-

водах по всему миру (в русском переводе «Большой террор» впервые появился во Флоренции в 1974 году). С тех пор название книги стало названием этой трагедии в жизни советских людей.

Принимая во внимание именно то, что Р. Конквест благодаря книге о Большом терроре получил всемирную известность, украинская диаспора Северной Америки обратилась к нему с предложением создать труд о рукотворном голоде 1933 года. Р. Конквест согласился и проработал над книгой почти пять лет. В 1986 году практически одновременно в Лондоне увидели свет ее англоязычный, русскоязычный и украиноязычный варианты под названием «Жатва скорби» (с подзаголовком «Советская коллективизация и террор голодом»). Для явления, которому посвящалась книга, специалист по государственному террору в Советском Союзе нашел точное определение, также вошедшее в научную литературу: террор голодом.

Тем временем начала эффективно работать комиссия Конгресса США по расследованию голода 1932—1933 годов в Украине. Сенсационная информация о голоде наложилась на общий интерес мировой общественности к событиям в советской сверхдержаве, переживавшей горбачевскую десталинизацию. Это способствовало тому, что первое монографическое исследование голода-геноцида в УССР и на Кубани получило широкую известность в мировых средствах массовой информации. «Жатва скорби» была переиздана во многих странах.

Книги Р. Конквеста и теперь, через два-три десятка лет после появления, влияют на оценки событий, происходивших в Советском Союзе до Второй мировой войны. Но отношение к его оценкам становится все более критическим. Немало ученых Запада указывают на то, что тезис о голоде-геноциде появился у Конквеста под влиянием рассказов антикоммунистически настроенных свидетелей событий, а поэтому лишен научной объективности. Оппоненты Р. Конквеста стремятся избежать политизации исторических исследований. Они считают себя ревизионистами в изучении советской эпохи, но вектор их ревизии противоположен нашему. Если мы преодолеваем мифы коммунистической пропаганды, то они стремятся очиститься от антикоммунистических мифов. К сожалению, несовпадение реальной истории советской эпохи с прежними представлениями о ней порождает разногласия среди историков. Наиболее показательна в вопросе о советском голоде 1932—1933 годов позиция профессора Бирмингемского университета Роберта Девиса.

Ученик Эдварда Карра, Р. Девис по праву считается специалистом мирового масштаба в области социально-экономической истории СССР. В свое время Карр создал на основе печатных источников 14-томную «Историю советской России», в которой дошел до 1928 года. Продолжать труд далее он отказался, потому что печатные советские источники с 1929 года перестали отражать реальную действительность. Р. Девис продолжил его дело, имея возможность пользоваться советскими архивами. Пятый том задуманного им многотомного труда был выпущен издательством Palgrave Macmillan в 2004 году (в соавторстве с учеником Девиса — Стефеном Виткрофтом).

Позволю себе процитировать заключительный вывод из этой книги под названием «Годы голода. Советское сельское хозяйство, 1931—1933»: «Мы ничуть не снимаем со Сталина ответственность за голод. Его крестьянская политика была безжалостной и жестокой. Однако вследствие этого исследования выяснилось, что советское руководство боролось с кризисом голода, частично вызванным его же ошибочной политикой, хотя сам голод был для него неожиданным и нежелательным. Голод не определялся только советской сельскохозяйственной политикой, основывавшейся на большевистской идеологии, хотя идеология сыграла свою роль. Эта политика формировалась также российским дореволюционным прошлым, опытом гражданской войны, международной ситуацией, непреодолимыми географическими и погодными обстоятельствами и образом действий советской системы, установленной Сталиным. Она была сформулирована людьми с небольшим уровнем образования и ограниченными знаниями по сельскому хозяйству. Но прежде всего — она была следствием решения индустриализировать эту крестьянскую страну с головокружительной скоростью».

13 февраля 2007 года

За этими тщательно взвешенными формулировками кроется глубокое знакомство с первичными источниками. С каждым отдельно взятым положением процитированного текста невозможно не соглашаться, в том числе с основным: голод в СССР был для руководителей ВКП(б) неожиданным и нежелательным.

Мы с Девисом и Виткрофтом не раз встречались на конференциях, обмениваемся книгами. Книгу, о которой идет речь, они мне передали, подчеркнув опубликованные в ней данные о больших объемах продовольственной помощи, выделенной советским правительством

для СССР и Кубани в первой половине 1933 года. О каком геноциде, казалось бы, можно говорить в свете этих данных? Очень трудно убедить представителей ведущей на Западе бирмингемской школы заинтересоваться национальным срезом проблемы голода 1932—1933 годов в СССР, который может обнаружить украинский Голодомор.

Мы видим в западной историографии явную тенденцию ревизии оценок времен «холодной войны». Нельзя утверждать, что эта тенденция уже является господствующей, но не исключено, что она станет таковой. Во всяком случае, Р. Девис и С. Виткрофт сделали для этого все возможное. На суперобложку своей книги они вынесли вердикт самого Р. Конквеста: «Это действительно выдающийся вклад в исследование столь важной проблемы». После этого печатается авторская аннотация, не оставляющая камня на камне от выводов, сделанных в монографии «Жатва скорби». Это, — говорят авторы о своей книге, — «первое всестороннее исследование ужасных лет советского голода, базирующееся на ранее засекреченных и совершенно секретных российских и украинских архивах. В нем голод рассматривается на фоне долгосрочных и среднесрочных факторов, приведших к сельскохозяйственному кризису, и определяется степень, в которой голод был «организованным» или «искусственным». Контраверсионные выводы авторов отличаются от сделанных ранее многими историками, в том числе Робертом Конквестом».

Не ограничиваясь сказанным, Р. Девис и С. Виткрофт приводят в своих выводах позаимствованное из книги «Жатва скорби» утверждение о том, что голод в Украине был «сознательно применен» ради его (Сталина. — Авт.) выгоды (1986)», после чего в примечании цитируют отдельные фразы из письма Р. Конквеста, адресованного им в сентябре 2003 года. В переписке, пишут они, доктор Конквест настаивал: «Не считаю, что Сталин преднамеренно устроил голод 1933 года. Нет. Я доказывал, что когда голод стал неотвратимым, он мог предупредить его, однако поставил «советский интерес» выше спасения голодающих, — таким образом, сознательно содействовал голоду».

Утверждение Р. Конквеста является отходом от его позиции, обнаруженной в 1986 году. Первичная позиция основывалась на свидетельствах людей, оставшихся в живых после пребывания в украинском селе в 1932—1933 годах. Теперь под давлением «ревизионистов» он отказывается от сказанного в годы «холодной войны». Другими словами, он продолжает обвинять Сталина в убийствах, но отказывается квалифи-

цировать их как «убийства с предварительно обдуманым намерением». Получается что-то вроде того, что в уголовном праве квалифицируется как «убийство по неосторожности». Вот такую неожиданную ревизию постоянного сталинского курса на превентивный террор несет с собой окончание «холодной войны». Если солидаризироваться с этим заявлением Р. Конквеста, то исчезает фундамент, на котором строится концепт голода-геноцида.

Украинских историков ждет нелегкая работа: убедить зарубежных коллег в своей правоте. Чтобы доказательная база Голодомора как геноцида выдержала международный аудит, нужно отнестись к ее формированию очень серьезно. Главным камнем преткновения является, без сомнения, вопрос о том, кого уничтожал Сталин — украинцев или граждан Украины? На первый взгляд, этот вопрос лишен смысла, потому что погибали те же самые люди. Но от убедительного ответа на него зависит, признает ли мир украинский Голодомор геноцидом.

5. КОГО УНИЧТОЖАЛ СТАЛИН?

В октябре 2005 года мне пришлось принять участие в работе международного научного семинара, который проводил Институт Антонио Грамши (Рим). Тему семинара сформулировал профессор Неаполитанского университета Андреа Грациози, плодотворно работающий над проблематикой по истории СССР: «Сталин, советский голод 1931—1933 годов и украинский Голодомор». Итальянские участники семинара объяснили, что ООН в 2003 году не признала Голодомор геноцидом из-за того, что украинская сторона не предоставила доказательств уничтожения советским режимом именно украинцев. Представленные документы свидетельствовали о том, что в 1932—1933 годах в Украине погибли миллионы людей, но это было известно и раньше. С сообщения об этом заявлении итальянской профессуры началась серия моих публикаций на тему «Почему Сталин нас уничтожал?» («День», 20 октября 2005 года).

Если иностранцы только вежливо просят доказать, что режим уничтожал именно украинцев, то современные граждане Украины в своей основной массе решительно не соглашаются с таким утверждением. Киевский международный институт социологии при Национальном университете «Киево-Могилянская академия» в сентябре 2006 года провел опрос взрослого населения Украины по проблематике Голодомора в четырехступенчатой последовательности. Он дал интересные результаты.

Первый вопрос был такой: «Вы слышали или читали о голоде 1932—1933 годов в Украине?» На него ответили утвердительно 94,4% опрошенных.

Тем, кто ответил утвердительно, поставили второй вопрос: «Был ли этот голод вызван главным образом действиями власти или природными обстоятельствами?» Ответы были такими (в процентах): действиями власти — 69,0; природными обстоятельствами — 12,1; не думали об этом — 5,4; трудно сказать — 13,5.

Тем, кто возлагал ответственность за голод на действия власти, адресовался третий вопрос: «Считаете ли вы, что власть организовала голод преднамеренно?» Ответы распределились таким образом (в процентах): да — 84,2; нет — 5,7; трудно сказать — 9,0; не думали об этом — 1,0.

Наконец, только тем, кто считал, что власть организовала голод преднамеренно, задавался четвертый вопрос: «Был ли этот голод направлен против всех жителей Украины независимо от их национальности, или только против украинцев по национальности?» Ответы оказались такими (в процентах): против всех жителей Украины независимо от их национальности — 60,8; против украинцев по национальности — 26,2; трудно сказать — 11,2; не думали об этом — 1,8. Процент убежденных в том, что голод был направлен только против украинцев по национальности, по регионам распределялся так: Западный — 40,8; Центральный — 20,8; Южный — 16,4; Восточный — 22,7.

Приведенные данные настолько выразительны, что не нуждаются в особых комментариях. Нужно поздравить журналистов и ученых с тем, что современное поколение граждан уже понимает преступный характер действий сталинской власти. Наоборот, те, кто погибал от голода, не понимали, что с ними случилось. Не понимали этого даже партийные функционеры на высоких должностях. Не стоит сомневаться в искренности (в данном случае) воспоминаний Никиты Хрущева, который тогда работал вторым секретарем Московского горкома и обкома ВКП(б): он знал о жестоком голоде в Украине, но не понимал причин.

Опрос показывал, что процент тех, кто не видел в Голодоморе геноцида по национальному признаку, преобладал во всех регионах. Даже в Западном регионе, который находился в 1933 году вне пределов СССР, половина опрошенных утверждала, что голод был направлен против всех жителей Украины независимо от их национальности.

Социологический опрос дает представление о состоянии обыденного сознания. Не менее интересно проанализировать высказывания нашей интеллектуальной элиты. Ограничусь отрывком из статьи журналиста «Газеты по-киевски» Леонида Швеца. Статья была опубликована в день рассмотрения Верховной Радой законопроекта о Голодоморе, и автор еще не мог знать результатов. Швец приводил три аргумента, которые противоречили, как ему казалось, концепции Голодомора как геноцида:

«Для многих в России и Украине оказалось сложным увидеть в Голодоморе сознательную политику уничтожения населения по признаку украинскости, вот этот самый геноцид. Во-первых, изначально такую юридическую квалификацию получили преступления, связанные с открыто провозглашенной и демонстративно проводимой правительственной политикой по уничтожению национальных, этнических, расовых и религиозных групп. В случае же Голодомора факты массового вымирания населения скрывались от остальной страны и внешнего мира, и не то что украинофобской истерии, наподобие юдофобской пропаганды Геббельса, — даже намеков на антиукраинскость в СМИ тех лет вы не найдете. Большевики, выжимая последние соки из села, обходились терминами классовой борьбы.

Во-вторых, признаки целенаправленной политики уничтожения украинского этноса сложно обнаружить как до Голодомора, так и после. В борьбе с «националистическим уклоном» пошерстили как интеллигенцию, так и партийцев, почти 10 лет, с 1923 года, кстати, с благословения центра, проводивших как раз «коренизацию» — украинизацию, но это вполне укладывается в параноидальную логику Сталина и режима в целом. Опять-таки: били не по морде, не по паспорту, а по «подозрительным элементам».

В-третьих, сами масштабы голода 1932—1933 годов настолько выходят за пределы территории Украины и заселенной украинцами Кубани, что сужать жуткую картину массового вымирания населения до национальных пределов минимум некорректно. Да и в украинских селах умирали рядом болгары, поляки, русские, все...»

Цитата слишком длинная, но в концентрированном виде она воспроизводит образ мышления противников концепта геноцида. Приведенные аргументы кажутся логичными, но иногда только потому, что мы не знаем собственной истории. Точнее, не знаем ее «подземных» срезом и понимаем советскую терминологию в буквальном смысле, хотя она часто означала что-то противоположное по содержанию.

Л. Шве́ц справедливо утверждает, что население Украины не преследовалось по признаку «украинскости» (только это для него является адекватным наличием геноцида), а в Советском Союзе не наблюдалось украинофобской истерии. Он прав и тогда, когда утверждает, что в стране не существовало целеустремленной политики уничтожения украинцев как украинцев. Однако Шве́ц признает наличие борьбы с «националистическим уклоном», а также репрессий интеллигенции и партийцев. Можно ли согласовать эти утверждения, которые кажутся противоположными по содержанию? У Шве́ца мы ответа не найдем, но он все-таки существует.

Перед тем, как назвать его, посмотрим на линию поведения Павла Постышева, который прибыл в Харьков в конце января 1933 года, то есть немедленно после завершения акции по изъятию продовольствия в сельской местности. Постышев назначался на должность второго секретаря ЦК КП(б)У и формально подчинялся генеральному секретарю ЦК Станиславу Косиору. Однако он продолжал состоять на должности секретаря ЦК ВКП(б), благодаря чему имел непосредственную и постоянную связь с Кремлем.

Сталинский эмиссар демонстративно одевался в украинскую вышиванку вместо почти узаконенного френча. У него было два задания — обеспечить весенний сев и разгромить «националистический уклон» в партии, объявленный главной опасностью. Он спас миллионы крестьян, хладнокровно наблюдая за мученической смертью других миллионов. Одновременно он развернул борьбу с «националистическим уклоном» Н. Скрыпника, в ходе которой пострадали десятки тысяч представителей украинской интеллигенции. В считанные годы он переполовинил полумиллионную Компартию Украины. Ту самую Компартию, в адрес которой прозвучали такие слова Сталина в его письме Кагановичу от 11 августа 1932 года: «Имейте также в виду, что в Украинской компартии (500 тысяч членов, хе-хе) обретаются не мало (да, не мало!) гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец — прямых агентов Пилсудского».

Анализ деятельности Постышева позволяет ответить на вопрос о том, с кем Сталин боролся в Украине. Своими противниками Кремль считал не украинцев как представителей этноса, а украинцев как носителей идеи национальной государственности. Украинское государство пугало вождей ВКП(б) даже в советской оболочке. Только после Голодомора и неотделимых от него массовых репрессий украинской интеллигенции в

Кремле перестали бояться Украину. Столицей ее по инициативе Постышева в 1934 году опять стал Киев.

Суть политики украинизации остается загадкой для Л. Шве́ца. Перед тем, как определить ее, следует вспомнить, кто был наиболее активным украинизатором: не Н. Скрыпник, который имел только наркомовские полномочия, а генеральный секретарь ЦК КП(б)У в 1925—1928 годах Л. Каганович. Украинизация была разновидностью коренизации, то есть укоренения советской власти в нерусской среде. Политика украинизации содействовала национальному возрождению, это правда. Но следствием укоренения власти следует считать и участие украинских незаможников в конфискации продовольствия в сельской местности в январе 1933 года. Сталин был кем угодно, но только не параноиком.

Обсуждение в ноябре 2006 года законопроекта о Голодоморе как геноциде требовало от народных депутатов специфических знаний, которых они не имели. В сессионном зале чувствовалось незримое присутствие российских представителей, точка зрения которых на Голодомор также была далекой от реальности. Член фракции Партии регионов В. Забарский выступил с докладом об альтернативном проекте, который отличался от президентского отсутствием квалификации Голодомора как геноцида. Он призывал осудить массовые преступления, «не допуская при этом игры на этой теме политических сил, заинтересованных в конфликте нашей страны с ее соседями». Его поддержал представитель партии коммунистов В. Голуб, который уже откровенно признал, что принятие президентского законопроекта «приведет к напряжению межгосударственных отношений между Россией и Украиной». Следовательно, Партия регионов и Компартия отвергли президентский проект, оглядываясь на позицию другого государства в этом вопросе.

Позиция социалистов была отличной от позиции их союзников по коалиции: они настаивали на замене выражения «геноцид украинской нации» определением «геноцид украинского народа». Социалист В. Цушко заявил: сам он молдаванин, оба его деда умерли в Голодомор, и фракция поддержит законопроект только при наличии этой поправки. Действительно, молдаване (речь идет о Молдавской автономной республике в составе УССР, Бессарабия тогда была захвачена Румынией) пострадали даже больше, чем украинцы: по переписи 1937 года, их численность в СССР снизилась до 80,3% по сравнению с переписью 1926 года, тогда как численность украинцев — до 84,7%. После согласия В. Ющенко на эту

существенную поправку законопроект был поставлен на голосование и утвержден как Закон Украины.

Поправка социалистов имеет чисто фактологический характер, и поэтому ее следует приветствовать. В 1933 году органы ЗАГС регистрировали в сельской местности Украины 1678 тыс. смертных случаев. В национальном разрезе они распределились таким образом: 1552 тыс. украинцев, 85 тыс. русских, 27 тыс. евреев, 21 тыс. поляков, 16 тыс. молдаван, 13 тыс. немцев, 8 тыс. болгар, 3 тыс. греков и так далее. Конечно, эта статистика не дает представления о масштабах Голодомора, потому что является неполной и включает естественную смертность. Но национальный срез смертности приблизительно совпадает с национальной структурой сельского населения. Это свидетельствует об одинаковой судьбе людей, которые имели несчастье жить в сельской местности в пределах УССР.

Примененные властью механизмы террора голодом также подтверждают эту закономерность. В январе 1933 года, то есть во время сталинской акции сплошного изъятия продовольствия, передвижение населения из УССР и Кубанского округа Северо-Кавказского края в другие регионы было взято под строгий контроль. С апреля 1933 года, когда вернулась коммерческая (без карточек) торговля хлебом в украинских городах, власть постаралась заблокировать села.

Разработчики президентского законопроекта предпочитали использовать понятие «украинская нация» с целью максимального приближения к определениям Конвенции ООН «О предотвращении преступления геноцида и наказании за него». Замена термина «нация» термином «народ» встревожила тех, кто добивается признания Голодомора геноцидом. В Конвенции перечислены только четыре человеческих группы — этническая, национальная, расовая и религиозная. Термин «народ», как им кажется, находится вне пределов перечисленных групп. На самом деле это не так.

Термины «этническая группа» и «национальная группа» являются родственными. Одновременное их применение законодателем имело целью включить в сферу действия Конвенции ООН представителей всех народов, которые преследовались не по расовому или религиозному (те выделялись отдельно), а по национальному признаку. Народ является совокупностью людей определенной национальности на определенной территории, которая обязательно включает в свой состав представителей и других этнических и национальных групп. Народов, которые сохранили

этническую чистоту, в природе не существует и не существовало никогда — это противоречило бы закономерностям этногенеза. Следовательно, термин «народ» не выпадает из понятийного ряда, в котором находятся термины «этническая группа» и «национальная группа».

Привязанность понятия «народ» к определенной территории только содействует, по моему мнению, идентификации Голодомора как геноцида. Абсурдно считать, что Сталин преследовал украинцев там, где только мог их найти. Настаивая на утверждении об уничтожении украинцев как представителей нежелательной национальности, мы рискуем загубить всю доказательную базу геноцида. Более того, мы обязательно встретим (и уже встретили!) сопротивление со стороны русских — и наших собственных, и тех, кто живет в Российской Федерации. Ведь противопоставление украинцев русским по этническому признаку в вопросе о Голодоморе автоматически переквалифицирует ответственность узкой группы преступников в Кремле на ответственность России и русского народа. Как может согласиться с этим русский народ, значительная часть которого (к сожалению, возможно, и большинство) вообще не видит в украинцах представителей отдельного народа и отождествляет их с собой?!

Эту мысль я не обостряю и не преувеличиваю, так оно есть. В этом контексте уместно обратить внимание на аргумент профессора Валерия Хмелько, который возглавляет Киевский международный институт социологии. В газете «Экономические известия» (24 ноября 2006 года) он так прокомментировал результаты социологического опроса, с рассмотрением которого я начинал этот раздел: «То, что это было массовое уничтожение людей — несомненно. Но то, что это было уничтожение украинцев по национальной принадлежности, — нужно доказать и назвать, какая национальная группа (или национальные группы) уничтожали украинцев». К сожалению, есть немало маргинальных политиков, которые сразу берутся показать пальцем на несимпатичных им русских или евреев. К таким заявлениям прислушиваются в России или в Израиле. Иногда не только прислушиваются, но и, исходя из собственных расчетов, повышают политический вес этих политиков с нулевого до заметного. А тем приятно...

В. Хмелько таким образом квалифицирует сталинское преступление в упомянутой выше статье: «Было бы правильным, я думаю, называть это жуткое преступление не геноцидом, а социоцидом, то есть уничтожением людей, выделяемых по социальному, классовому признаку, а не по национальному или этническому. Хотя при этом пострадало больше всего, ко-

нечно, украинцев по национальности, которые составляли подавляющее большинство сельского населения Украины».

Перед уважаемым профессором, моим коллегой по Киево-Могилянской академии, предстал факт: Сталин уничтожал украинских крестьян. Он вполне обоснованно не может поверить, вместе с большинством опрошенных им людей, что уничтожали именно украинцев. Исходя из формальной логики, ему остается поверить тому, что Сталин уничтожал крестьян.

17 февраля 2007 года

Тезис об уничтожении украинских крестьян выхватывается из исторического контекста, очищается от побочных включений, высушивается и ложится на рабочий стол В. Хмелько, который спокойно выносит свой вердикт: «То, что это Голодомор, преступление против украинского народа, общая наша трагедия — это факт. А вот то, что это преступление подпадает под определение геноцида в соответствии с упомянутым документом ООН, не видно. Ведь если на голодную смерть людей определенной национальности обрекали, забирая у них последние остатки всего съедобного в большинстве своем люди той же национальности, то, значит, уничтожались люди, выделяемые не по национальному признаку».

Мороз по коже от этих слов, хотя мне уже приходилось слышать такое от немецкого профессора Штефана Мерля. Чекисты мобилизовали голодающих «незамужников» на обыски усадеб более богатых соседей, и эти несчастные соглашались, потому что в противном случае их ожидала смерть от голода или от пули. Как же поворачивается язык утверждать, что украинцы уничтожали украинцев, а поэтому преступление не подпадает под действие Конвенции ООН? Куда делись чекисты, которые выполняли волю кремлевских преступников?

Еще один вопрос к В. Хмелько: почему идет речь только о конфискации продовольствия с помощью бедняков? Когда продовольствие исчезло, люди иногда начинали есть друг друга. Обратите внимание — людей той же национальности, очень часто родственников и близких. Мы, историки, не хотим вытягивать из архивов тысячи дел о каннибалах на суд общественности (жалеем общественность), а когда приходится печатать документы с упоминаниями о каннибалах, то ставим инициалы вместо фамилии (оберегаем семью). Но скажу о том, что засело во мне с начала 70-х годов. Тогда мой старший коллега в определенном настроении и в

определенной ситуации сказал мне, что в их селе все знают, кто кого съел в 1933 году.

Возвращаясь к тезису об уничтожении украинских крестьян, скажу, что его нельзя понимать слишком узко: как уничтожение украинцев или как уничтожение крестьян. Разве можно представить, чтобы советская власть охотилась на человека только потому, что он был крестьянином? В конце концов, после создания ситуации глубокого голода Сталин начал руками Постышева кормить людей — крестьян и украинцев.

Нет, анализ Голодомора вне исторического контекста абсолютно бесплоден. Сам Голодомор также не может рассматриваться изолированно от репрессий против украинской интеллигенции и Компартии Украины.

После сказанного выше остается обосновать вопрос о том, кого уничтожал Сталин. Наиболее убедительно прозвучат выводы посторонних наблюдателей, опубликованные газетой «День» (29 ноября 2006 года) в корреспонденции А. Кудряченко «Голодомор в Украине — взгляд тогдашних немецких дипломатов». Генеральное консульство Германии в Харькове таким образом подвело в январе 1934 года первые итоги действий сталинского эмиссара в Украине: «Постышев за неполный год укрепил власть советской системы в Украине, идя на огромные жертвы и миллионы умерших от голода». А в документе генконсульства за май 1936 года было метко схвачено два неразрывных аспекта в действиях Постышева: террор против носителей национальной государственности и показушная поддержка этнографических черт «титულიй нации»: «Будущее справедливое историческое исследование, возможно, установит более точно, что украинскому народу в ужасные 1932—1933 годы был сломан моральный позвоночник. И этот нанесенный огромный ущерб растянется на десятилетия, а возможно, и навсегда. Когда ныне опять были «реабилитированы» постышевской милостью украинские народные песни, когда сегодня украинская опера гастролирует в Москве с украинскими спектаклями, когда сейчас на московской эстраде опять выступают украинские танцоры, то это есть не что иное, как гротескная пародия на судьбу Украины».

Кто из нас воспринимал Украину до 1991 года как независимое государство, которое заключило союз с другими государствами и имело возможность выйти из союза в любой момент? Мы жили в централизованном государстве, разделенном на безгласные республики. Безгласность объяснялась врожденным приспособлением к диктатуре. Никому, за исключением отдельных диссидентов, не приходило в голову отстаивать

конституционное право на выход из СССР, выдвинуть альтернативную кандидатуру во время выборов в органы власти, сказать на публике о всем известном голоде 1932—1933 годов.

В комиссии Конгресса США по голоду в Украине всем свидетелям задавался один и тот же вопрос: почему Сталин вас уничтожал? Подавляющее большинство свидетелей отвечало, что их уничтожали как украинцев. Какую другую гипотезу могли выдвинуть крестьяне? Но такое убеждение укрепились в диаспоре, а после 1991 года распространилось и в Украине.

Молодой американский исследователь украинского национал-коммунизма Джеймс Мейс с самого начала придерживался другой мысли. Первым из ученых послевоенного времени он подтвердил то, что являлось понятным для немецких дипломатов — очевидцев Голодомора: сталинский террор в Украине нацеливался не против людей определенной национальности или рода занятий, а против граждан Украинского государства, которое возникло во время распада Российской империи и пережило свою гибель, возродившись в виде советского государства.

Свою мысль Дж. Мейс сформулировал задолго до того, как стал исполнительным директором комиссии Конгресса США по украинскому голоду. Во время выступления в 1982 году на международной конференции по Холокосту в Тель-Авиве он первым назвал голод 1932—1933 годов в Украине геноцидом и сформулировал цель сталинского террора голодом: уничтожить украинскую нацию как политический фактор и социальный организм (to destroy the Ukrainian nation as a political factor and social organism). Эта же формула содержится в его докладе на первой в истории Международной научной конференции по голоду 1932—1933 годов в Украине, которая состоялась в Монреале в 1983 году.

6. КОЛИЧЕСТВО УНИЧТОЖЕННЫХ ГОЛОДОМ

Когда в Верховной Раде рассматривался законопроект о Голодоморе как геноциде, Секретариат президента Украины подготовил для каждого народного депутата объемистую папку с доказательными материалами. Однако стенограмма обсуждения законопроекта показала, что коэффициент полезного действия этих материалов достаточно низок. Законопроект едва набрал критическую массу голосов, чтобы стать законом Украины.

Можно, конечно, следуя афоризму о полупустом и полуполном стакане, сформулировать предыдущее предложение по-другому: народным де-

путатам были предъявлены убедительные доказательства геноцида, вследствие чего «антикризисная коалиция» дала трещину и Верховная Рада приняла неприятный для регионалов и России закон.

Вне сомнения остается одно: чтобы добиться международного признания принятого закона, нужно деполитизировать проблему Голодомора. Доказательная база геноцида существует объективно, и это главное. Следует только раскрыть ее в режиме диалога. Сторону, которая не согласна с квалификацией Голодомора как геноцида, нужно убедить. Стороне, которая настаивает на геноциде, необходимо отказаться от мифов, которыми проблема Голодомора обростала с самого начала.

Одним из наиболее уязвимых мифов является заявленное количество жертв Голодомора. Уязвимость этого мифа — в несоответствии количества жертв очевидным фактам, а также в нежелании политических деятелей, обращающихся к международной общественности с просьбами признать Голодомор в Украине геноцидом, считаться с этими фактами.

Количество жертв голода 1921—1923 годов и голода 1946—1947 годов никогда не будет определено, потому что в обоих случаях украинский народ голодал после многолетних военных действий на его территории. Мы не знаем, кто погиб во время войны, кто эмигрировал, кто поселился на территории Украины. Наоборот, определить примерное количество жертв голода 1932—1933 годов возможно, потому что всесоюзные переписи населения 1926-го, 1937-го и 1939 годов являются надежным фундаментом для подсчета. Зная ежегодные данные о естественном и механическом движении населения, довольно просто подсчитать ненормальную смертность, которая была результатом голода и вызванных им эпидемических болезней.

Те, кто руководил проведением переписи 1937 года, были репрессированы, потому что не смогли объяснить недобора населения. Перепись провели повторно в 1939 году, но ее результаты, кроме итоговых цифр, не публиковались. Вся демографическая статистика была закрыта еще с начала 30-х годов и оказалась недоступной для исследователей до последних месяцев 1989 года. При этих условиях стали возможными только экспертные оценки, которые могли быть совсем разными.

Одну из первых экспертных оценок, которая имела научный характер, дал выдающийся украинский географ и демограф Владимир Кубийович — 2,5 млн. человек.

Петр Долина опубликовал свои расчеты в первой коллективной монографии о сталинских репрессиях в Украине, которая была опубликована

эмигрантами в Торонто в 1955 году. Потери приводились в двух вариантах: прямые (4,8 млн. человек) и с учетом снижения рождаемости (7,5 млн. человек).

Василий Гришко взял эти расчеты для своей книги об украинском голоде, которая была издана в 1983 году на английском (в Торонто) и украинском (в Детройте) языках. Оттуда этот результат заимствовал вице-премьер-министр Украины Николай Жулинский — председатель оргкомитета Международной научной конференции, состоявшейся в Киеве 9—10 сентября 1993 года в связи с 60-летием Голодомора. Авторизованные Н. Жулинским цифры часто используются и теперь. В частности, в докладе на парламентских слушаниях 12 февраля 2003 года Д. Табачник назвал наиболее достоверные, по его мнению, данные — 7 млн. человек.

Дж. Мейс рассказывал, что в 1985 году в ООН готовился доклад о геноциде. Когда он обратился к докладчику Виттекеру с просьбой включить украинский голод 1932—1933 годов, тот ответил: поскольку речь идет только о трех миллионах украинцев, то есть не более 10% населения, событие не заслуживает определения «геноцид» («День», 22 ноября 2003 года). Суждение ооновского чиновника было его собственным мнением, причем таким, что выступать с ним перед общественностью — только дискредитировать ООН. Тем не менее тенденция к увеличению количества жертв стала способом привлечения внимания международной общественности к украинской трагедии. Выступая 24 сентября 2004 года на Генеральной Ассамблее ООН, Л. Кучма сказал, что в 1933 году вследствие организованного тоталитарным режимом искусственного голода в Украине погибло от 7 до 10 млн. наших сограждан. Советский Союз, добавил он, продавал хлеб за границу в то время, когда в Украине ежеминутно от голода умирало 17 человек. Во всех своих выступлениях, когда речь идет о количестве жертв, В. Ющенко придерживается одной цифры — 10 млн. человек.

Подготавливая доказательную базу для законопроекта о Голодоморе как геноциде, И. Юхновский не пожелал назвать конкретную цифру потерь без подсчета. Он воспользовался нехитрым расчетом международной комиссии юристов, рассматривавшей в 1988 году вопрос о квалификации голода 1932—1933 годов в Украине. Комиссия юристов сопоставила разницу между численностью населения по результатам переписи 1926-го и 1939 годов в СССР (увеличение со 147 до 170,6 млн.,

то есть на 16%) и в УССР (уменьшение с 31,2 до 28,1 млн., то есть на 9,9%). Если бы в Украине население увеличивалось общесоюзными темпами, то его численность составила бы в 1939 году 36,2 млн. человек. Разница между реальной и расчетной цифрой составляла 8,1 млн. Эту цифру И. Юхновский, вслед за комиссией юристов, отождествил с потерями от Голодомора.

На самом деле названная цифра дает представление (и то очень приблизительное) о суммарной величине потерь населения Украины за 12 лет в период между переписями. В эту цифру включаются прямые и опосредствованные (в результате сокращения рождаемости в голодные годы) потери от голода, отрицательное сальдо механического перемещения населения, а также ошибки, вызванные несоответствием реальных величин естественного движения народонаселения в Украине с принятыми при проведении этого подсчета общесоюзными величинами.

Возникает вопрос: неужели исследователи до сих пор не ознакомились с советской демографической статистикой, которая доступна уже 17 лет?

Я уже писал в газете «День», что в начале 1991 года моя с Максудовым статья была издана в «Українському історичному журналі». По моим подсчетам, прямые потери составляли 3 238 тыс. человек, а с поправкой на неточность данных о механическом движении населения — от 3-х до 3,5 млн. Совокупные потери (с учетом снижения рождаемости в голодные годы) повышались максимум до 5 млн. человек. Максудов не желал учитывать данные государственной статистики о механическом движении народонаселения (на мой взгляд — безосновательно), и потому его расчет потерь колебался в диапазоне 4—4,5 млн., а с учетом снижения рождаемости — до 6 млн. человек.

Пользуясь иной методикой подсчета, которая давала возможность определить только совокупные потери между 1926-м и 1939 годами, Сергей Пирожков опубликовал в 1992 году свой результат — 5,8 млн. человек за 12 лет. Эта величина, как мне кажется, ближе к моему подсчету потерь за 1932—1933 годы, нежели к результату Максудова. Добавлю к этому, что в ответ на вопрос редакции «Экономических известий» директор Института демографии и социологических исследований НАН Украины академик С. Пирожков заявил, что прямые и опосредствованные потери в результате Голодомора составляли в УССР 4,6 млн. человек (24 ноября 2006 года). Такой результат следует из аналитичес-

кого труда французских демографов, длительное время изучавших советские статистические источники.

С. Виткрофт отказался подписывать нашу с Максудовым статью. Мне казалось, что этого добросовестного исследователя тогда напугало слишком большое количество жертв, полученное путем беспристрастного анализа источников. Но в дополнении к документальному сборнику «Трагедия советской деревни», который вышел в Москве в 2001 году, он опубликовал свою оценку прямых потерь: по Украине — от 3-х до 3,5 млн., по СССР в целом — от 6-ти до 7 млн. человек. То есть эта оценка также совпадает с данными, опубликованными еще в 1990 году.

Таким образом, оценка количества жертв Голодомора в Украине, сделанная на основании анализа демографической статистики в разное время и разнообразными методами, приблизительно совпадает. Материалы статистики доступны и уже опубликованы, в том числе за границей, верификация расчетов не представляет проблемы. Официальным представителям Украины, когда они выступают перед отечественной и зарубежной общественностью, стоило бы отказаться от статистики, озвученной впервые в публикациях украинской диаспоры в 50-х годах. Доказательная база геноцида должна базироваться на анализе данных, который выполнен в академических учреждениях Украины.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Хотелось бы, чтобы к аргументам, приведенным в этой статье, прислушались те, кто намерен довести до логической развязки дело с юридическим определением Голодомора как геноцида в стенах ООН. Хотелось бы также, чтобы те, кто встречает в штыки это намерение, видя в нем только стремление получить преимущество в политической борьбе, почувствовали весь ужас того, что происходило в нашей стране в 1932—1933 годах. У нас одна на всех страна, и все мы должны одинаково относиться к Голодомору. Унизительность превращения его в «прощенный Холокост» должен почувствовать каждый.

Год тому назад на сайте www.anti-orange.ua появилась статья журналистки из витренковского окружения Мирославы Бердник. Толчком к ее написанию послужили государственные мероприятия, связанные с Днем памяти жертв Голодомора. В статье очень зло комментировалось стрем-

ление В. Ющенко добиться признания Голодомора геноцидом. Но меня поразило ее начало. Думаю, что оно поразит кого угодно:

«26 ноября 2005 года в Украине с большой помпезностью отмечали скорбную дату — 72-летие голода 1932—1933 годов. При иных обстоятельствах я бы никогда не стала затрагивать эту тему: у меня в 1933 году во время голода умер прадед. Умер красивой смертью — отказался от своей пайки той скудной пищи, которая имелась, чтобы выжили внуки».

Думаю, что М. Бердник принадлежит к младшему, по сравнению с моим, поколению, потому что у меня в 1933 году умер дед. Невзирая на разницу в возрасте, она воспринимает прошлое таким, каким оно показано в советских учебниках истории. Информация о Голодоморе не вышла для нее за пределы семейного знания. Не сомневаюсь в причинах такого феномена: эта информация была политизированной, следовательно — неубедительной.

Хотел бы закончить статью суждением, которое высказал 12 февраля 2003 года на парламентских слушаниях: «Не нужно придирчиво выяснять, какой народ пострадал больше, какой меньше в период между двумя этими датами — 1914 годом и 1953-м. Украина обязательно оказывается на первом месте. Гибельные последствия четырех десятилетий между началом Первой мировой войны и смертью Сталина чувствуются и до сих пор. В Украине не рождаются правнуки погибших в 1933 году и праправнуки тех, кто погиб в 1914 году. Если бы не катаклизмы, то в Украине в начале XXI века жил бы стомиллионный народ».

Мирослава процитировала эти строки и злобно прокомментировала: «Так «недоучет» украинцев можно начинать с битв Рамы с ракшасами, поскольку некоторые горе-«ученые» его тоже считают праукраинцем!» Но ведь в данном случае речь идет не о трипольцах с индийцами. Речь идет о последнем столетии, которое в наших семьях еще не стало отдаленной и абстрактной историей. Перед глазами стоит дед Мирославы...

27 февраля 2007 года

IV. Смертельный водоворот

1. СУТЬ ПРОБЛЕМЫ

В День Соборности мы всегда вспоминаем, что живем в государстве, которое раскинулось на площади в 604 тыс. кв. км. Это существенно больше территории любой другой европейской страны. Конечно, Украина меньше России и Турции, но эти государства, строго говоря, не европейские, а евроазиатские.

И все же за границами Украины остался целый ряд примыкавших к ней территорий, в которых еще на памяти старшего из ныне живущих поколений украинцы составляли большинство населения. Теперь же на этих территориях, которые являются частью Румынии, Словакии, Польши, Беларуси и России, украинцев осталось совсем мало. Большинство их ассимилировано, какая-то часть была даже депортирована. Говоря о том, что все население украинских земель теперь объединено в одном государстве со столицей в Киеве, не следует забывать об этом.

Наибольшей в утраченном массиве украинских этнографических земель и по территории, и по населению является Кубань. Теперь это Краснодарский край Российской Федерации. Думаю, что рассказ о гибели украинской Кубани никто не воспримет как попытку реанимировать высказывавшиеся в 20-е годы харьковским компартийно-советским центром претензии к Российской Федерации. Какие могут быть территориальные претензии, коль приходится говорить о гибели украинской Кубани, которая произошла без малого три четверти века тому назад? Однако всегда следует помнить о том, как она погибала.

Принятый Верховной Радой Закон о Голодоморе как геноциде раздел, к сожалению, граждан Украины. Одновременно он стал допол-

нительной проблемой в непростых украинско-российских отношениях. Происходит это из-за незнания самой сути проблемы Голодомора, из-за неумения отделить его от голода 1932—1933 годов в других регионах Союза.

Конечно, Сталин использовал оружие голода для уничтожения украинцев. Однако не следует делать ударение на этнической составляющей Голодомора, ибо тем самым мы перекладываем вину за это злодеяние с кучки кремлевских подонков на Россию и русский народ. Фактически же террор голодом был направлен не против этнических украинцев, а против граждан Украины — крупнейшей национальной республики Советского Союза на границе с Европой, которая в ситуации 1932—1933 годов вот-вот готова была сбросить с себя ставшее невыносимым бремя кремлевской диктатуры. Организатором этой невиданной террористической акции была отнюдь не государственная партия (в которой я сам состоял 40 лет). Кампанию по изъятию в селах УССР и Кубани всех продовольственных запасов, накопленных крестьянами и казаками до нового урожая, запланировали и осуществили лишь несколько человек, которые опасались оказаться сметенными народным гневом с насиженных мест на вершине власти. Они же определяли заготовительную политику во всех регионах СССР, когда три года подряд, начиная с первой колхозной осени 1930 года, хлеб брали с кровью, доводя крестьян до голода с многочисленными смертными случаями. Почему же государство и партия оказались игрушкой в руках этих подонков? Вопрос не ко мне: первым предупредил о грозящей опасности свое окружение основатель партии, доктрины и этого самого государства.

Пониманию сути Голодомора препятствуют наши устоявшиеся представления о Советском Союзе. Люди на всем постсоветском пространстве помнят эту страну такой, какой она стала после Большого голода 1932—1933 годов и Большого террора 1937—1938 годов. Но к событиям 20-х и начала 30-х годов следует применять критерии, которые соответствуют объективной реальности тех лет. Тогда Советский Союз еще был союзом государств, а не централизованным государством. Сталин был тогда не диктатором, а одним из вождей, положение которого в Кремле становилось шатким из-за острейшего социально-экономического кризиса, вызванного его же политикой «подхлестывания» темпов индустриализации. Иллюстрацией остроты этого кризиса был голод 1932—1933 годов почти во всех регионах страны.

Высказанные выше вступительные замечания необходимы для понимания того, что произошло с украинской Кубанью в начале 30-х годов. Понимание кубанской трагедии поможет понять и другое: террор голодом был направлен своим острием против граждан Украинского государства, которое родилось в 1917 году, было разгромлено большевиками, но возродилось в оболочке советской республики. Генсек был достаточно умен, чтобы понять простую истину: советская оболочка способна скрывать антисоветское содержание. В конце концов, Кремль все-таки потерял Украину в 1991 году, когда ее коммунистическая верхушка вооружилась антисоветской символикой УНР, чтобы обрести для себя свободу.

Невозможно отделить голод в УССР от кубанского, это один и тот же Голодомор. Однако голод в УССР уже имеет колоссальную литературу, а кубанский все еще остается во многом «белым пятном». В этой статье речь пойдет именно о кубанском голоде. Но рассказу о гибели украинской Кубани должна предшествовать справка о ее рождении.

2. ДАР ИМПЕРАТРИЦЫ

Во второй половине XVIII ст. прилежавшие к Черному и Азовскому морям степи вошли в состав Российской империи. Никогда не знавшие плуга, лучшие в мире черноземные земли граничили с перенаселенной Украиной. Поэтому украинские хлеборобы активно осваивали пустынные районы «Дикого поля». Решающую роль в колонизации степных пространств Северного Кавказа сыграли казаки, прежде всего — запорожские.

В 1775 году Екатерина II приказала ликвидировать центр поглощенной империей державы гетмана Богдана Хмельницкого — Запорожскую Сечь. Части казаков удалось ускользнуть от преследования и основать во владениях турецкого султана Задунайскую Сечь. Остальные в ходе очередной российско-турецкой войны были организованы в 1788 году в Черноморское казачье войско и поселены между Южным Бугом и Днестром. После этой войны Екатерина присоединила к империи часть Северного Кавказа и перевела черноморских казаков на Кубань. Здесь они на подаренных землях основали 40 куренных селений и административный центр, названный Екатеринодаром (теперь — Краснодар).

С 1792 года и до крестьянской реформы 1861 года на Кубань переселялись только казаки: Черноморское казачье войско — 25 тыс.,

Азовское казачье войско — до 6 тыс., человек, слобожанские реестровые казаки — 109 тыс. человек обоего пола и т.д. Всего было переселено в организованном порядке до 150 тыс. человек. В большей мере, чем другие регионы колонизации, Кубань приобрела характер украинской этнической территории.

Стремясь приглушить национальную окраску казачьего края, царское правительство провело в 1861 году административную реформу: к черноморцам была присоединена территория, населенная потомками донских казаков, — Линейное казачье войско. Объединенное казачье войско назвали Кубанским.

В мае 1862 года царское правительство приняло закон «О заселении предгорьев западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России». Закон допускал частную собственность на землю и поселение лиц неказачьего сословия на войсковых землях. Это дало толчок к массовому переселению освобожденных от крепостной зависимости крестьян на Кубань. Так в Кубанской области появилось новое сословие: иногородние.

Переселенческая политика царизма оказалась эффективной, что было засвидетельствовано Всероссийской переписью населения 1897 года. Наиболее активно Кубанский округ в тех его границах заселялся выходцами из Украины: 45% от всего количества переселенцев, 377 тыс. человек обоего пола. Из этого количества Левобережье дало 249 тыс. переселенцев, три южные губернии — 107 тыс., а Правобережье — лишь 21 тыс.

Перепись 1897 года показала, что совокупное количество иногородних за 35 лет почти сравнялось с казачьим населением области. Всего на Кубани тогда проживало 1923 тыс. человек, в том числе на войсковой территории — 1489 тыс., против 393 тыс. в 1861 году.

3. УКРАИНИЗАЦИЯ КУБАНИ

В кубанском обществе существовали две группы противоречий — словесные (между хорошо обеспеченными землей казаками и малоземельными иногородними) и национальные (между черноморцами и линейцами). Царизм следовал извечному правилу властителей, желавших без особых усилий контролировать ситуацию: разделяй и властвуй. Одновременно развитие рыночных отношений формировало третий разлом внутри кубанского общества: классовый.

Эти противоречия четко проявились в событиях 1917—1920 годов. Границы Украинского государства определялись по признаку численно-

го преобладания украинцев в той или иной местности. Однако ни Центральная Рада, ни гетман П. Скоропадский, ни Директория не смогли присоединить Кубань к Украине. Зато белогвардейским генералам удалось использовать десятки тысяч черноморцев в качестве «пушечного мяса» в гражданской войне. Многие из них погибли, многие вынуждены были эмигрировать.

После образования СССР Кремль начал кампанию коренизации, целью которой являлось укоренение советской власти в национальных республиках и районах. Районы с преобладанием определенной национальности получали статус национальных. Административная деятельность, преподавание в школах и средства массовой информации переводились на язык этой национальности. В частности, в УССР возникли польские, немецкие, болгарские и другие районы. В масштабах всей Украины развернулась кампания украинизации.

Коренизация в сочетании с административно-территориальной реформой поставили на повестку дня вопрос о корректировке межреспубликанских границ. В 1923 году правительство УССР возбудило ходатайство о присоединении к республике примыкавших уездов и волостей Курской и Воронежской губерний с преобладавшим украинским населением. На неофициальном уровне шла речь и о присоединении Кубани, но поставить этот вопрос официально украинское руководство не решилось. Зато власти Северного Кавказа выдвинули встречное требование о передаче им Шахтинского и Таганрогского округов УССР.

Решение о корректировке границ Украины, Белоруссии и России было принято в октябре 1925 года. Украина сделала заявку на присоединение смежных территорий с населением 2 051 тыс. человек, но получила лишь территорию с населением 278 тыс. человек (Путивльский уезд и некоторые приграничные волости). Одновременно она потеряла территории с населением 479 тыс. человек (в основном — Таганрогский и Шахтинский округа).

В декабре 1926 года в СССР была проведена перепись населения. Она показала, что в России имелись пограничные с Украиной территории, где преобладало украинское население. Численность украинцев в них составила 2733 тыс. человек. В частности, в Краснодарском районе насчитывалось 103 тыс. украинцев (84% всего населения), Таганрогском округе — 192 тыс. (72%), Кубанском округе — 915 тыс. (62%). Совокупное число украинцев в Северо-Кавказском крае равнялось 3 107 тыс. (37% всего населения).

Не дожидаясь опубликования полных данных переписи, руководство Украины по инициативе Николая Скрыпника возвратилось к проблеме украинско-российского пограничья. В архивном деле политбюро ЦК КП(б)У сохранилась протокольная запись от 21 мая 1927 года за подписью генерального секретаря Л. Кагановича: «В связи с тем, что прошедшая Всесоюзная перепись даст исчерпывающие данные, признать необходимым поставить вопрос в ЦК ВКП о присоединении к Украине пограничных районов с большинством украинского населения. Просить ЦК ВКП(б) образовать специальную комиссию».

ЦК ВКП(б) с комиссией не спешил, считая вопрос о корректировке границ исчерпанным. Однако Н. Скрыпник продолжал бить тревогу. Главным для него было отнюдь не увеличение территории республики за счет соседей, а предоставление возможности украинскому населению не раствориться в инонациональной среде. Изучая материалы переписи, он видел, что украинцы Северного Кавказа постепенно утрачивают свой язык и культуру. В Кубанском округе украинцами признали себя 915 тыс. человек, но только 729 тыс. заявили, что родным для них является украинский язык.

В мае 1928 года Н. Скрыпник вновь обратился в политбюро ЦК КП(б)У с официальным представлением. В нем говорилось, что русификация миллионов украинцев за пределами УССР не соответствует «осуществляемой нами правильной ленинской национальной политике и ослабляет ее революционное воздействие на угнетенные массы Западной Украины, Буковины, Бессарабии». Прошу обратить внимание: нарком просвещения УССР в завуалированной форме сравнил русификацию украинцев в России с политикой колонизации населения Западной Украины Польским государством и политикой румынизации в Буковине и Бессарабии. В этот перечень не вошла Закарпатская Украина, ибо чешское правительство не содействовало ассимиляции населения.

Записка Скрыпника была рассмотрена в политбюро ЦК КП(б)У. Кагановичу, Чубарю и Скрыпнику было поручено отредактировать ее и адресовать в ЦК ВКП(б). Редактирование записки свелось к тому, что исчезли претензии на те части Северо-Кавказского края, в которых украинцы составляли большинство населения. Каганович знал, что Сталин реагировал на строчку из гимна УНР, в которой назывались этнографические границы Украины («від Сяну до Дону»), как бык на красное. Вместе с посланной запиской Каганович направил личное посла-

ние Сталину, в котором просил поставить на закрытое заседание секретариата ЦК ВКП(б) вопрос «о передаче УССР уездов с большинством украинского населения Курской и Воронежской губерний, в связи с районированием Центрально-Черноземной области».

Претензии официального Харькова на территорию Российской Федерации остались неудовлетворенными. Американский историк Терри Мартин в книге о Советском Союзе цитирует обнаруженную им в архиве реплику Сталина, которая объясняла позицию Кремля: «Мы в ЦК дважды изучали вопрос и оставили без последствий. Мы должны быть особенно осторожны, потому что такие изменения провоцируют колоссальное сопротивление со стороны некоторых русских».

Тяжба о границах сыграла положительную роль в решении совсем другого вопроса: об украинизации Кубани. В конце концов, Н. Скрыпник добивался только того, чтобы украинцы Северного Кавказа не утратили свой язык и культуру. Он действовал в русле официальной политики коренизации, принятой руководством партии в 1923 году.

Сталин понимал, что политика украинизации имеет для Кремля как плюсы (укоренение советской власти), так и минусы (национальное возрождение). Однако он всячески поддерживал эту политику, действуя через Кагановича и Скрыпника, ибо имел личный интерес. В ожесточенной борьбе за власть, которая происходила в Кремле в 1923—1928 годах, для него оказалась жизненно важной поддержка огромной партийной организации Украины. Уроженцы Украины Лев Троцкий и Григорий Зиновьев (нынешний Кировоград в 1924—1934 годах назывался Зиновьевском) не получили такой поддержки. Сталин ее получил.

Несмотря на упорное сопротивление руководства Северо-Кавказского края, которое опасалось появления на своей территории второй Украины, дело с украинизацией сдвинулось с мертвой точки. В декабре 1928 года крайком утвердил трехлетний план украинизации всех 37 районов с преобладавшим украинским населением.

19 районов, подлежащих украинизации на Кубани, составляли основную территорию округа. Именно здесь украинизация значительно опережала утвержденный план, что неприятно удивило Сталина. Добившись полного личного контроля над составом политбюро ЦК ВКП(б), он перестал нуждаться в поддержке украинских коммунистов. Коль скоро Кубань становилась второй Украиной, она должна была разделить судьбу УССР.

4. МИССИЯ КАГАНОВИЧА

В октябре 1932 года И. Сталин направил на Северный Кавказ чрезвычайную хлебозаготовительную комиссию во главе с Л. Кагановичем, который уже четыре года работал в должности секретаря ЦК ВКП(б). Огромный Северо-Кавказский край состоял из 11 округов, различных по своим природным условиям, национальному составу и структуре экономики. Поэтому следует обратить особое внимание на задачу, поставленную генсеком перед комиссией. Она так формулировалась в протоколе политбюро ЦК ВКП(б): «Основная задача означенной группы товарищей — выработать и провести меры по слову саботажа сева и хлебозаготовок, организованного контрреволюционными кулацкими элементами на Кубани». Итак, Кубанский округ...

Если этот документ недостаточно характеризует избирательность сталинского террора, его можно дополнить цитатой из выступления Кагановича на бюро крайкома ВКП(б) в Ростове-на-Дону 23 ноября: «Не следует брать Сев. Кавказ в целом. Ведь северная часть план сева выполнила. И хлеб сдала лучше. Весь упор надо делать на Кубань... Районы Кубани должны приковать ваше исключительное внимание, особенно вопросы чистки» (речь шла о чистке партии).

Каганович был прав, когда говорил о выполнении десятию округами края планов сева и меньшем невыполнении ими хлебозаготовительного плана. Но те, кто устанавливал планы, руководствовались только им известными соображениями. Мы не можем, например, документально обосновать, почему Украина в 1931 году получила единственная из всех зерновых регионов настолько напряженный план хлебозаготовок, что выполнение его привело к гибели от голода до 150 тыс. крестьян в первой половине 1932 года. Нет у нас и доказательств того, почему напряженность кубанских планов в 1931—1932 годах существенно превышала напряженность планов в других округах Северо-Кавказского края. Но причина-то ведь была?

Мы до сих пор иногда говорим о саботаже колхозников и немногих оставшихся еще в 1932—1933 годах единоличников, которые не хотели сеять хлеб и спустя рукава ухаживали за посевами. Саботаж действительно имел место, однако причина такого отношения к делу известна: государство забирало урожай без всякой компенсации. Признавая неэквивалентность в экономических отношениях между городом и деревней, некоторые историки оправдывают действия вла-

стей: хлеб продавали за границу, чтобы получить валюту для оплаты заказов на машины и оборудование, ибо без высоких темпов индустриализации Советский Союз оказался бы беззащитным перед внешней агрессией. Хлеб был нужен и для того, говорят они, чтобы спасти от голода армию и рабочий класс. Установив карточную систему для городского населения, государство в 1932 году урезало нормы выдачи хлеба для крупных городов и вообще сняло с централизованного снабжения небольшие города во многих регионах страны. Поэтому голод имел место и в зернопроизводящих районах, где у колхозов забирали весь хлеб, и в зернопотребляющих регионах, где резко сократилось централизованное снабжение.

Рассуждения таких историков базируются на аргументах сталинских пропагандистов, которые выглядели убедительно даже для многих из тех, кто тогда голодал.

Но теперь мы можем глубже и полнее оценить ситуацию, которая сложилась в начале 30-х годов. Во-первых, мы знаем, что темпы промышленного развития были резко снижены во второй пятилетке, что помогло преодолеть экономический кризис и положительно сказалось на самой индустриализации. Во-вторых, мы теперь видим, что хлебозаготовки в УССР и на Кубани использовались для маскировки действий, не имевших с ними ничего общего. Коль скоро власть нуждалась в хлебе, зачем ей понадобилось конфисковать у крестьян и казаков фасоль, пшено, лук, свеклу и все другие продукты длительного хранения? Не подлежавшие выполнению в силу своей исключительной завышенности планы заготовок были лишь предлогом для обоснования репрессий, которые выражались в терроре голодом (то есть повсеместных реквизициях всего съестного), массовых арестах украинской интеллигенции по обвинению в «буржуазном национализме» и жестокой чистке партийных организаций (численность КП(б)У сократилась почти наполовину).

Национальная (но отнюдь не этническая!) составляющая в кремлевской политике террора особенно четко прослеживается в действиях сталинского подручного Кагановича на Северном Кавказе. Сразу же после прибытия он собрал местных руководителей и предложил такие меры: поставить на «черную доску» 3–5 кубанских станиц, провести чистку управленцев с опубликованием заведенных на них уголовных дел в прессе, «пустить слухов» о переселении с Севера крестьян на кубанские земли, которые лучше бы справлялись с плодородными черно-

земами. 4 ноября он собственноручно написал текст постановления бюро крайкома «О ходе хлебозаготовок и сева по районам Кубани» и переправил его Сталину. Тот внес в текст поправки и приказал опубликовать постановление в краевой газете «Молот».

На «черную доску» были занесены Новорождественская, Медведовская и Темиргоевская станицы. Выступив 5 ноября в станице Медведовской (24 тыс. жителей), Каганович уже открытым текстом заявил: «Мы переселим на Север всех, кто не хочет сеять!» Эти слова не разошлись с делом. В ноябре из четырех станиц (Полтавской, Медведовской, Урупской и Уманской) на Крайний Север было выслано 51,6 тыс., из других станиц — 10 тыс. человек.

Еще до приезда Кагановича чекисты арестовали на Кубани 5 тыс. коммунистов. Среди арестованных был секретарь партячейки станицы Отрадная Тихорецкого района М. Котов. Вина его заключалась в том, что он приказал раздать часть колхозного хлеба по домам, чтобы избежать голода. Районный суд прореагировал немедленно, осудив Котова на 10 лет концлагеря. Члену чрезвычайной комиссии Анастасу Микояну приговор не понравился: «После суда Котов вышел с ореолом героя, мученика за народные интересы». На следующий день по настоянию Кагановича Котов и 15 членов его партячейки были приговорены к расстрелу.

За ноябрь–декабрь 1932 года и за 1933 год в краевой парторганизации подверглись чистке до 40 тыс. человек. 30 тыс. членов партии бежали из края, не снявшись с партийного учета.

Действия чрезвычайной комиссии привели к гибели на Северном Кавказе сотен тысяч казаков и крестьян. Но только лишь этим Сталин не ограничился.

5. «ПЕТЛЮРОВСКАЯ УКРАИНИЗАЦИЯ»

10 декабря 1932 года на политбюро ЦК ВКП(б) обсуждался вопрос о хлебозаготовках в УССР, на Северном Кавказе и в Западной области. Присутствовали все руководители перечисленных регионов. Сталин внезапно отклонился от темы и напустился на главного вдохновителя украинизации в российских регионах Николая Скрыпника, обвинив его в связях с националистическими элементами. Принятое по итогам заседания постановление ЦК ВКП(б) «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» (от 14 декабря) касалось не столько заготовок, сколько национальной политики

Кремля. Можно утверждать, что это постановление знаменовало собой отказ (но только применительно к Украине) от курса национальной политики, провозглашенного после образования СССР XII съездом РКП(б). Легитимизированный партийным съездом курс ликвидировался секретным постановлением ЦК ВКП(б)!

Провал хлебозаготовок в постановлении увязывался с контрреволюционной работой кулаков, петлюровцев, сторонников Кубанской Рады (аналог Центральной Рады на Кубани). Постановление требовало «решительно искоренить эти контрреволюционные элементы путем арестов, заключения в концлагерь на длительный срок, не останавливаясь перед применением высшей меры наказания относительно наиболее злостных из них».

Внимание Северо-Кавказского крайкома и крайисполкома обращалось на то, что «легкомысленная, не вытекающая из культурных интересов населения, не большевистская «украинизация» почти половины районов Севкавказа при полном отсутствии контроля за украинизацией школы и печати со стороны краевых органов, дала легальную форму врагам Советской власти для организации сопротивления мероприятиям и заданиям Советской власти со стороны кулаков, офицерства, реэмигрантов-казаков, участников Кубанской Рады и т.п.»

Постановление ЦК ВКП(б) положило начало кампании борьбы с «скрыпниковщиной», которая в 1933 году затянула в свой водоворот в Украине десятки тысяч представителей национальной интеллигенции. Ставилась задача «немедленно перевести на Северном Кавказе дело производство советских и кооперативных органов «украинизированных» районов, а также все издающиеся газеты и журналы с украинского языка на русский язык как более понятный для кубанцев, а также подготовить и к осени перевести преподавание в школах на русский язык».

Население Кубани с энтузиазмом приветствовало украинизацию. Этим-то и объяснялся весь секрет ее успеха. Однако террор голодом заткнул рот протестующим. Во время Всесоюзной переписи населения 1939 года никто не отважился спорить с работниками статистических органов, у которых были совершенно точные инструкции: записывать всех коренных жителей русскими. Украинцами признавались только те, кто приехал с Украины. Таких оказалось в 1939 году 4,3%, а во время переписей 1959 и 1989 годов — 3,9%. Так погибла украинская Кубань.

Украинская пресса достаточно поляризована, как и общество в целом. Эту статью я попробовал напечатать в газете, читательская аудитория которой отличается от аудитории газеты «День». Не получилось...

Постоянно приходится сталкиваться с явлением, которое можно назвать «осознанным непониманием». Отношение ко многим проблемам советской истории подлежит в свете уже опубликованных документов существенной корректировке. Однако многие люди решительно не хотят менять привычных представлений о прошлом. Им так удобнее, и это страшно. Ведь если сталинские репрессии не коснулись их непосредственно, они все же являются жертвами. Репрессии, что весьма вероятно, отразились на их семье и, уж несомненно, на их стране. От прошлого нельзя уйти, его надо помнить. Помнить хотя бы для того, чтобы оно не возвратилось.

17 марта 2007 года

V. Можно ли отделить Голодомор в Украине от общесоюзного голода 1932—1933 годов?

1. ВЕРДИКТ НАШИХ КРИТИКОВ

В 2003 году Институт истории Украины НАН Украины нашел средства (отнюдь не из госбюджета!), чтобы подготовить и издать обобщающий труд о Голодоморе. Книга «Голод 1932—1933 років в Україні: причини та наслідки» вышла под редакцией академика В. Литвина в издательстве «Наукова думка» тиражом всего лишь тысяча экземпляров. В ее написании принимали участие 30 сотрудников академических учреждений, преподавателей вузов, архивистов. Том насчитывает 936 стр., из них 48 стр. иллюстраций (в том числе из архива Венской архиепархии — коллекция кардинала Т. Инницера).

Благодаря тесным творческим связям с Институтом всеобщей истории РАН нам удалось ознакомить с этой книгой наиболее авторитетных российских ученых, специализирующихся на аграрной истории советского периода, после чего мы встретились за круглым столом. Российские ученые согласились со многими положениями книги, но отвергли наиболее важное из них: о признании украинского голода геноцидом. Этот голод они рассматривали как фрагмент общекрестьянской трагедии, которая произошла в результате принудительной коллективизации сельского хозяйства. Непосредственной причиной голода наши критики считали хлебозаготовительную политику правительства.

После встреч с нами В. Данилов и И. Зеленин опубликовали в журнале «Отечественная история» (2004, №5) программную статью «Организованный голод. К 70-летию общекрестьянской трагедии». В

Коллективная сдача зерна потребительским обществам в Немирове Винницкого округа. 1929 год. Центральный государственный архив кинофотодокументов Украины

Крестьяне сдают зерно государству в селе Ильницы Винницкого округа. 1929 год. Центральный государственный архив кинофонофото документов Украины

Награждение ударников колхоза имени Ф. Дзержинского по поводу 1-й годовщины колхоза, село Медвежье Ушко, Винницкий округ, 1930 год. Центральный государственный архив кинофонофото документов Украины

Распродажа имущества раскулаченного крестьянина Мартыненко на «красном базаре», село Удачное, (Донбасс), 1931 год. Центральный государственный архив кинофонофотодокументов Украины

Раскулачивание семьи возле своего дома в селе Удачное, (Донбасс), 1931 год. Центральный государственный архив кинофонофотодокументов Украины

Дети собирают мерзлый картофель на колхозном поле, село Удачное, (Донбасс), 1933 год. Центральный государственный архив кинофотодокументов Украины

Голодающий мальчик.
Репродукция из «Famine-Genocide in Ukraine, 1932–33». Edited by W. Isajiw. Торонто, 2003 год

Дети, родители которых умерли голодной смертью. Украина, 1933 год.
Репродукция из журнала «Forum» (Канада) №54, 1983 год

Очередь за хлебом.
Репродукция из «Famine-Genocide in Ukraine, 1932–33». Edited by W. Isajiw. Торонто, 2003 год

Крестьяне возле умирающих лошадей. Украина, 1933 год.
Репродукция из журнала «Forum» (Канада) №54, 1983 год

Мальчик возле умирающего отца. Украина, 1933 год.
Репродукция из журнала «Forum» (Канада) №54, 1983 год

Крестьянки собирают зернышки возле колхозного амбара. Украина, 1933 год.
Репродукция из журнала «Focus» (Канада), № 54, 1983 год

ней остро осуждалась хлебозаготовительная политика Кремля, которая стала причиной рукотворного голода во многих регионах СССР. Однако историки не нашли в этой трагедии ни убедительных признаков геноцида, ни принципиальных различий между украинским и общесоюзным голодом.

С Виктором Петровичем Даниловым мне приходилось общаться в разные периоды жизни в науке. Он стал авторитетным в международном научном сообществе еще в советское время. Это помогло впоследствии получать на Западе гранты для развертывания масштабного поиска и публикации источников по аграрной истории СССР. Вершинным достижением его жизни стал пятитомный сборник документов и материалов «Трагедия советской деревни». Вторую часть пятого тома друзья и ученики опубликовали в 2006 году уже без него...

Советологи и русисты в странах Запада тоже рассматривают большей частью украинский голод в контексте общесоюзного. В августе 2004 года лидер основанной Эдвардом Карром бирмингемской школы советологов Роберт Девис передал мне свою новую монографию «Годы голода: советское сельское хозяйство в 1931—1933 гг.» В газете «День» я уже упоминал это исследование о голоде в СССР — наиболее фундаментальное в мировой историографии (2007, № 25, 29). Авторы (Девис взял в соавторы своего ученика — выдающегося австралийского демографа, специалиста по истории СССР Стефена Виткрофта) построили свою книгу на советских архивах и сделали немало важных выводов, которые должны заинтересовать ученых. Но голод в УССР и на Кубани остался для них, используя термин В. Данилова и И. Зеленина, частью общекрестьянской трагедии. Наиболее убедительно доказывает это один небольшой сюжет.

Девис и Виткрофт указали на то, что уровень смертности в Украине непрерывно рос с ноября 1932 до июня 1933 годов, когда превысил естественный в 13 раз. Голодом, как подчеркивалось в книге, были поражены все области, но более всего пострадали Киевская и Харьковская. Меньшая смертность в северных районах этих областей объясняется тем, что там можно было найти в больших количествах незерновое продовольствие (where food other than grain was available in greater quantities). Объяснение показывает, что авторы не увидели качественного отличия между голодом во многих регионах СССР, который был следствием конфискации зерна, и Голодомором в Украине, вызванным после этой конфискации изъятием всех продовольственных запасов.

Убедительным аргументом, который противоречит, как представляется нашим критикам, тезису о Голодоморе как геноциде, является наличие большого количества фактов о предоставлении государственной продовольственной помощи наиболее пострадавшим от голода регионам. В частности, Девис и Виткрофт нашли в архивах за период от 7 февраля до 20 июля 1933 года 35 постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР о предоставлении помощи зерновыми культурами. Совокупный объем помощи составлял 320 тыс. тонн, из них УССР и Кубань получили 265 тыс. тонн, Нижняя Волга — 15,5 тыс., а все другие регионы, вместе взятые — только 39,8 тыс. тонн. Ознакомившись с книгой еще в рукописи, Р. Конквест в письме к авторам отказался от тезиса о геноциде, а Девис и Виткрофт процитировали в книге это место из его письма. Кроме того, на суперобложке они указали, ссылаясь на главное произведение профессора Стенфордского университета — книгу «Жатва скорби»: «Наше исследование голода привело нас к совсем другим, нежели у доктора Конквеста, выводам». В июне 2006 года украинская делегация, состоявшая из специалистов по истории Холокоста и Голодомора, встретила с Робертом Конквестом в Стенфордском университете. На прямой вопрос профессора В. Марочко относительно политико-правовой оценки Голодомора Конквест дал уклончивый ответ, из которого следовало, что термин «геноцид» стал для него неприемлемым: «Лучше использовать термин «голодомор», то есть конкретную историческую форму массовой смертности населения».

Р. Девис, С. Виткрофт и примкнувший к ним Р. Конквест не поняли, что конфискация хлеба и вслед за ней — всех других запасов продовольствия, с одной стороны, и предоставление продовольственной помощи ограбленным крестьянам — с другой, являются элементами одной и той же террористической комбинации. Террор голодом мог быть осмысленным деянием Кремля только в том случае, если бы он сопровождался масштабной и хорошо разрекламированной кампанией помощи голодающим.

Конквест не смог уложить в единое целое противоречивые, казалось бы, факты одновременного уничтожения и спасения людей. Возможно, ранее он надеялся на то, что документальные материалы советских архивов подтвердят сделанный им на основе опроса свидетелей вывод о голоде-геноциде, который обосновывался в книге «Жатва скорби» (1986 года издания). Но он посмотрел глазами Девиса и Виткрофта на архивы Кремля и не нашел такого подтверждения.

Действительно, 20 лет архивного поиска не дали прямого подтверждения заявлений выживших жертв Голодомора о том, что их пытались уничтожить. Исследователи убедились только в том, что Сталин использовал даже в общении со своими ближайшими подручными эзоповский язык. Главный составитель уникальной по своему научному значению книги «Сталин и Каганович. Переписка 1931—1936 гг.» Олег Хлевнюк заметил у генсека такую особенность: даже в совершенно секретной переписке Сталин конструировал для себя и своего окружения картину событий, которая была далекой от реальности, но позволяла сохранить «политическое лицо» высшей власти.

Кремлевские архивы не дали однозначного ответа и на вопрос, кого уничтожал Сталин в Украине в 1933 году — украинцев или крестьян? Тех, кто выжил во время Голодомора, поставленный таким образом вопрос мог бы возмутить. Украинских крестьян, которые тогда погибали миллионами, никто не спрашивал, украинцы они или крестьяне. Но под углом зрения Конвенции ООН о геноциде такое различие жертв голода имеет смысл. Конвенция принималась с участием советских юристов, и поэтому социцид как неизбежный результат «социалистических преобразований» в ней отсутствует.

Впервые вопрос о социальной или национальной направленности сталинского террора голодом в афористической форме поставил выдающийся английский специалист по экономической истории СССР Алек Ноув (Nove). Вспомнив об угрозе Сталина на объединенном заседании политбюро ЦК и президиума ЦКК ВКП(б) 27 ноября 1932 года «ответить сокрушительным ударом» на саботаж «отдельных колхозников и колхозов», он сформулировал свое несогласие с Конквестом в четвертом издании своего классического труда по экономической истории СССР в такой форме: «Это скорее «сокрушительный удар» по крестьянам, среди которых было много украинцев, чем по украинцам, среди которых было много крестьян». Ноув понимал причины уничтожения государством крестьян, которые сопротивлялись коллективизации (кампания ликвидации кулачества как класса тоже была истребительной), но не мог поверить собранным в книге Р. Конквеста рассказам свидетелей голода, утверждавших о том, что уничтожали украинцев.

Вожди ВКП(б), которые в своей идеологии базировались на «Манифесте Коммунистической партии», с легкостью декларировали свои намерения ликвидировать враждебные классы. Они, однако, будучи «пролетарскими интернационалистами», не позволяли себе деклара-

ций о ликвидации наций. Уничтожая цвет дореволюционной интеллигенции и проводя масштабную чистку КП(б)У, Павел Постышев надевал вместо традиционного большевистского френча сорочку с украинским орнаментом, декларировал высшую степень заботы о расцвете культуры — «национальной по форме, социалистической по содержанию». Поэтому историки Запада после открытия архивов не смогли найти прямых свидетельств преследования советских граждан по национальному признаку вплоть до 1934 года (лишь тогда появились в Украине первые жертвы национальных депортаций — немцы-«фашисты» и поляки-«пилсудчики»). Исследователи, однако, нашли в архивах иное: ужасающие результаты карательной акции, о которой рассказывали выжившие в те годы свидетели. При всех условиях требует определения в юридических терминах сам факт колоссальной смертности в украинских селах. Она не в 13, как показывает советская демографическая статистика, а в три десятка раз, как устанавливает реконструкция этой статистики, превышала естественную. Столь высокие показатели смертности отличают украинский голод от голода в других регионах СССР, вызванного драконовскими хлебозаготовками или снятием населения «второстепенных» городов и местечек с централизованного снабжения. Факты свидетельствуют о том, что террор голодом был обращен против украинских крестьян, а не против крестьян вообще. Понятно, однако, что от организованного Кремлем на территории Украины голода пострадали польские, немецкие, болгарские и другие села.

2. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТА И ВРЕМЕНИ

Целенаправленное уничтожение миллионов украинских крестьян можно было утаить от всего советского населения и даже (как свидетельствуют мемуары Н. Хрущева) — от компартийно-советских функционеров высшего ранга. Но о нем не могли не узнать те, кого уничтожали, хотя бы потому, что уничтожению подлежали не все из них. Любой террор, в том числе террор голодом — это показательное уничтожение части людей с целью добиться желаемого поведения от всех других. Следовательно, государственная помощь голодающим в зоне действия террора голодом не должна быть доказательством отсутствия террора.

Почему этого не могли понять историки мировой величины — В. Данилов, Р. Девис, Р. Конквест? Возможно, не только потому, что докумен-

тальные свидетельства о конфискации незернового продовольствия либо совсем отсутствовали, либо были тщательно замаскированы. За долгие десятилетия в нашем сознании отложилось весьма суженное представление о геноциде, которое было сформировано гитлеровской практикой уничтожения евреев. Но в Советском Союзе геноцид должен был иметь другой облик. Он мог быть только продуктом конкретных обстоятельств места и времени. Будучи осмысленным деянием Кремля, он должен был произойти на пересечении его социально-экономической и национальной политики. Это утверждение мне кажется чрезвычайно важным. Чтобы оно не прозвучало декларативно, должен обосновать его собственным опытом многолетнего пребывания в теме.

Моя первая монография о голоде 1932—1933 годов «Цена «великого перелома»» появилась еще тогда, когда существовал Советский Союз. Выходу ее в свет предшествовали четыре года исключительно напряженного труда в архивах. Поэтому сугубо фактическая сторона темы в той книге освещалась достаточно полно, она и доньше не устарела. Голод определялся как геноцид, но это определение обосновывалось только его ужасающими последствиями. Связать между собой конкретные факты причинно-следственными связями я тогда не мог, а без этого тщательно замаскированные действия Сталина и его ближайшего окружения либо вообще не фиксировались сознанием, либо находили ошибочную интерпретацию.

Уже четыре десятилетия я исследую сравнительно небольшой хронологический отрезок советской истории — от 1921 до 1939 годов. Со временем пришло понимание того, что любое важное событие не получит правильную интерпретацию, если исследователь будет оставаться в рамках лишь этих 18 лет. Мы прожили в построенном большевиками «государстве-коммуне» 74 года, не понимая, что тот мир отличался от естественного своими цивилизационными параметрами. Чтобы освободиться от стереотипов советской эпохи, пришлось написать книги, посвященные Русской революции 1917 года и антикоммунистической революции 1991 года.

Идея «государства-коммуны» была сформулирована В. Лениным в апреле 1917 года. Большевики преуспели в том, чтобы связать в сознании советских людей свою «революцию сверху» с Русской революцией. Но их собственная революция не имела никакого отношения к обоим течениям Русской революции — демократическому и советскому. Строительство «государства-коммуны» началось с весны 1918 года и закончи-

лось в конце 30-х годов (передвоенной зачисткой 1937—1938 годов). Изучая историю советского времени, нельзя полностью полагаться на общепринятые методы исторической науки, которые были отработаны на основе естественноисторического процесса. Ведь строительство «государства-коммуны» и включение в него многомиллионного крестьянского населения были следствием субъективных действий небольшого количества конкретных лиц. Этот процесс представлял собой постоянное противостояние группы вождей правящей партии и широких народных масс. Народ стремился оставаться самим собой, а вожди пытались воплотить в жизнь собственные представления о том, как ему жить. Некоторые аспекты социально-экономической политики Кремля были реализованы методами террора и пропаганды, от других приходилось отказываться под угрозой стихийных народных восстаний.

После презентации нашей коллективной монографии в Институте всеобщей истории РАН, о которой уже шла речь, я заново пересмотрел документы, имеющие отношение к Голодомору, под углом зрения критериев, которые сформулированы в Конвенции ООН для определения геноцида. Читатели газеты «День» были не только свидетелями, но и в определенной степени участниками этих поисков (имею в виду их отзывы на сайте газеты в Интернете). «День» трижды печатал серии моих статей — в октябре — ноябре 2005, сентябре — октябре 2006 и в феврале 2007 годов. Вместе с публикациями в газетном формате, которые составили эту книгу, создавалась научная монография, посвященная обоснованию Голодомора как геноцида. Она публикуется в издательстве «Наш час» одновременно с этой книгой.

Анализ источников показывает, что украинский Голодомор стал возможным в контексте проводившейся Сталиным политики коммунистического штурма. Ленинский коммунистический штурм 1918—1920 годов привел к развалу экономики и угрозе гражданской войны со всем крестьянством. Поэтому Ленин был вынужден перейти к нэпу, сохранив в государственной собственности «командные высоты» экономики. Сталинский штурм 1929—1932 годов изменил промышленный облик страны, по его неизбежному следствию стал охвативший ее голод 1932—1933 годов. Сталин не отступил, подобно Ленину, хотя внес существенные коррективы в составленный Лениным план «социалистического строительства». Чтобы продолжать начатую в 1918 году «революцию сверху», он усилил террористическую составляющую этой политики. Наивысшим ее проявлением стал примененный против крестьян Украины террор голодом.

3. ПОЛИТИКА «ПОДХЛЕСТЫВАНИЯ»

Голод 1932—1933 годов в Украине имеет сложную структуру. В первой половине 1932 года это уже был полномасштабный голод, вызванный драконовскими хлебозаготовками из урожая 1931 года. Столь массовой смертности среди сельского населения в других регионах еще не наблюдалось, за исключением Казахстана, где уже начинался подлинный голодный мор. Новый урожай изменил ситуацию, но с октября в Украине вновь стал ощущаться повсеместный голод, вызванный, как и в других регионах, конфискацией текущего урожая. В последние месяцы года источником голода стала не только конфискация хлеба, но и (на ограниченной площади) всего продовольствия. После января 1933 года, когда украинские крестьяне были лишены всех запасов продовольствия, голод перерос в Голодомор.

Помесячное выявление глубины голодания (оно фиксируется советской статистикой рождаемости и смертности) имеет важное значение, ибо связано с его причинами. Голодомор был следствием однократного террористического акта, а предшествовавший ему голод — результатом сталинской политики «подхлестывания», заключавшей в себе несомненные элементы государственного террора.

В докладе «Итоги первой пятилетки» на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 года И. Сталин объявил о завершении политического курса, начатого после отказа Кремля от нэпа. Речь шла не о сути курса — она оставалась прежней, а о методе его осуществления. Метод своей экономической политики в первой пятилетке (IV кв. 1928—1932 годы) Сталин передал колоритным и емким словом: «подхлестывание». «Осуществляя пятилетку и организовывая победу в области промышленного строительства, — говорил он, — партия проводила политику наиболее ускоренных темпов развития промышленности. Партия как бы подхлестывала страну, ускоряя ее бег вперед».

Действительно, в городе эта политика «подхлестывания» осуществлялась путем установления невозможно высоких темпов промышленного роста с обязательным репрессированием тех, кто оказывался в задних рядах. Патриарху директивного планирования Станиславу Струмилину приписывалось такое крылатое высказывание: «Лучшие стоять за высокие темпы, чем сидеть за низкие». В области сельского хозяйства эта же политика проявлялась в виде изъятия максимальной доли выращенного урожая. Хлебозаготовки прекращались только весной следующего года, и тогда государство приходило на помощь крес-

тянам с широко разрекламированными семенными и продовольственными ссудами.

Будучи террористической по своей сути, политика «подхлестывания» обернулась для страны многими бедами. Чего стоят «шахтинское дело» и развернувшаяся вслед за ним кампания «спедедства»! Чего стоят кампания «ликвидации кулачества как класса» 1930—1931 годов, да полтора сотен тысяч украинских крестьян в первой половине 1932 года, голодная смерть в стране миллионов людей в первой половине 1933 года! Но из всей этой бесконечной череды преступных действий власти мы хотим выделить нечто конкретное: направленную против украинских крестьян акцию, которая состояла из двух частей: конфискации незернового продовольства и организации продовольственной помощи во время подготовки и проведения весеннего сева 1933 года.

Акция против украинских крестьян была задумана и осуществлена как раз тогда, когда сталинский режим решил отказаться от политики «подхлестывания», убедившись в том, что она угрожает колоссальным социальным взрывом. Но эта акция, признанная политически необходимой в ноябре 1932 года (о сталинской угрозе ответить «сокрушительным ударом» на саботаж украинских колхозников уже говорилось при анализе позиции Алека Ноува относительно направленности террора голодом), была замаскирована под политику «подхлестывания». Практика драконовских хлебозаготовок с возвратом части отобранного по заготовкам зерна стала за три года настолько привычной, что замаскировала нечто совершенно иное: осуществленную под видом хлебозаготовок акцию по изъятию незернового продовольства. Эта акция имела своей целью все что угодно (об этом — позднее), но отнюдь не ускорение темпов промышленного строительства. В первой половине 1932 года сталинский режим спасал всех украинских крестьян, оказавшихся на грани голодной смерти. Наоборот, в первой половине 1933 года он равнодушно взирает на гибель одних, хотя одновременно спасал от гибели других. Разобраться в таком поведении власти при полной информационной и физической блокаде голодающих регионов было невозможно. Тем более, что вследствие концентрации власти, имевшей под собой вполне объективные причины, в Советском Союзе начала 30-х годов установилась диктатура совсем узкой группы политических деятелей, сплотившихся вокруг Сталина. Сталин и его подручные имели возможность планировать и осуществлять любые преступные действия, не допуская утечки нежелательной информации не только в ус-

тавный орган диктаторской власти — ЦК ВКП(б), но и в неофициальный властный центр — политбюро ЦК.

Отказ Сталина от политики «подхлестывания» проходил столь же постепенно, как и отказ Ленина от продрозверстки при переходе к новой экономической политике. Политика коммунистического штурма обернулась для страны многими бедами и в 1920 и в 1932 годах. Но отказ от этой политики был сопряжен с отступлением от партийной программы 1919 года, на что вожди шли совсем неохотно.

Мы многое знаем о народнохозяйственной разрухе 1919—1920 годов. Это знание заложено в нас со школьной скамьи, поскольку наши учителя, а перед тем — вожди должны были объяснить, почему произошла столь резкая смена экономической политики, и страна оказалась в нэпе. Причиной разрухи называлась гражданская война, хотя на самом-то деле война была спровоцирована национализацией «командных высот» и продрозверсткой. Иностранцев тоже обвиняли в подрыве экономики, хотя интервенция не имела серьезных масштабов. Да и стоит ли говорить о ней, коль численность Красной армии к концу 1920 года превысила численность всех европейских армий, вместе взятых! В Кремле в полный голос тогда заговорили о мировой революции, рассчитывая «прощупать штыками» прочность соседних стран.

Подлинной экономической ситуации в 1932 году мы не знали. Школа заложила в нас знание о триумфальных достижениях советской власти в осуществлении генеральной линии партии на социалистическую индустриализацию. Книжки, кинофильмы, песни, художественные полотна повествовали о Днепрогэсе, Турксибе, Магнитке и других новостройках первой пятилетки.

Конечно, все это было. Но было и другое. С 1929 года правительство непрерывно наращивало объемы капитального строительства в промышленности, а в июле 1932 года Сталин дал указание сократить утвержденный годовой план на 500—700 млн. руб. В июле же пришлось существенно сократить и военный бюджет. Когда К. Ворошилов припомнил прежние обещания, Сталин ответил, что теперь другая ситуация. Только тяжелый кризис мог заставить сталинское правительство уменьшить расходы на «священных коров» бюджета — промышленность и армию. Показателем надвигающейся экономической катастрофы стало отчаянное состояние платежного баланса. Чтобы получить валюту и оплатить счета поставщиков иностранного оборудования для новостроек, на аукцион начали выставлять бесценные произведения мирового искусства и уникаль-

ные предметы антиквариата. Но это привело лишь к обвалу цен на столь специфическом рынке.

Правительство было способно вытрясти из колхозов весь хлеб, чтобы обеспечить экспортные потребности. Резкое уменьшение хлебного экспорта (с 316 млн. пудов в 1931 году до 108 млн. в 1932 году) объясняется не желанием оставить хлеб в стране, а его элементарным отсутствием.

Дефицит хлеба привел к росту антисоветских настроений среди городского населения, в том числе у рабочего класса. В последнем квартале 1932 года на централизованном снабжении в Украине находилось 7 160 тыс. человек. Чтобы привести в соответствие расход хлеба с его запасами, политбюро ЦК КП(б)У 29 ноября приняло решение уменьшить норму для служащих, а также иждивенцев рабочих и служащих по особому и первому спискам с 400 до 300 грамм в день, снять со снабжения кустарей, сократить фонд общепита на 15% и смешать муку с ячменем и кукурузой.

Непопулярные меры подорвали влияние партии среди населения и авторитет вождей среди тех, кто связывал свое благосостояние с партбилетом. В письме 20-летнего комсомольца Г. Ткаченко генеральному секретарю ЦК КП(б)У С. Косиору промелькнула такая фраза: «Нынче приобретает силу и авторитет теория тов. Бухарина». Используя не только партаппарат, но и чекистов, сталинцы разгромили в 1928 — 1929 годах бухаринский «уклон». Однако идеи Н. Бухарина, который отстаивал кооперативы вместо колхозов, оставались популярными. Провал экономической политики Сталина ставил на порядок дня вопрос о возвращении к нэпу и кооперативному строительству. Партия, за исключением ее номенклатурной части, могла объединиться вокруг этих лозунгов. Для Сталина это означало политическую смерть.

Антисталинские настроения среди рабочего класса и интеллигенции становились особенно опасными для Кремля, когда смыкались с антиколхозными настроениями или выступлениями крестьян. Политработники Украинского военного округа во время перлюстрации писем красноармейцев нашли, например, такой текст: «Горе социализму, если будет война в 1932 году. Всего одна искра — и вспыхнет неслыханный пожар, а тогда или Москва — пан, а Киев хам, а может быть и наоборот». В редакционной почте «Известий» за июль 1932 года находилось письмо, в котором анонимный автор возмущался: «Я проехал от Одессы до Москвы и видел на всех станциях Украины тысячи детей, опухших от голода, которые тучами обступали пассажиров. И у вас хватает нахальства в центральном органе уверять кого-то, что у нас все благополучно!».

Поскольку население Украины голодало второй год подряд, ситуация в республике была наиболее взрывоопасной. В справке секретно-политического отдела ОГПУ «О негативных явлениях в деревне и деятельности антисоветского элемента» (от 5 августа 1932 года) особенное внимание обращалось на растущую активность антиколхозного движения. Чекисты зафиксировали также резкое возрастание крестьянских выступлений в 1932 году сравнительно с 1931 годом. На первом месте по количеству выступлений стояла УССР — 923 из 1630 по всей стране. На втором месте находился Северо-Кавказский край (173 выступления).

Все это пугало второй эшелон компартийного руководства, и его представители обращались к Сталину с предложениями нормализовать ситуацию. В записке, адресованной в январе 1932 года политбюро ЦК ВКП(б), председатель ЦКК и нарком РКИ СССР Я. Рудзутак настаивал на том, чтобы колхозы знали свой заготовительный план в начале года. Они могли бы бороться за хороший урожай, убеждал Рудзутак, если бы были уверены в том, что произведенная сверх плана продукция останется у них. Иначе говоря, Рудзутак предлагал перейти в отношениях с колхозами на принципы продовольственного налога. Эта же идея в другой форме выдвигалась в марте 1932 года С. Косиором в письме к Сталину: «Объявить от имени союзных организаций о порядке хлебозаготовок из будущего урожая, исходя из того, что чем большего урожая добьются колхоз и колхозники, тем больший фонд должен быть выделен и распределен на личное потребление».

Предложения Я. Рудзутака и С. Косиора имели общую основу: оба считали, что объединенные в колхоз крестьяне являются собственниками той продукции, которую производят, и обязаны, как каждый субъект предпринимательства, делиться с государством фиксированной частью продукции. Наоборот, Сталин, несмотря на заявления о разной природе государственной и «колхозно-кооперативной» форм собственности, считал негосударственные сельскохозяйственные предприятия такими, у которых государство может изымать произвольную часть произведенной продукции. Иными словами, в отношениях с колхозным селом генсек полагался на насилие.

В июне 1932 года СНК СССР разработал проект хлебозаготовительного плана, который подлежал утверждению на партийных конференциях. На украинскую конференцию Сталин приказал выехать Л. Кагановичу как секретарю ЦК и В. Молотову как председателю СНК. Перед ними ставилась задача заставить партийную организацию Украины принять к

выполнению продиктованный из Кремля хлебозаготовительный план. «Главный удар нужно направить против украинских демобилизаторов», — заявил генсек.

Две трети делегатов конференции с решающим голосом были секретарями сельских и районных парткомов. Обращаясь прежде всего к ним, С. Косиор сказал: «Нам, нашим сельским организациям надо немедленно подняться, взять руководство крепко в руки, мобилизовать все свои силы, силы колхозников». Следовательно, низовые руководители услышали только привычную, ничего не значащую риторiku. Они должны были в третий раз, после заготовок 1930 и 1931 годов, убеждать крестьян отдавать государству продукцию без меры. А руководители знали, что крестьяне не будут работать на государство без оплаты, если же их заставят, то потери станут колоссальными.

В письме Молотову и Сталину от 10 июня 1932 года председатель Совнаркома УССР Влас Чубарь предупреждал: «Чтобы обеспечить себя на зиму лучше, чем в истекшем году, начнется массовое хищение хлеба. То, что наблюдается сейчас — вырывание посаженного картофеля, свекловичных высадок, лука и т.д. — будет воспроизведено в гораздо больших размерах в период созревания озимых хлебов, поскольку фондов питания из отпущенных ресурсов позже, чем до 1 июля, не хватит».

Отслеживая ситуацию в украинских селах, секретно-политический отдел ОГПУ в июне этого года подготовил для руководителей СССР справку о настроениях. В колхозе «Путь к социализму» Балтского района крестьяне заявили: «Нам бы только дожидаться нового урожая, а там посмотрим, кто будет хозяином хлеба, мы не будем больше дураками, какими были в прошлом году».

В такой ситуации рождался «закон о пяти колосках», как его окрестили в народе. 20 июля 1932 года Сталин написал Кагановичу и Молотову с кавказского курорта о том, что существующее законодательство о хищениях государственного, колхозного и кооперативного имущества слишком либеральное. В другом его письме мы находим теоретическую интерпретацию предложенного закона, которая проясняет план интегрирования колхозного строя в командную экономику, существовавший в Кремле в период от зимы 1929/30 года до зимы 1932/33 года. Кооперативная, колхозная и государственная формы собственности провозглашались общественной собственностью, которая становилась «священной и неприкосновенной» под охраной силовых структур. Охрана считалась необходимой, чтобы «добить и похо-

ронить» не только капиталистические элементы, но и «индивидуально-рваческие привычки, навыки, традиции».

Наложим эти теоретические новации на желание сталинской команды во что бы то ни стало реализовать действовавшую партийную программу, то есть наладить распределение материальных и культурных благ среди населения без опосредования товарно-денежными отношениями. Такое намерение Ленин почти осуществил в 1920 году, но это «почти» привело к коллапсу всей экономики. Что же случилось в 1932 году? С одной стороны — блестящие успехи в капитальном строительстве. Ведь рабочим и инженерам платили зарплату и обеспечивали часть ее нормированным снабжением. С другой стороны — нарастающий экономический и социальный кризис, ударивший всей своей тяжестью по сельскому населению. Мы теперь должны понять причину отказа Сталина строить отношения между городом и деревней на налоговых основаниях. Ведь вменение колхозам в обязанность платить налоги означало признание государством их права на выработанную продукцию. Однако материальная заинтересованность, которая могла обеспечить эффективную работу крестьян в общественном хозяйстве колхозов, приравнивалась генсеком к индивидуально-рваческим привычкам.

7 августа 1932 года ВЦВК и СНК СССР приняли постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Мерой судебной репрессии за расхищение колхозного и кооперативного имущества являлся расстрел, который при наличии «смягчающих обстоятельств» заменялся лишением свободы на срок не менее 10 лет.

Поскольку Сталин находился далеко от Кремля, сохранились все документы по разработке закона, который он сам назвал «драконовским». Они обнаруживают прямую связь между ситуацией в сельском хозяйстве Украины и принятием закона. Нет нужды, однако, абсолютизировать эту связь. «Закон о пяти колосках» следует рассматривать в более широком ракурсе: как попытку террористическими средствами интегрировать созданный в СССР колхозный строй в командную экономику. Украина оказалась на первом плане только потому, что кремлевские строители «государства-коммуны» довели ситуацию в ней до кипения ранее, чем в других регионах. С другой стороны, чем были спровоцированы более жесткие хлебозаготовки именно в УССР и на Северном Кавказе? Ответ на этот вопрос может дать исследование национальной политики Кремля, о чем следует говорить отдельно.

Можно ли считать, что Сталин был непоследовательным в попытках построить отношения между городом и деревней без их опосредования товарно-денежными отношениями? В марте 1930 года он согласился на существование колхозов в артельной форме, а в мае 1932 года — на колхозную торговлю по ценам свободного рынка. Но это были отступления для успокоения крестьянства. После них обязательно происходило наступление: государство выкачивало из деревни хлеб, надеясь на то, что колхозники прокормятся с приусадебного участка.

Отказ от политики «подхлестывания» в капитальном строительстве был обнародован, как уже указывалось, на январском (1933 год) пленуме ЦК ВКП(б). А 19 января 1933 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «Об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами».

Могли ли отношения между «командными высотами» экономики и сельским хозяйством радикально измениться после принятия одного-единственного постановления? Могли, и есть пример: решение X съезда РКП(б) о переходе от продразверстки к продналогу, которым открывалась новая экономическая политика. Постановлением от 19 января 1933 года государство признавало, что колхозная продукция принадлежит крестьянам, а ему должна поступать лишь часть этой продукции в виде налога, размер которого следовало сообщить до начала сельскохозяйственного года.

Налоговый характер зернопоставок означал, что выращенное сверх обязательств зерно может использоваться колхозами по их усмотрению, в том числе для свободной продажи. В январе 1933 года колхозы приобрели тот вид, в котором мы их запомнили. Одним своим обликом они поворачивались к государственному сектору экономики, а вторым (приусадебным хозяйством) — к рынку. Такой характер взаимоотношений города и деревни сохранил в Советском Союзе товарно-денежные отношения, хотя они уже не играли решающей роли. Колхозникам оставили частную собственность на приусадебное хозяйство, хотя по идеологическим причинам ее стали называть личной собственностью.

4. «УКРАИНУ МОЖЕМ ПОТЕРЯТЬ!»

После XX съезда КПСС был изъят из повседневного пользования созданный при непосредственном участии Сталина краткий курс «Истории ВКП(б)». К сожалению, заложенные в нем пропагандистские стереотипы остались в других учебниках, а следовательно, и в наших головах. Пожалуй, основным заимствованным из него стереотипом являет-

ся взгляд на историю Советского Союза как на совокупность действий, осуществленных по плану, разработанному в Кремле. На самом же деле то, что называлось «социалистическим строительством», выглядело как поле боя между политическим режимом и обществом, которое режим пытался преобразовать по своему образу и подобию.

Целью режима было создание «государства-коммуны», полностью лишенного частной собственности на средства производства, товарно-денежных отношений и рынка. Действуя методами «ленинского танго» (два шага вперед, шаг назад), вожди создали строй, максимально приближенный к «государству-коммуне». Существование такого государства в первоначально задуманном виде оказалось технически невозможным.

Многие из нас и сейчас убеждены, что тогда создавался строй, основанный на социальном равенстве и социальной справедливости. Действительно, коммунистический строй создавался под этими лозунгами, рождавшаяся действительность в какой-то степени подтверждала их, а прорехи между лозунгами и действительностью ретушировались школой и пропагандой. Вожди, однако, старались только для себя. Они хорошо понимали, что в обществе, которое достаточно далеко удалено от первобытности, частную собственность нельзя уничтожить, но можно сконцентрировать в одних руках — их собственных.

«Ленинское танго» со страной дважды ставило ее на грань экономической катастрофы, после чего вожди отступали. В 1932 году эта грань четче всего обозначилась в виде повсеместного голода. Именно в такой ситуации стал возможным украинский Голодомор.

Здесь настало время четко обозначить понятие «украинский Голодомор». Какую реальность мы имеем в виду, говоря об украинцах: совокупность людей, объединяемых по этническому признаку, или совокупность граждан, объединяемых по национально-территориальному признаку? В Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» от 9 декабря 1948 года упомянуты четыре человеческие группы — национальная, этническая, расовая и религиозная. Поэтому необходимо определиться, кого мы имеем в виду, говоря об украинцах.

Призывая международное сообщество признать украинский Голодомор геноцидом, мы обращали внимание только на последствия этой трагедии. В аргументации, начиная с первых, созданных в диаспоре книг, звучал, главным образом, такой мотив: уничтожались украинцы. С одной стороны, это задевало чувства людей других национальностей, которые потеряли в Голодоморе своих родных и близких. С дру-

гой стороны, «заталкивание» проблемы в этническую плоскость вынуждало доказывать, кто именно и почему настолько ненавидел украинцев, что не останавливался в репрессиях даже перед террором голодом. Но мы не найдем сколько-нибудь убедительных доказательств того, что украинцы в СССР преследовались по признаку их этнического происхождения. Наоборот, в советской действительности есть множество фактов, свидетельствовавших о том, что украинцы являлись чуть ли не государственным этносом, поскольку никто их не отличал от русских в национальных республиках и областях СССР. Следовательно, мы не найдем причин Голодомора, если будем искать их в сугубо этнической плоскости.

Остается рассмотреть вторую ипостась тех же украинцев — как совокупности граждан Украины, объединенных по национально-территориальному признаку. В Конвенции ООН различаются две близкородственные группы — этническая и национальная. Их перечисление в одном ряду делает очевидным главный признак отличия национальной группы от этнической: наличие связанной только с этой группой государственности. При этом государственность могла быть не собственной, а отраженной: в УССР с 1934 года репрессировались советские немцы и поляки только потому, что СССР был недружественным соседом Польши и Германии.

В ноябре 2006 года, когда Верховная Рада приняла закон «О Голодоморе 1932 — 1933 годов в Украине», наиболее острые дебаты развернулись вокруг смыслового наполнения термина «украинцы». В президентском законопроекте фигурировала украинская нация, в принятом законе — украинский народ. В связи с этим у многих сторонников президентского законопроекта возникли опасения: вписывается ли понятие «украинский народ» в перечень групп, предусмотренных Конвенцией ООН.

Такие опасения беспочвенны, ибо термин «народ» не связан напрямую с расовой либо религиозной общностями, но вписывается целиком и полностью в обе другие общности — этническую и национальную. Народом может быть и не имеющая своей государственности общность, которую связывает единство этнического происхождения, и государствообразующая общность, которую на Западе привычно называют нацией (nation). Однако в нашем случае следует принимать во внимание специфику Советского Союза как государства, а также специфику формировавшегося в нем социально-экономического строя.

Этнически чистых наций не существует и не существовало никогда. Каждая человеческая общность в национальном государстве является политической нацией, то есть конгломератом многих этнических сообществ, группирующихся вокруг государствообразующей этнической нации. Политическая нация в своем ином измерении выступает как гражданское общество.

В тоталитарной стране гражданское общество существовать не могло, а потому не могла существовать и политическая нация. В последние десятилетия существования СССР теоретики из КПСС выдвинули тезис о советском народе как новой исторической общности, но он не привился как искусственный. Чем же был Советский Союз под тем углом зрения, который здесь обсуждается? Ответ такой: этнократической диктатурой в форме федерации демократических республик. Именно это коренное противоречие между формой и содержанием, налагаясь на тяжкий социально-экономический кризис, и послужило свечой зажигания для Голодомора.

Многонациональный Советский Союз строился на основах конституционного этнократизма с иерархической градацией наций. Нации, которые давали свое имя политико-административным регионам, были названы «титულными». Первое место в национальной иерархии занимали русские: они обладали неофициальным статусом «титульной нации» в пределах всей страны, а их республику часто называли «первой среди равных». Однако в тоталитарной советской империи русские оставались такими же бесправными в политическом отношении, как и все другие нации.

Украинцы были «титульной нацией» в пределах собственной республики и этнографической массой с тенденцией к ассимиляции с русскими — в других регионах. Эта тенденция к ассимиляции была достаточно сильной лишь среди интеллигенции. Ассимилируясь, она повышала свой статус до наивысшего в национальной иерархии.

Положение украинцев смежного с УССР Северо-Кавказского края было достаточно специфическим. Их основная масса с энтузиазмом поддержала кампанию украинизации, которая проводилась в крае при содействии Николая Скрыпника. Украинцы Северного Кавказа стремились превратиться из этнографической массы в «титульную нацию» путем присоединения к УССР. Учитывая эти пожелания, руководящий состав УССР в 20-х годах не раз ставил перед Кремлем вопрос о присоединении к республике пограничных территорий с преобладавшим украинским населением.

После столетий пребывания в душевной атмосфере Российской империи украинцы успели вдохнуть воздух свободы, став гражданами УНР — государства, которое пережило свою гибель, возродившись в виде советской республики. Могли ли стать опасными для Кремля граждане УССР, то есть украинцы как «титовская нация» — крупнейшая в стране, за исключением русских? На Западе и в России часто воспринимают голодающего украинского крестьянина только как крестьянина, а не как гражданина УССР. Советский Союз выглядит чаще всего как совокупность бесправных республик, созданных большевиками под «титовские нации». Это верно, но следует заметить, что таким он стал только после Большого голода 1932—1933 годов и Большого террора 1937—1938 годов. Ранее Советский Союз был союзом государств.

Выдающийся американский историк Ричард Пайпс утверждал, что национальная советская государственность была фикцией, потому что за ней таилась диктатура с центром в Москве. С этим утверждением следует согласиться, но им нельзя ограничиться. Оставаясь в рамках только такого представления о советской власти, мы не поймем причин украинского Голодомора.

Конституционные конструкции государства советского типа не были существенно важными для Кремля, потому что за ними таилась не отраженная в Основном Законе диктатура партийных вождей. Эта особенность позволяла как угодно выставлять национальную советскую государственность. Контролируемая большевиками страна оставалась централизованной даже тогда, когда не имела названия и состояла из девяти формально независимых государств (1917—1922).

В. Ленин трижды посылал вооруженные силы России в Украину и в конце 1920 года сосредоточил в этой жизненно важной для Кремля республике более миллиона красноармейцев. Вместе с чекистами и милицией они создавали мощное силовое поле, в котором никто не смел бросить вызов диктатуре ЦК РКП(б). Тем не менее Ленин в декабре 1920 года заключил договор между Российской Федерацией и Украиной, в котором каждая сторона торжественно признавала независимость и суверенность другой. Когда больного Ленина поставили перед фактом образования единого советского государства путем «автономизации» национальных республик (то есть превращения их в автономные республики Российской Федерации с негосударственным статусом), он внес в конституционную конструкцию принципиальные поправки. Создавался союз государств, в который «вместе и наравне», как подчеркивал Ленин, входила

как Российская Федерация, так и все другие независимые республики. В конституциях советских республик, как и в общесоюзной, отмечалось, что каждая республика имеет право выхода из Советского Союза. Процедура выхода, естественно, не прописывалась.

Западные советологи вслед за французским ученым Аленом Безансоном повторяли, что накануне Первой мировой войны у России были все шансы успешно осуществить социально-экономические преобразования, чтобы стать в один ряд с другими великими державами, но не было ни единого шанса решить национальный вопрос. Преобразования вели к национальному возрождению угнетенных народов, что было главным условием для постановки вопроса о собственной государственности.

Однако В. Ленину удалось перехитрить историю и сохранить основную часть дореволюционной империи в новой, уже советской оболочке. На Всероссийском съезде советов в январе 1918 года он заявил, что образованная большевиками республика является свободным союзом наций, и эта федерация будет расти вполне добровольно, без лжи и железа.

Откуда такая убежденность? Советская государственность была непростым понятием как в своем первоначальном, то есть российском измерении, так и во вторичном, национальном. Ленин считал, что национально-освободительное движение народов, вышедших из-под гнета самодержавия, удовлетворится вполне реальной советской государственностью, особенно если не будет иного выбора. Он превосходно понимал, что национальная государственность в советской форме контролируется из Москвы.

Чем была советская государственность в своем первоначальном измерении? Суть большевистской диктатуры Ленин определял в немногих словах: «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть» (Полн. собр. соч., т. 41, с. 383). Источником диктатуры большевики называли не собственную партию, а пролетариат. Вместе с тем они утверждали, что государственной формой диктатуры пролетариата являются советы, а революционным авангардом пролетариата — только их партия. Из этого следовало, что в России все-таки была установлена диктатура партии.

Это была своеобразная диктатура. После слияния с советами в ноябре 1917 года ленинская партия превратилась в государственную струк-

туру, сохранив внешний облик политической партии. Численность ее начала гипертрофированно расти, но никто из членской массы не чувствовал себя диктатором и действительно не был им. Масса была лишь «приводным ремнем» от вождей к народным низам. Руководящие партийные деятели, которые не входили в Центральный комитет, тоже были лишь проводниками диктатуры, которая реально принадлежала сначала ЦК, с 1919 года — политбюро ЦК, а с 1929 года — сталинской команде в политбюро.

Однако парткомы, начиная от Центрального комитета, брали на себя лишь небольшую часть государственных функций. Львиная доля непосредственной управленческой работы возлагалась на исполкомы советов. Благодаря такому размежеванию функций партия сохраняла за собой политическую власть, но освобождалась от ответственности за рутинные дела. Исполкомы советов лишались политического влияния, но наделялись в полном объеме распорядительными функциями.

Двуединую конструкцию власти следует признать гениальным изобретением Ленина. Но и она не была целиком безопасной для центра, который следовало бы назвать не Москвой, а Кремлем. Москва — это столица Российской Федерации, которая оказалась наиболее обделенной в правах союзной республикой после того, как вожди большевиков превратили всероссийский ЦК РКП(б) во всесоюзный орган компартийной диктатуры. Хотя Россия была государствообразующей республикой, общесоюзный центр не стремился ни отождествить себя с ней (этому мешала конституционная конструкция СССР), ни создать в Москве конкурентный центр российской власти.

Чем же была советская государственность в ее национальном измерении? В руках советов, в том числе национальных, сосредоточивалась реальная исполнительная власть. Пока эта власть контролировалась непосредственно Кремлем, угрозы для распада СССР не существовало. Если бы контроль явочным порядком перетек в региональные структуры партии (вследствие кризиса власти в центре), то угроза распада становилась реальной. Наибольшая потенциальная угроза ассоциировалась в Кремле в Украиной — республикой с прочными традициями национальной (но не советской!) государственности. Эта республика граничила с Европой и по своим экономическим ресурсам, включая человеческий потенциал, не уступала всем другим национальным республикам, вместе взятым.

Во время образования СССР Ленин убедил вождей второго эшелона в том, что высокий статус национальных государств советского типа

можно считать безопасным, поскольку любая инициатива с их стороны парализуется по партийной линии. Однако для национальных республик с таким высоким статусом пребывание в тоталитарном «государстве-коммуне» оказалось смертельно опасным. Чтобы воспрепятствовать угрозе повторного распада империи в условиях острого социально-экономического кризиса, Кремль мог применить любые средства...

Массовые репрессии сталинской эпохи четко различимы по своей направленности — социальной, этнической, национальной, территориальной. Украина на четверть столетия, то есть на весь период сталинской диктатуры, оказалась в эпицентре репрессий. Сталин боялся Украины и не доверял даже тем ее руководителям, назначение которых происходило под его собственным контролем. «В Украинской компартии (500 тысяч членов, хе-хе) обретается не мало (да, не мало!) гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец — прямых агентов Пилсудского», — писал он с курорта Кагановичу 11 августа 1932 года. Получив сведения о том, что десятки райпарткомов высказались против навязанного Украине плана хлебозаготовок, он заявил в этом письме прямо и недвусмысленно: «Украину можем потерять..., как только дела станут хуже». Отсюда видно, что генсек осознавал опасность суверенизации УССР в случае кризиса в центре. Это не удивительно, ведь объективные основания для суверенизации республик всегда существовали. Более того, они были реализованы в 1989—1991 годах.

Голодомор не может быть отделен от других видов репрессий. Суть их состояла в том, что контроль над партией, государством и обществом генсек использовал для уничтожения тех, кто представлял угрозу его личной власти. Жертвами сталинской команды стали и полумиллионная Компартия Украины (численность которой за несколько лет сократилась почти наполовину), и украинские крестьяне вместе с крестьянами других национальностей, которые имели несчастье проживать на территории республики, и беспартийная украинская интеллигенция и, если требовалось отвлечь гнев репрессированных от генсека — те, кто непосредственно осуществлял репрессии. Одновременно с репрессиями в УССР Кремль раз и навсегда решил проблему «второй Украины» на Северном Кавказе: украинизация районов с большинством украинского населения прекратилась, а коренным жителям было предписано считать себя русскими. После Голодомора и совпавших с ним по времени кампаний борьбы с «петлюровщиной» и «скрыпниковщиной», в ходе которых были

уничтожены либо изолированы десятки тысяч представителей национальной интеллигенции, протестный потенциал украинского народа был настолько подорван, что Сталин отважился сделать шаг, который в сложившейся ситуации уже утратил политическое значение: он перенес столицу УССР из Харькова в Киев.

Следует с пониманием отнестись к чувствам граждан Украины, которые десятилетиями жили в условиях сталинской диктатуры, а после войны оказались на Западе. Они были убеждены, что их преследовали по признаку этнического происхождения. Но уже Джеймс Мейс первым из ученых заявил, что сталинский террор в Украине направлялся не против лиц определенной национальности, а против граждан Украинского государства.

5. НОВОГОДНЯЯ ТЕЛЕГРАММА ВОЖДЯ

Вторая половина 1932 года оказалась точкой пересечения двух кризисов, которые наложились один на другой — в социально-экономической и национальной политике Кремля. Как свидетельствуют документы, Сталин более всего боялся социального взрыва в голодающей Украине. Граждане Украины даже в «смирительной рубашке» советской республики создавали самым своим существованием угрозу для кремлевских преступников, которые овладели партией и созданной ею новой империей.

Когда мы говорим, что Кремль поставил украинских крестьян на грань и за грань смерти сначала конфискацией хлеба, а потом — всего незернового продовольствия, от нас требуют: покажите документ! Нет документа, нет и геноцида.

Люди, которые пережили Голодомор, рассказывали, что специальные бригады под руководством чекистов проводили обыски в хозяйствах и забирали все продовольствие. Десятки, сотни, тысячи свидетельств из разных населенных пунктов слагаются в целостную картину. Если это верно, то следует сделать единственно возможный вывод: те, кто обыскивал, руководствовались приказом, даже если он не был зафиксирован на бумаге. Но от нас требуют письменный документ.

Что же, можно показать и письменный документ. Он был напечатан еще в сентябре 1990 года, но без контекста остается «глухим». Рассказ о телеграмме вождя, которая была адресована украинским крестьянам 1 января 1933 года, надо начинать с действий чрезвычайных хлебозаготовительных комиссий, посланных генсеком под руководством Молотова в УССР, и под руководством Кагановича — на Кубань. Молотов написал

текст двух постановлений: ЦК КП(б)У от 18 ноября и СНК УССР — от 20 ноября (окончательный их текст завизировал Сталин). В них содержались зловещие пункты о натуральном штрафовании «должников» — мясом и картофелем.

На протяжении декабря 1932 года у крестьян непрерывно искали хлеб. К обыскам привыкли и те, кто обыскивал, и те, кого обыскивали. Обыски проводились уже слаженными командами, которые возглавлялись чекистами. В них входили люди, командированные городскими учреждениями и предприятиями, а также местные колхозники — члены комитетов незаможных крестьян. Они тоже голодали, и поэтому делали свое дело добросовестно, получая определенную часть найденного хлеба. Чекисты доложили в Кремль, что за декабрь и две декады января они нашли в УССР 14 956 ям в крестьянских усадьбах и 1 980 «черных амбаров» в колхозах, а всего 1,7 млн. пудов зерна. Это было мизерное количество. Заготовители еще до кампании обысков изыали из деревни весь хлеб, как это они сделали и в предыдущие годы. Подземных «пшеничных городов», описаниями которых были полны газетные страницы, чекисты в Украине не нашли.

В конце декабря Сталин знал, поскольку чекисты докладывали, что «пшеничных городов» под землей в Украине нет. Тем не менее руководители республики получили от него новогоднюю телеграмму, в которой предлагалось «широко оповестить через сельсоветы колхозы, колхозников и трудящихся единоличников, что:

а) те из них, которые добровольно сдают государству ранее расхищенный и скрытый хлеб, не будут подвергаться репрессиям;

б) в отношении колхозников, колхозов и единоличников, упорно продолжающих укрывать расхищенный и скрытый от учета хлеб, будут применяться строжайшие меры взыскания, предусмотренные постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г.».

В телеграмме один сюжет — о расхищении урожая. Мы можем оценить степень озлобленности городского населения, которое перед новым годом стало получать сокращенный хлебный паек вследствие того, что колхозники и единоличники «разокрали урожай». Мы можем оценить и мастерство сталинской режиссуры, которая гротескно преувеличивала масштабы «украденного» и обременяла виной за голод в стране, который становился все более тяжким, именно крестьян.

Если рассматривать сталинскую телеграмму вне времени и пространства, мы не почувствуем в ней взрывчатой силы. Ее ужасающее со-

держание раскрывается только при аналитическом изучении. Сталин знал, что не стоит рассчитывать на возврат хлеба, который «разокрали». О чем же шла речь?

Первый пункт телеграммы был предупреждением: сдавайте хлеб, иначе будет хуже. Второй пункт становится понятным только в сопоставлении с первым, поскольку адресовался крестьянам, которые проигнорировали предупреждение. Но таких крестьян следовало определить. Каким же способом? Еще не придумали ничего другого, кроме обыска. Следовательно, адресованная украинским крестьянам телеграмма генсека была сигналом для проведения массовых обысков. Те, кто пережил Голодомор, рассказывали, что в ходе январских обысков у крестьян забирали не только картофель и мясо с салом, как предусматривалось в партийно-правительственных постановлениях о натуральном штрафовании, но и все продовольственные запасы. Следовательно, телеграмма безошибочно указывает на человека, который дал сигнал начать репрессивную акцию по изъятию незернового продовольствия, то есть на организатора террора голодом.

Конфискацией продовольствия Сталин не ограничился. 22 января 1933 года он собственноручно (автограф сохранился) написал от имени ЦК ВКП(б) и СНК СССР директивное письмо, которое начиналось так: «До ЦК ВКП и Совнаркома дошли сведения, что на Кубани и Украине начался массовый выезд крестьян «за хлебом» в ЦЧО, на Волгу, Московскую обл., Западную обл., Белоруссию». Кремль потребовал от руководителей соседних регионов заблокировать УССР и Кубань.

Сталин не только лишил украинских крестьян еды и заблокировал их (сначала — в границах республики, а с апреля 1933 года, когда в городах развернулась свободная продажа хлеба по коммерческим ценам — в пределах сел). Он запретил использовать слово «голод» даже в служебной документации компартийно-советских учреждений с грифом «совершенно секретно». Крестьяне должны были молча умирать в своих селах.

Таким образом, общесоюзный голод 1932 — 1933 годов очень легко отделить от украинского Голодомора. Голод наблюдался почти всюду, в том числе, конечно, и в Украине. Но, вызванный конфискацией всего съестного, Голодомор явился спецификой одной лишь Украины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В материалах, предназначенных для газеты «День», я всегда стремился соединять публицистику с наукой. Историку это легче сделать, чем представителю иной науки. В отличие от других сфер человеческого знания, история имеет трехслойную структуру. Это не только наука и учебная дисциплина, это и неотъемлемая часть нашего «я» — сознания, мироощущения, памяти, души.

Конечно, существует объективная разница между научной статьей и статьей, предназначенной для газеты. Но у меня нередко выходило так, что именно выступление в газете «День» служило основой для последующей статьи в научном журнале или доклада на конгрессе, конференции, симпозиуме. Так рождался жанр научной публицистики, весьма отличающийся от всем знакомого научно-популярного жанра.

Я далек от мысли позиционировать себя как зачинателя нового жанра. Все намного проще: когда я брался за статью для уважаемой газеты, хотелось как можно быстрее обнародовать свои, нередко «еретические» мысли в области истории советского коммунизма. Если уж говорить о жанре, то его родоначальником надо считать саму газету, которая решается публиковать на своих страницах огромные по объему и сложные по содержанию материалы. Скорее всего, такую лидерскую роль должны разде-

лить с газетой ее читатели, ведь без них она существовать не может.

Книга сложилась из статей, посвященных украинскому Голодомору. В ней опубликованы только те статьи, где речь идет о Голодоморе как геноциде. Этот ракурс в исследовании темы стал особенно актуальным после признания сталинского преступления геноцидом на уровне Закона Украины. После того, как Верховная Рада Украины сказала свое слово, мы должны с удвоенной энергией добиваться признания Голодомора геноцидом от международного сообщества.

Проблема Голодомора очень заполитизирована. Создается впечатление, что оппоненты, которые высказывают противоположные точки зрения, не вслушиваются в аргументы другой стороны. Поэтому так важно сконцентрировать усилия на проблеме осознания, осмысления, постижения этой трагедии. Мне, например, часто приходилось писать не столько о том, что происходило в начале 30-х годов, сколько о том, как мы теперь воспринимаем случившееся тогда. Нарботанные исторической наукой знания о голоде 1932—1933 годов в Советском Союзе и Голодоморе в Украине надо сделать достоянием широкой общественности. Ведь погибли миллионы наших родных и близких. Такая задача является жизненно важной, хотя речь идет о событии, отделенном от нашего времени тремя четвертями века. Ради будущего.

ОБ АВТОРЕ

Станислав КУЛЬЧИЦКИЙ родился в Одессе 10 января 1937 года в студенческой семье (мать Мария Карапетовна и отец Владислав Вениаминович были студентами Одесского института инженеров морского транспорта). В конце 1937 года отца репрессировали.

Станислав Владиславович закончил Одесский государственный университет им. И. Мечникова (исторический факультет) в 1959 г.

Места работы:

1958—1960 гг. — Одесский областной государственный архив.

1960—1972 гг. — Институт экономики АН УССР.

С 1972 г. и поныне — Институт истории Украины НАН Украины.

Научные степени и звания:

Кандидат экономических наук (1963), доктор исторических наук (1976), профессор (1988), заслуженный деятель науки и техники Украины (1996).

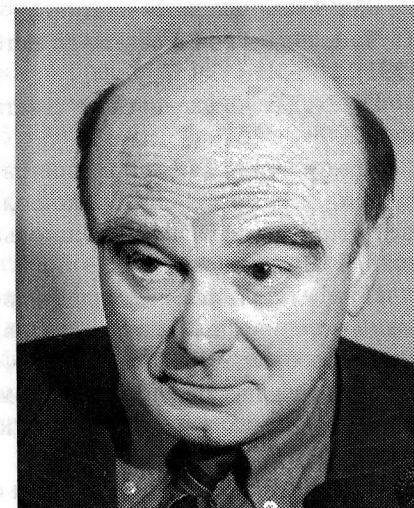
Научная школа:

Научный руководитель 28 кандидатов наук, научный консультант 18 докторов наук.

Должности:

Заведующий отделом истории Украины 20—30-х гг. XX столетия (с 1977 г. и поныне).

Заместитель директора по научной работе Института истории Украины НАН Украины (1977—1979 гг., с 1990 г. и поныне).

Заместитель академика-секретаря Отделения истории, философии и права НАН Украины (1983—1988 гг., с 1998 г. и поныне).

Печатные работы:

1800 научных и научно-популярных работ, в том числе 48 монографий, учебников, пособий и научно-популярных книг (некоторые из них в соавторстве). Есть публикации в Италии, Канаде, Германии, Великобритании, США, Польше, странах СНГ. С 1997 г. печатается в «Дне» — за десять лет нашего сотрудничества опубликовал около ста материалов.

Общественные должности:

Член экспертного совета по историческим наукам ВАК СССР (1988—1991).

Председатель экспертного совета по историческим наукам ВАК Украины (2000—2004).

Председатель Союза архивистов Украины (1991—2000).

Сопредседатель Украинско-польской комиссии экспертов по совершенствованию содержания школьных учебников истории и географии (с 1993 г. — поныне).

Председатель рабочей группы по разработке предложений для подготовки исторического заключения в Правительственной комиссии по изучению проблемы ОУН-УПА (1998—2006).

Член государственной межведомственной комиссии по делам увековечивания памяти жертв войны и политических репрессий при Кабинете Министров Украины (с 2007 г.).

Член подкомиссии по вопросам сотрудничества в сфере образования и науки Украинско-российской межгосударственной комиссии (с 2006 г.).

Преподавание в высшей школе:

Национальный университет «Киево-Могилянская академия», Киевский Славистический университет, Национальный университет им. Т. Шевченко.

Награды:

Государственная премия Украины в сфере науки и техники (2001), ордена — «За заслуги», III ст. (2001) и II ст. (2006).

О СОСТАВИТЕЛЯХ

Лариса ИВШИНА — уроженка Волынской области, закончила факультет журналистики Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко. Работала в киевской прессе. В 1992-1995 гг. — редактор отдела политики, с 1993 г. — заместитель главного редактора газеты «Киевские ведомости», в 1995—1996 гг. — пресс-секретарь премьер-министра Украины. С июля 1996 г. — главный редактор информационных программ телеканала СТБ. С января 1997 г. — главный редактор газеты «День».

Автор идеи историко-культурологических страниц «Украина Incognita», «История и Я», а также идей книг из серии «Библиотека газеты «День» — «Украина Incognita», «Две Руси», «Війни і мир», «День і вічність Джеймса Мейса», «Апокрифи Клари Гудзик», «Мої университети», альбома Анатолия Казанского.

Заслуженный журналист Украины (2002), академик Острожского академического братства (2006).

Надежда ТЫСЯЧНАЯ — родилась в Тернополе. Закончила филологический факультет Тернопольского государственного педагогического университета. С 2004 г. — журналист газеты «День». Была одним из редакторов книг из серии «Библиотека газеты «День» — «Війни і мир», «День і вічність Джеймса Мейса», «Апокрифи Клари Гудзик», «Мої университети».

СОДЕРЖАНИЕ

Лариса ИВШИНА

Слово к читателям 3

I. ПОЧЕМУ СТАЛИН НАС УНИЧОЖАЛ? (ЦИКЛ СТАТЕЙ)

Геноцид как политико-правовая категория

1. Суть вопроса 9
2. Первые попытки определения Голодомора как геноцида 12
3. Политизация проблемы Голодомора 15

Как осмысливали Голодомор

1. Молчаливый террор 22
2. Прорыв молчания 26
3. Усилия украинской диаспоры 29
4. Позиция советских историков 33
5. Конфликт внутри поколения 44
6. Дискуссии с российскими учеными 48
7. Позиция западных исследователей 53
8. Заглянуть в бездну 57

Идеологическое измерение геноцида

1. О природе советской власти 58
2. Лозунги русской революции 61
3. «Избавиться от крестьянства!» 67

Социально-экономическое измерение геноцида

1. Цель и вектор социально-экономических преобразований 73
2. «Ликвидация кулачества как класса» 76
3. «Головокружение от успехов» 79
4. Кризис колхозного строя 82

Национальное измерение геноцида

1. Сталинский оскал 84
2. Национальность или гражданство? 85
3. Кремль и граждане Украины 87
4. Возвращаясь к определению геноцида 90
5. Как это было 96

Послесловие 101

II. БЫЛ ЛИ ГОЛОДОМОР 1933 ГОДА ГЕНОЦИДОМ?

- От редакции «Дня»: 102
1. Суть вопроса 103
 2. Переосмысление истории советской эпохи 105
 3. Возможность геноцида в коммунистическом строительстве 107
 4. Осознание геноцида 111
 5. Отношение «партии власти» к Голодомору 113
 6. Украинская диаспора и голод-геноцид 116
 7. Россия и украинский Голодомор 120
 8. Почему стал возможен террор голодом? 124
 9. Выводы 129

III. ГОЛОДОМОР 1932–1933 ГОДОВ КАК ГЕНОЦИД: ПРОБЕЛЫ В ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ БАЗЕ

1. Память о Голодоморе 132
 2. Доказательная база существует! 134
 3. Как мы шли к признанию Голодомора геноцидом 140
 4. Шансы на международное признание геноцида 145
 5. Кого уничтожал Сталин? 149
 6. Количество уничтоженных голодом 158
- Послесловие 162

IV. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВОДОВОРОТ

1. Суть проблемы 164
2. Дар императрицы 166
3. Украинизация Кубани 167
4. Миссия Кагановича 171
5. «Петлюровская украинизация» 173

V. МОЖНО ЛИ ОТДЕЛИТЬ ГОЛОДОМОР В УКРАИНЕ ОТ ОБЩЕСОЮЗНОГО ГОЛОДА 1932–1933 ГОДОВ

1. Вердикт наших критиков 176
2. Обстоятельства места и времени 180
3. Политика «подхлестывания» 183
4. «Украину можем потерять!» 190
5. Новогодняя телеграмма вождя 198

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. 201

Об авторе 203

О составителях 205